Сергей Иванов

Где ваш дом, дети?..

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги — врач-педиатр, начал печатать свои рассказы и повести с 1974 года. Он — лауреат Всесоюзного литературного конкурса им. Н. Островского.

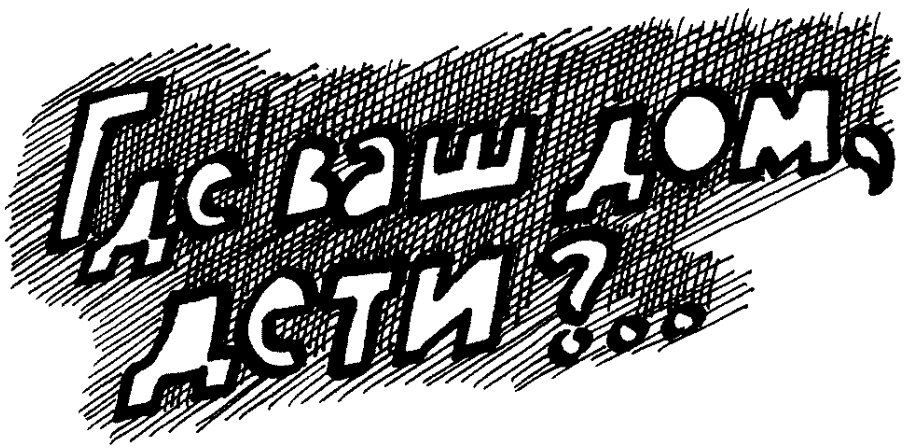
В эту книгу вошли две повести. Первая написана в жанре дневника и тонко, проникновенно показывает зарождение, развитие и формирование отцовского чувства.

Вторая — страстный рассказ об изломанных детских судьбах, о сиротах при живых родителях.

Рассчитана на широкий круг читателей.

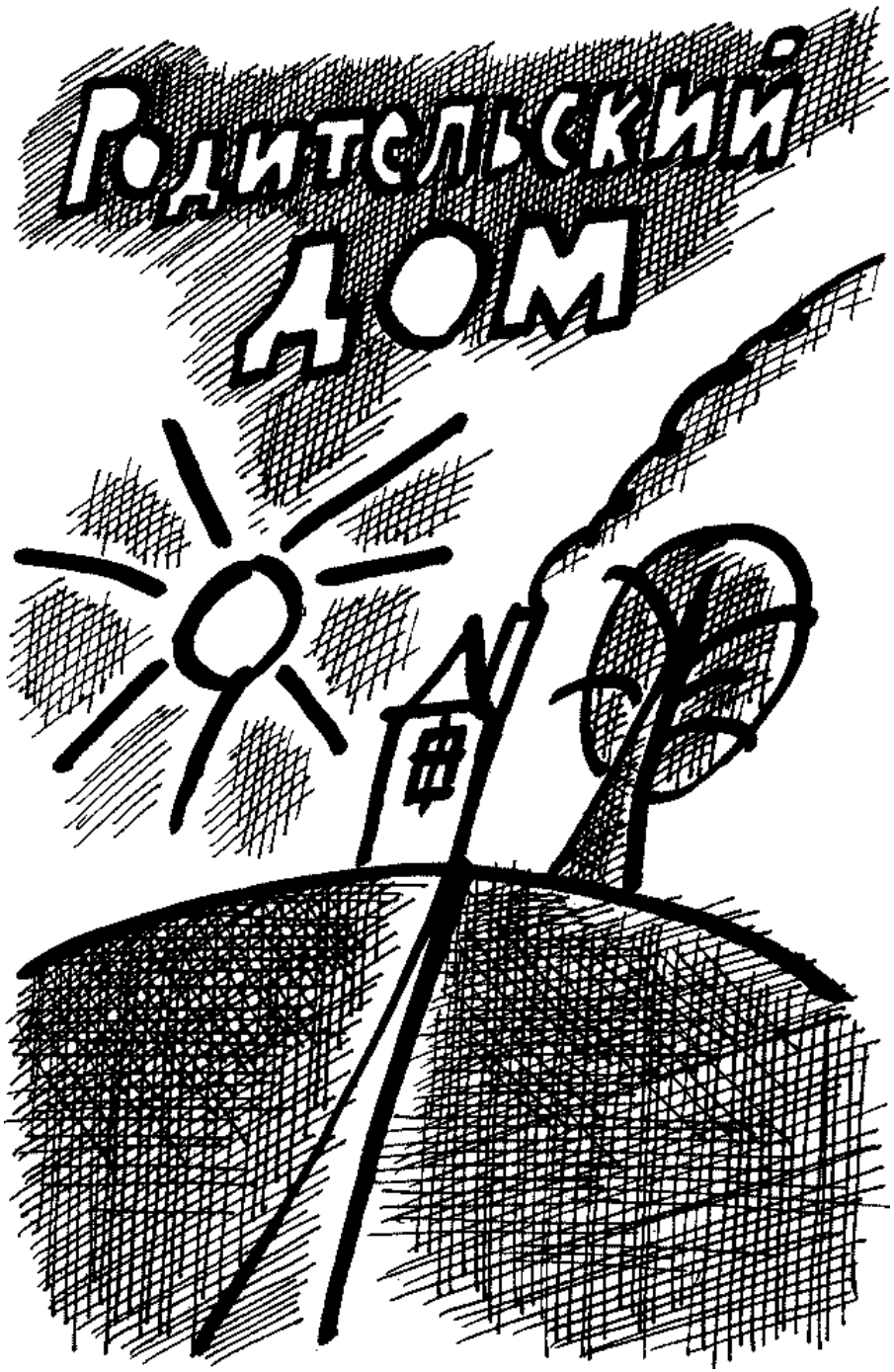
- Сергей Иванов
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - Родительский дом
      - От рождения до года
      - От года до двух
      - От двух до трех
      - От трех до четырех
      - От четырех до пяти
      - От пяти до шести
      - От шести до семи
      - От семи до восьми
      - От восьми до девяти
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - Дом без родителей

Сергей Иванов



Сергей Иванов
ГДЕ ВАШ ДОМ, ДЕТИ?..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
(Дневник отца)



Родительский дом

Моей жене и другу посвящаю.
Автор

От рождения до года

Я отец. Родитель маленького мальчика. Непривычно и страшно. Иду по улице и разглядываю мальчишек. Таким мой будет через пять лет, вот таким — через пятнадцать. И понимаю, что чепуха, что не таким он будет. А все-таки поскорее хочется «примерить» к себе сына во всех возрастах, привыкнуть к мысли, что рядом со мной суждено расти новому человеку, мужчине, гражданину двадцать первого столетия.

…Привезли его домой. И все притихли, все замерли, приглядываясь, не смея жить привычно, то есть громко.

Возникла кроватка с деревянными перильцами, похожая — так мне виделось — на старинный аэроплан. Письменный стол переделали в пеленальный. Прикатили коляску из магазина. Выросла гора пеленок-распашонок.

Галка, жена, в постоянном восхищении сыном. Она обсуждает со своей мамой каждый крик и любой взгляд Саньки (так мы его назвали), а я удивляюсь, что любая мелочь, с ним связанная, может стать для женщин событием…

…Он кричит. Вначале крик-предупреждение: «Ох, что-то случилось, посмотрите на меня!..» После некоторого молчания тоном выше, требовательнее: «Да вы что, забыли, что я у вас есть!..» И наконец, надрывный, захлебывающийся протест погрубевшим, обиженным голосом: «Не хочу с вами знаться! Никакого внимания! Ну вас всех!..»

Личико морщинится, делаясь некрасивым и стареньким. Ноги-руки тычутся под пеленкой бестолково и быстро.

Галка перепеленывает его, и он замолкает, удовлетворенный… Чуть позже я взял сына на руки, и вдруг у него глаза распахнулись, и он поглядел на меня пронзительно и тревожно. А я на него уставился. Так изучали друг друга несколько минут. Потом Саня улыбнулся, а я обомлел от этой его улыбки. У самого физиономия расплылась в ответ.

Вроде бы я к нему всей душой. Но Галка вдруг озадачила: упрекнула, что холодновато отношусь. Стал думать. На руки его лишний раз стараюсь не брать, ни разу не поцеловал за первый месяц его жизни? Это, что ли, холодновато? Не говорю вслух о своих чувствах? Не клянусь в вечной верности сыну?..

Впрочем, поразмыслив, решил, что Галка права. Действительно, особой нежности к сыну пока не испытываю. Что он сейчас такое? Маленький симпатичный звереныш без разума. Ни поговорить с ним, ни сходить куда-нибудь вместе! Ни поучить его чему-то, ни заняться чем-то на пару!.. Видимо, в этом специфика проявления родительского чувства у мужчины: позже, значительно позже мужчина ощущает себя отцом, чем женщина матерью. Что это значит — ощущать себя отцом? В первую очередь, по-моему, чувствовать, что ты нужен. А нужен ли мужчина, нужен ли отец грудному малышу? Решительно могу сказать: не нужен. Как рабочая сила, к примеру пеленки гладить, мужчина нужен жене. А ребенку только лишняя досада, лишний крик от жестких мужских рук. Так что необходимость в папе возникнет для Саньки не раньше, чем в год-полтора, так я сейчас считаю.

Главное, что я сделал для него на сегодня, дал ему имя. Галка предоставила мне эту честь, и я назвал его Александром сразу, без колебаний. Не в чью-то честь. Не потому, что значение имени понравилось.

Просто знал, как он будет зваться. Сразу знал, не размышляя, не сомневаясь.

А ведь говорят, имя связано с судьбой. Или судьба с именем. И, выбирая имя, мы выбираем то, что достанется ребенку на земле…

Может быть, мне просто пришлась по душе ласкательность этого имени? Санечка… Сашуля…

Или созвучность тому званию — сын, — которое он получил при рождении. Санек — сынок… Санюля — сынуля…

Звучит как стихи. Или как песня.

Правда, Галка от меня не отстала. Я дал имя, она придумала титул: Клопуська Жукастенький Первый.

И стал Санька у нас наследным принцем. Обедаем мы, к примеру, на кухне, и вдруг он за стеной голос подает.

— Клопуська Жукастенький гневаться изволят! — говорю я значительно.

— Он вас вызывает, лорд-камергер! важно, в тон мне, подхватывает Галка.

Оба хохочем, и я спешу к его высочеству нижайше проведать, не мокры ли его пеленки.

…В сыне и радость, и величайшая грусть. Вот он живет, кричит — тот, кто увидит меня мертвым, тот, кто похоронит меня и будет сидеть на моих поминках. Ведь говорят же: смерть отца — рубеж взрослости сына. Даже вещи чувствуют, что люди не вечны. Бывают минуты отстраненности, когда все твое отворачивается,

как бы загодя привыкает к твоему отсутствию. Проснешься, глянешь на комнату и чужой она кажется. Словно преданная собака, свивается кольцом вокруг Сашиной кроватки и ждет:

— Проснись, хозяин!..

Грозишь ей пальцем, чтобы про тебя вспомнила, и делаешь зарядку, чтобы заново в ней утвердиться.

Начинается день, и снова надо мирно сосуществовать со стариками в нашем густо населенном мире из трех комнат.

Незаметно дожили до важного рубежа: стали надевать на Саньку ползунки. Ему это нравится, повышает его оптимизм. Руками-ногами двигает как хочет, порой так быстро, что смотреть устаешь. И на человека в таком обличье больше похож, чем в пеленках.

У меня иногда возникает чисто мужское чувство у женщины такого быть не может, — что он притворяется, лежа, крича, глядя в пространство. Жду — вот сейчас подмигнет мне, надоело, скажет, валяться, встанет и пойдет…

Не раз убеждался: он «слышит» мой эмоциональный фон. Улыбнусь ему устало или отрешенно, думая, о чем-то другом, и он не реагирует, не одаривает своей улыбкой. Обратная связь не включается. Он словно ждет: «Наполни свою улыбку душевностью, не забывай о душевности, тогда мы будем понимать друг друга!..» Я сосредоточиваюсь, нахожу в себе что-то мягкое и светлое. И Саня чувствует это, лепечет бессловесную веселую песню, разевает в улыбке беззубый рот…

На время отпуска приехали с пятимесячным сыном в деревню. Здесь живет его прабабушка. Мы зовем ее Булей, она добрая, худая, подвижная.

Санька много гуляет. Достаточно выставить коляску за порог избы — и на тебе: сколько хочешь свежего воздуха, солнца, листвы. Он лежит и смотрит в небо, и мысли, как тени облаков, пробегают по его лицу.

Пытались прикрывать его марлей от комаров, но он ее хватает и запихивает в рот. Приходится стоять рядом и отгонять насекомых.

Один знакомый уверял меня, что грудные дети едины с окружающим миром, они чувствуют себя клубками сплетенных мировых линий: плачут, если на Солнце мощный протуберанец или где-то вспыхнула сверхновая. Верно ли это? У меня в груди замирало от его слов, а потом хотелось теребить Саньку и просить:

— Ну расскажи! Ну хоть чуточку! Такой ты или нет?..

Жизнь состоит из проникновенных мгновений. Сознание скачет от одного такого мгновения к другому, а между ними как бы пунктир, провисший провод, а то и вовсе ничего…

Вот вернулись после купания, Галка подошла к Саньке, а тот вдруг потянулся к ней руками, засмеялся. Она взяла малыша, он уткнулся ей в щеку и чмокал, чмокал…

— Соскучился, хороший мой! — тихо сказала Галка. — Никак нацеловаться не можешь!..

И Санька растворился в ней. Мгновение было проникновенным, волнующим, одно из лучших в жизни…

Я ходил по огороду. Саша сидел на моей руке. Крупные головки мака, синевато-матовые, привели его в совершенный восторг.

— У-у-у! — протянул он и забормотал, запел непереводимую эпиталаму. Руками хватался за головки, а они, упругие, раскачивались, не давались. А Санька ловил их снова и снова, поймал одну, прижал к груди и минуту отдыхал от тяжких трудов. Потом потянул ее в рот, но пустышка не пускала. Снова потянул. Много-много раз.

Убедился, что не попробовать красивый шарик, и вдруг сморщился, заплакал. Тихо, с горькой обидой. И я, чтобы не длить его разочарования, поскорее поднес его к листу подсолнуха. Сын глянул заинтересованно, принялся гладить и мять лист, рассматривать его на свет…

Природа — его первое пристрастие, сверстники — второе. В соседнем доме есть грудная девочка. Санька разволновался, увидев ее, залопотал, потянулся. А уж улыбка на лице была — ясно солнышко. Налюбоваться на подружку не мог. Прыгал на руках — так он прыгает, когда слышит музыку. Для своей соседки по деревне исполнил целую балетную сюиту. Девочка глядела заинтересованно…

Незаметно образуются первые привычки. Любит откидывать голову назад, чтобы она свешивалась с руки. Упаси боже положить его голову себе на руку: шуму будет! Идеал — чтобы голова свободно висела. Шею тогда не надо напрягать. Так он изобрел, лентяйчик из лентяйчиков, так ему нравится. Вот и смотришь порой: тело его у тебя на руках, а голова свободно болтается под ним, словно кочан капусты с двумя глазенками. И любопытные эти глазенки, кажется, вертят вправо-влево замечательный этот кочешок…

Стоит его внести в незнакомое помещение, как он на секунду замирает. Потом быстрым веерным взглядом окидывает все вокруг и начинает постепенное изучение по секторам. Осмотрит

какой-то сектор и делает выводы: хмурит брови, улыбается или недоумевает. Все обследует и на своего «носителя» уставится: ну что, мол, ты мне приготовил еще?.. Кажется, вот-вот руки потрет и потребует: не томи, удивляй дальше…

Когда спустишь его с рук, он быстро отвлекается от «возвышенных» впечатлений. Лежит в кроватке, занимается с игрушками и ворчит, ворчит беспрестанно. Совсем как медвежонок. Галка наклонится — он ворчит, ощупывая Галкино лицо. И убаюкивает сам себя переливчатым бормотанием. И во сне что-то недовольно выговаривает, если мы близко шумнем.

Пошел ему седьмой месяц — и надоело лежать. Я ему по пальцу даю в каждую ладошку, и он, изгибаясь дугой, садится и глядит вокруг торжествующе. И перевести его взгляд можно только так: «Наконец-то и я равен вам! Наконец-то и я занимаю положение, которое пристало взрослому!..»

Охотно сидит в постели, обложенный подушками. Охотно сидит в коляске. Похож в таком виде не на утонченного принца, а на восточного деспота, властелина Золотой Орды.

Равновесие сохраняет еще плохо. Клонится вперед, как складной ножик. Замечает свои пинетки и восторженно вскрикивает. Понимает ли, что это его обутые ножки? Или осознает их как чужие, но интересные предметы? Тянет их в рот. Самый надежный, самый проверенный для него способ познания мира — попробовать на вкус.

Отвлекается покрывалом. И я вижу его бытие как цель секундных впечатлений, не связанных друг с другом…

Выхожу с ним на прогулку. То время, когда носил его по улице на руках, быстро отошло. Теперь сначала спускаю с третьего этажа коляску — скок-скок, со ступеньки на ступеньку. Потом беру Саньку — скок-скок с ним, игрушечным. Укладываю его в коляску — и поплыли-поехали, важные, как дромадеры…

Вернемся с улицы, и бабушка или дед:

— Ну как, Санечка, что видел?..

И Санька тужится, пыхтит, пытаясь что-то сказать. Как будто застряло слово в горле и никак его не вытолкнуть. И видно, как ему хочется поделиться догадками и открытиями. А изо рта — вязкая каша звуков. Только досада и ему и нам. Решили больше не приставать с такими вопросами…

Когда он плачет, его надо переключать. У меня это неплохо получается с помощью новых для него звуков. То зашиплю, как змея, то затрещу, то засвищу, то зацокаю. И он отвлекается от плача. Мол, потом свое докричу, а пока что разберусь в папиных чудачествах.

Стал играть с ним в прятки. И до того ему понравилось, как я исчезаю за пеленкой, а потом снова появляюсь, — хохотал сын в голос…

Отдыхаем от игры — каждый сам по себе. Я думаю, поглядывая то в кроватку, то в окошко. А Саньки словно нет. Словно два человечка лежат в кроватке. У одного движутся голова и руки. Руки что-то хватают, тащат в рот, а голова следит, что там руки ухватили и что еще ухватить можно… У второго человечка движутся ноги: трутся одна об одну, изображают «велосипед», лягают воздух.

Но это не два человечка — это Санька бодрствует. И развлекаются его голова с руками по отдельности от ног. Не желают они пока что признавать друг друга…

Совсем недавно он не любил одеваться. Блаженствовал голышом; в ванночке до того важно возлежал на моей руке, что нельзя было не улыбаться. Начинали одевать, и он воевал: отталкивал руки с распашонками, морщил лицо и вопил, орал, визжал.

Потом стал протестовать против раздевания. На улице так хорошо было, так много зеленых листьев, цветов и солнечных пятен, на улице постоянно что-то происходило: листья шевелились, мухи жужжали, бегали всякие звери. Даже лежать в коляске на улице было интересно: сверху висело синее покрывало с кусками белой ваты и хотелось до него дотянуться.

Как не реветь, когда уносят из такого великолепия! И он не дает развязывать тесемки чепчика, извивается, просится обратно, требует вольных просторов…

А я его заманиваю в дом.

— Пойдем посмотрим, Сашенька, что там бабушка делает…

Приманка оказалась удачной. Как раз бабушка развела огонь в русской печи. Я присел и посадил Саньку на колено. Огонь с аккуратно сложенных поленьев ровно и красиво тек вверх. Наверху он превращался в дым — синяя река неудержимо летела к выходу, глубокая синяя река. И вдруг круто заламывалась, вставала вертикально, исчезая в невидимом нам дымоходе.

Санька смотрел округленными глазами, а когда в печи стреляло, вздрагивал и оборачивался ко мне. Понял ли я, какой сказкой была для него эта картина? Понял ли, что открыл для сына, показав ему безобидный и уютный огонь? Таково почти все воспитание — действо неосознанное, ворожба на уровне инстинктов…

Бабушка и Галка готовились печь пироги. Дали Саньке в ладошку кусочек теста пожамкать, плотный клейкий шарик.

Санька поглядел, сложив губы трубочкой, порадовался — и вдруг так сжал кулачок, что тесто сплющилось, выбрызнулось колбасками между пальцами. Саня удивился. Испытал мир на прочность и увидел его неустойчивость, зыбкость, изменчивость…

Посадили в угол дивана, чтобы он не мешал возиться у печки, и он сидел серьезно и молчаливо. И был красивый-красивый в голубой распашонке и голубых штанишках. Многие говорили, что он красивый, но увидев его там, на диване, я впервые почувствовал это сам.

Мы с Галкой переглянулись, и я сказал с чувством:

— Сударыня! Клопуська Жукастенький — очень удачное ваше произведение!

— Вы правы, сударь, не буду скромничать! — ответила Галка. — Но истинный блеск моему произведению придало ваше соавторство!

А Санька, пока мы беседовали, сполз вперед и хлопал ногой о ногу, словно аплодировал…

Галка, разрумяненная после возни у печки, взяла его, держала на руке лицом к себе, и он, как скульптор, сосредоточенно водил ладошкой по ее щекам, губам, носу — творил, созидал для себя образ мамы…

Напекли пирогов на обратную дорогу, на долгий тряский поезд, и спать легли.

Утром я караулил его пробуждение. И был он, открыв глаза, чужим-чужим, далеким-далеким. Правду говорит восточная легенда, что души младенцев во время сна переселяются в растения и в животных.

Он глядел на меня безразлично и строго. Глядел, не узнавая. И вдруг что-то включилось, он вернулся, заулыбался, признал — и снова стал своим-своим, родным-родным…

Люблю укачивать Саньку, чувствовать на руках его плотненькое, теплое тельце, пахнущее молоком. Спокойствие на меня находит, умиротворенность, ничего не нужно, полное равновесие. Весь мир на одной чаше, и Санька — на другой.

Но вдруг, едва я стал его укачивать, он заплакал — обиженно и испуганно. На другой день то же повторилось: взял его на руки и он испугался, заплакал, затрепыхался. Я озадачился и огорчился. Поломав голову, догадался, в чем дело. Я стоял спиной к свету, и Санька видел над собой человека с черным пятном вместо лица. Человек этот был незнаком и казался враждебным. Тут же я проверил свою догадку: повернулся лицом к окну — и Санька затих, разглядывая меня, и вскоре задремал уютно, засопел, как маленький чайничек…

К нему невозможно привыкнуть — просто не успеть. Что-то новое появляется в нем внезапно, неожиданно, скачками. Только сживешься с одной манерой, как вдруг она исчезает, словно и не было, и обнаруживается другая, неожиданная. Насколько неустойчивое состояние — детство! Вчера еще сидел, а сегодня уже стоит. А завтра уже ходит боком, держась за перильца кроватки. Никак не успеваешь за ним своим инертным, трудно раскачиваемым восприятием.

Вот он указывает на что-то и кричит безостановочно. Требует: подайте немедленно, мне этого хочется.

Не эгоизм ли проклюнулся? Когда оно прилипает к человеку, это «подгребание под себя», мое, мне, никому не отдам? Не сейчас ли? Не на наших ли глазах?..

Пытаюсь противостоять его крику. Говорю спокойно:

— Это не игрушка, Саша, это тебе трогать нельзя!..

Но он не слушает, кричит еще громче, ударяется в слезы. Галка принимает его сторону.

— Зачем ты его нервируешь?..

Про Галкиных родителей и говорить нечего: все пацану дают по первому крику. И вот я побежден, оказался в меньшинстве со своей строгостью, отступил. И в глубине души рад, что отступил. Потому что умом понимал: тешить его, идти у него на поводу — гибельно для него же. А сердцу так приятно тешить малыша…

Видимо, он трусоват. Дашь ему, стоя сзади, руку слева и руку справа — тогда он ходит. А без поддержки — ни шагу. Вцепится в меня и верещит отчаянно. Только на его визг не реагирую — подавляю желание пожалеть, облегчить ему жизнь. Веду, держа за одну руку. Первые шаги он делает со слезами, с протестом. И вдруг находит спасительную поддержку: правой, свободной, рукой хватает сам себя «за грудки». И сразу начинает топать уверенней, свободней. Радостный, гордый, держит сам себя и смотрит на меня с недоумением — чего это я хохочу?..

Приближаемся к моей мечте, к полновесному общению: Санька начинает пользоваться словами. Часто говорит «мама», гораздо реже «папа». Закончив какое-то действие, например питье компота из кружки, бодро докладывает:

— Се!..

Это значит все, финиш.

Если хочет совершить что-то «незаконное», оборачивается и спрашивает у меня:

— Зя?..

Что означает: можно это делать или нельзя?

Когда беру на руки, он обязательно восклицает: «Опа!..» — чем смешит меня.

Стал думать, откуда это, и обнаружил, что довольно часто издаю такой клич. Вот не замечал!

Свои достоинства и недостатки мы часто обнаруживаем не в себе, а в своих детях, и что касается недостатков, это очень опасно. Заметить и исправить что-то в себе самом — и то дьявольски тяжело. А перековывать сразу и в себе, и в ребенке — тяжесть безмерная…

Вот он стоит у журнального столика — чем не человек! — и неторопливо вытягивает газету за газетой. Возьмет, подержит и небрежно швыряет на пол, рядом с собой. И доволен чрезвычайно. Видно по его лицу.

Когда попросишь его почитать, он берет книгу или газету, смотрит в нее и быстро-быстро лопочет что-то на птичьем языке. Подражает нам, взрослым.

Во всех нарисованных мальчиков тычет пальцем и объявляет:

— Са!.. — Саша то есть.

Нарисованных птичек знает и по просьбе четко показывает. Но обозначить словом пока что не может. Любое животное больше птички для него пока что «гав». И собаку и корову он обозначает одинаково: «Гав!..» — и никаких гвоздей…

Вдруг обнаружил, что скучно без него. Уеду на день-другой и вот уже ловлю себя на том, что вспоминаю его лицо, повадки. И на душе теплеет, хорошеет от воспоминаний о сыне. Пусто без него стало бы в жизни, его не отдерешь теперь от себя, не отрежешь никакими ножницами. Он во мне поселился — комфортабельно, с излишками жилплощади, навсегда. А нам с Галкой надо еще заслужить уголок в его душе. Добро и гармонию он воспитывает в нас, молодых и радостных родителях…

От года до двух

У нас пятнадцать детей — вот что пришло мне в голову. Был грудной младенец. Теперь есть годовалый сынишка. Будет двухлетний малыш. Потом трехлетний пацаненок. Потом — через вереницу весен — десятилетний озорник. Потом двенадцатилетний мечтатель. Потом четырнадцатилетний бунтовщик. Ну а после пятнадцати — это уже не ребенок. Пятнадцать детей за пятнадцать лет у нас побывает, а на шестнадцатый год придет в семью взрослый и, будем надеяться, добрый человек…

А пока что Санька не умеет живое отличать от неживого. Или не так — для него все одушевлено, любой камешек и любая щепочка. Быстро усвоил, что значит больно. И теперь в нем проснулась жалость, вселенская жалость философа.

— Бо-бо! — сочувствует, увидев, что обшивка дивана распоролась в одном месте.

— Ай-ай-ай! — сокрушается, отодрав кусочек обоев, а потом гладит стенку: — Бо-бо!..

Я прихлопнул комара на щеке.

— Бо-бо! — тут же констатирует Санька.

И я целую его в знак благодарности. Ай да сын — разделил папино страдание. А впрочем, может, он комара пожалел?..

Отвлекается от меня и смотрится в зеркальце от бритвы. Улыбается сам себе.

— Сасся! — произносит с удовольствием.

Ботиночки лежат возле дивана — он их тоже обозначает своим именем:

— Сасся!

Маленький мальчик идет по улице.

— Сасся! — кричит сын, увидев его.

И меня осеняет: быть может, Санькино «я» растворено сейчас в целом мире, и он по крупицам его осознает, вычленяет, собирает в себе…

С утра он бывает очень восприимчив. Повторяет все, что ни попросишь. Скажи: «Головка» — он в ответ: «Голока». Скажи: «Речка» — он в ответ: «Еська». Чувствуется, ждет этих просьб, спешит их выполнять, они ему приятны.

А посреди дня или отмалчивается, или надо его долго уговаривать, чтобы повторил какое-то слово. Другие впечатления отвлекают, душевные силы растрачиваются…

Сделал открытие: я его ревную к остальным родичам. Теща сказала: «Санечка мой хороший!..» — и меня прямо-таки кольнуло.

Почему Санька ее, когда он мой! Подумал так досадливо и посмеялся тут же над собой. Надо привыкать, что ни мой, ни ее, даже не наш Санька, а прежде всего «свой», суверенный человек…

Хотя что-то он не спешит пользоваться своей «суверенностью». Стоит на улице возле доски, через которую надо перешагнуть, и с тревожным выражением на лице кричит:

— Упау! Бо-бо!.. (То есть упаду, больно будет).

Старушка, случайная зрительница, неодобрительно замечает:

— Очень умный ребенок! Понимает, что может упасть! Значит, долго ходить не будет!..

И она права, эта Кассандра. Санька без поддержки до сих пор не ходит. Обязательно надо ему хоть за один пальчик держаться.

Пробую вести его, взяв за шкирку. Тогда он сразу останавливается, хнычет все ту же песню:

— Упау! Бо-бо!..

Ласточка, выручая меня, села на провод и распевает свои песни. Саша смотрит на нее, задрав голову, забыв про хныканье, улыбка на лице. Время от времени оборачивается ко мне.

Ласточка улетела, и сын, подняв руку и указывая на провода, потребовал, чтобы я поднял его туда и посадил на место, где пела птица. Видимо, считает, что я все могу…

Но я могу не все и понимаю его не всегда. Вот пример утреннего конфликта.

Санька проснулся, потянулся, поулыбался каким-то своим воспоминаниям и закричал:

— На! На!..

Что означало: возьмите меня скорей из кроватки!

Я его вытащил на свет божий, переодел, и тут он, состроив недовольную гримасу, заявил:

— Бо-бо!

— Где бо-бо, Сашенька? — спросил я.

Сын указал на правую ногу.

Я снял ползунки, но нигде на ноге никаких повреждений не обнаружил.

Надел — и снова:

— Бо-бо!..

Два раза так повторялось, уже почти до слез дошло. Но тут я догадался заглянуть в ползунки и нашел на правой подошве маленькую чахленькую сухую травинку. Кусочек сена.

— Ах ты, принц на горошине! — сказал я Саньке и вытащил травинку. И сразу все стало хорошо.

Оделся и пробует ходить без поддержки. При этом жмурится, гримасничает, вздыхает и кряхтит. И понимаешь, какой тяжелый труд совершает человек. Уважаешь его за это.

Чтобы отдохнуть, попросился на руки. И тут наступило время называния мира. Сидит на руках и показывает пальцем то на дом, то на дерево, то на прохожего, то на машину. И я открываю ему страшную тайну словесных обозначений. Чувствую, даже более того — вижу, как они жадно им впитываются, словно воздух.

Посмотрев на мир из окна, пошел гулять. И обнаружил сокровища… под скамейками. Присядет на корточки и заглядывает туда, в непознанные земли. На лице любопытство и вдохновение, на сердце отвага. Словно конкистадор.

Тянется рукой и вытаскивает старые конфетные фантики, бутылочные осколки, веточки, камешки. И отбирать их у него надо с умом, отвлекая чем-то другим. Иначе слез не оберешься.

Незаметно, как туча, наползает первая ссора. Погуляли. Я поворачиваю Санькину сидячую коляску, чтобы ехать домой.

— Поехали обратно! — говорю сыну. — Тебе баиньки пора!..

— Гулять, гулять! — кричит он в ответ и показывает рукой назад. — Туда!..

Но я не реагирую, медленно еду к дому, и раздается громкий плач. Он разгорается, в нем слышны истовые, самозабвенные ноты. Ребенок явно хочет спать и от души капризничает.

— Саня, перестань, пожалуйста, плакать! — стараюсь говорить спокойно.

Он не унимается, крупные слезы катятся по лицу.

— Хорошо! — говорю. — Раз ты так хочешь гулять — гуляй один! Я с тобой не пойду!

Я вынимаю его и ставлю на ноги возле коляски. Мальчишка, видя, что на его плач не поддаюсь, приседает и начинает с обиженным видом водить ладошкой по земле. При этом нытье затихает. Обе стороны испробовали силы друг друга и на секунду затаились…

Тут мне надоедает педагогика, беру малыша на руки, целую его мокрые щеки и бормочу слова покаяния.

И он улыбается вроде бы даже с некоторым облегчением. Но глядит еще несколько секунд мимо меня.

Иногда у меня вспыхивает раздражение. Вдруг начинает казаться, что Санька мешает моей жизни, ограничивает свободу, что привязанность к сыну есть некая привязь, цепь, на которую я посажен. Такие всплески эгоизма, видимо, естественны для каждого человека, и для мужчин больше, чем для женщин. Надо отнестись к ним с должным юмором и не придавать большого значения.

Санька весь пока перепутанный и нелогичный. Чувства его недифференцированны, свиты в единый клубок. Потянешь ниточку «веселье» — и вдруг вытянешь «гнев». Потянешь ниточку «любопытство» — получишь «жадность». Он их не доводит до конца, свои чувства, не выражает полностью, как мы, взрослые. Он их обозначает и бросает на полдороге. Научить его чувствовать, видимо, немыслимо до тех пор, пока он не научится осознавать свои чувства, элементарно понимать, что ощущает…

Без малейшего усилия для себя, сам того не понимая, он наполняет нашу жизнь волшебством. Всего-то, казалось бы, неожиданно и чисто начал говорить «спасибо». Дашь ему какую-нибудь травинку, и вдруг он тебе «спаси-и-бо» в ответ и головой качает, и протяжность, певучесть «волшебного» слова в Санькиных устах делает это слово необычным, смешным и красивым. Вообще, как я заметил, он уже не впервые привносит элемент странности в нашу жизнь, а странность бытия и его многокрасочность — суть синонимы…

Нам он дарит радость, себе зачастую — шишки. Я и не ждал,

что он, бродя возле своей сидячей коляски, сбоку от нее, попадет впросак. Но он вдруг — ни с того ни с сего — дернул коляску на себя — и коляска опрокинулась. Санька шлепнулся на землю и лежал под своим «индивидуальным транспортом», как под металлическим насекомым.

Я подбежал, схватил его, ревущего, в охапку, прижал к себе и носил, носил, баюкая, и шептал нежные успокоительные слова, а самому больно было от страха за него, за его нежность и неприспособленность к миру, который промахов не прощает.

Как он говорит «цветочек»? Я просто в эйфорию впадаю, когда слышу. Нараспев серебристым голосом выводит, вызванивает нежно:

— Чуто-очи!..

И веришь в эту секунду, что именно так, только так цветок и достоин называться…

Рядом с поэтичностью в нем уживается кокетство. Ходит вдоль серванта, приседая, пританцовывая, глядя на свое отражение в полированных дверцах. Пройдется вправо, влево, помашет рукой, погримасничает — и удовольствие на лице, даже блаженство.

Может быть, мы с Галкой принимаем за кокетство что-то другое? Может быть, так выражается его первая самооценка?..

Я делаю зарядку, а Санька уже, с утра пораньше, возле серванта любуется собой. Я приглашаю:

— Давай вместе! Повторяй за папой!

— Саша не хочет! — отнекивается сын.

Я подхожу и, осторожно надавливая на плечи, заставляю его присесть.

— Сели, посидели, — приговариваю, — а теперь вставать будем! Покажи папе, как Сашенька встанет!..

Он встает, покряхтывая, и смотрит на меня, ожидая одобрения. Хвалю его, и он приседает еще раз, и еще один. На этом первая совместная зарядка кончается. Про себя отмечаю, что без принуждения педагогика, видимо, не обходится, что элемент принуждения, видимо, обязателен при воспитании ребенка и нечего надеяться только на его собственную добрую волю. Одна лишь тут оговорка, но весьма существенная: можно ли наши действия, действия «среднестатистических» родителей, назвать педагогикой?..

Вот с музыкой, например. Педагогика ли это? Взял я как-то Саньку на руки и станцевал с ним. Ему так понравилось, что теперь дня не проходит без приказа:

— Танцевать!..

Подходит ко мне, берет за руку и тянет:

— Папа! Танцевать! Скорей!..

— А что надо делать, Сашенька? — притворяюсь я непонимающим.

— Открой тумбочку! — подсказывает Санька. — Возьми пластинку!..

Послушно, как автомат, выполняю программу, которую он задает. Кажется мне, что такая «непонятливость» развивает в нем самостоятельность, способность мыслить, строить план, прогноз действий…

Включив проигрыватель, двигаюсь в ритме танца, и Санька замирает на руках.

— Все? — поднимает голову, едва стихнет музыка.

— Сейчас еще будет! — говорю, и он, дождавшись первых звуков, снова кладет голову мне на плечо…

Слышал от одного своего приятеля, как он рассказывал:

— Понимаешь, я в сыне души не чаю, отдаю ему все свободное время, играю, развлекаю, гулять вожу, кормлю, мою, спать укладываю. В общем, стопроцентная нянька. Жена почти ни в чем не участвует, она учительница, загружена до предела чужими детьми. Сын ко мне привязан необычайно, нас водой не разольешь, оба живем своей дружбой…

И вдруг он заболевает и в первый же день болезни совершенно меняется. На меня и глядеть не хочет, отталкивает, когда собираюсь взять его на руки. Зовет маму, только ее признает, рядом с ней успокаивается, вроде лучше, легче ему рядом с ней. Я поначалу обиделся, увидев это: для него, понимаешь ли, от карьеры отказался, жизнь ему посвятил, а он… Эх, да что там!.. А потом одумался: видно, уж так от природы заложено, что в критические минуты ребенку нужна только мать. С матерью у него была прямая биологическая связь, воспоминание о ней, ощущение этой связи остается навсегда. С отцом у ребенка связь менее прочная. Ее можно назвать опосредованной биологической, а еще лучше — первой социальной связью. В матери для ребенка — весь мир, первая вселенная, внутри которой он жил до земли, до явления на солнечный свет. В отце ребенок ищет друга и помощника. Мать — сила космическая, одного порядка с Солнцем и Луной. Отец — локальная, местная сила. И нечего тут беситься и впадать в разочарование. Может, у них и в самом деле какая-то связь телепатическая существует — у жены и сына. Может, мальчику действительно легче выздороветь, когда мама рядом, когда она всем своим излучением поддерживает его нарушенную энергетику. А после болезни, веришь, опять мама вроде как в стороне, своими учениками занимается, а мы с сыном закадычные

друзья…

Санька зашел за приотворенную комнатную дверь.

— А где Саша? — спросил лукаво — ему хочется, чтобы я его искал.

И я включаюсь в игру.

— Где же Саша? — говорю недоуменным голосом. — Под столом его нет! Под шкафом его нет! И под диваном его нет!..

Хожу по комнате, нагибаюсь и заглядываю под стол, под шкаф, под диван. И вдруг «замечаю» его:

— А, вот он!..

Бросаюсь к нему и целую в щеку. Санька хохочет и кричит:

— Еще!..

И вся игра повторяется…

Вдруг присел, балуясь, и левая рука оказалась под коленкой. Правая была свободна и летала, как хотела, а вот левая вдруг попала в неволю.

Санька подергал, пытаясь вытащить руку. При этом чуть не потерял равновесие.

— Что-то никак! — сказал озабоченно. И посмотрел на меня.

Я не отреагировал — интересно было наблюдать.

Санька еще подергал. Сморщил лицо: приготовился плакать. Раздумал плакать, разгладил лицо.

— Папочка, помоги! — попросил своим тонким, умильным голоском. — Ручка даже застряла!..

Я засмеялся и приподнял его, давая возможность извлечь руку из-под коленки.

— Вот она! — радостно сказал он, разглядывая ладошку…

…Перечитываю дневник и думаю, что записывать следом за сыном гораздо труднее, чем представлялось поначалу. Если не успеваешь фиксировать день в день, эпизоды быстро тускнеют, заслоняются новыми, которые не менее интересны и важны. Колоссальный напор фактов, непосильная скорость жизни. Правы те, что говорят о связи информации и энергии. Чувствую огромную энергонасыщенность информации — той обычной бытовой, с которой имею дело. Мои записки — попытка, стоя в реке, удержать ее растопыренными пальцами. Мне не справиться — не то, что хочется, отражается в «отцовском мелкоскопе». И не так, как хочу…

Вот Санькин смех… Как его записать «по стадиям»? Как показать «в процессе развития»?.. Ему почему-то надо насмеяться всласть перед сном. Для затравки выдавливает из себя смех, вымучивает, но быстро входит во вкус — и вот уже хохочет

естественно, и этот его заразительный радостный смех нельзя не разделить… Может, грустит от расставания еще с одним днем и смехом своим пытается компенсировать эту грусть?..

А как записать его музыкальную речь, которую слушаешь, как песню? Каждое слово свежо и благоуханно в его устах, таинственно и неожиданно. Стоит, например, телефону звякнуть, Санька тут же кричит тоненьким своим голоском:

— Папа, зьманочек зьмонит!..

Чувствую себя мудрым и значительным благодаря сыну. Он дарит мне ощущение собственной весомости. Внешне моя жизнь выглядит скучновато: из дома — на работу, после работы — магазины и дом. Но столько событий происходит ежедневно, что я считаю себя богатым человеком, и я действительно богатый человек. Ведь помимо контактов на работе мне дарована роскошь общения с возникающей вселенной — миром сына моего. И мы с женой можем без обсерваторий, без телескопов наблюдать что-то такое, чего никому, кроме нас, видеть не дано, — становление новой планеты, созревание нового разума…

Два года исполняется юному миру, новой астрономической единице. Что я могу сказать о нем? Он добрый, плаксивый, обидчивый, доверчивый, ласковый. Очень слабый, в чем и моя вина — мало занимаюсь физкультурой. Вроде пока мы влияем на него правильно, ну а что будет дальше — поглядим…

От двух до трех

Стал пытаться делать с ним зарядку, и мало что выходит из этого. Он не умеет повторять движения за мной — лишь бестолково дергает руками и ногами. А если пытаюсь превратить зарядку в игру, увлекается игрой и не хочет переключаться. Лучше всего и охотнее выполняет приседания. Я ему не даю приседать больше пяти раз, и он сердится на меня за это. Не знаю, как его можно нагружать, и не хочу рисковать. Конечно, мешает еще и то, что сам я «заряжаюсь» не каждый день — то рано утром убегать надо, то простужен. Мешает то, что не тороплюсь меняться, не тороплюсь ломать себя…

Есть многотонная инерция жизни, апатия привычки. У каждого взрослого, к моменту появления ребенка, выработан свой любимый — по уму и темпераменту — стереотип поведения. И чтобы ребенок в него вписался, стереотип надо сломать, а это хлопотно, неудобно, это больно наконец. Вот и живут многие по привычке, надеясь, что «и так сойдет», не поняв, не додумавшись, что надо себя сломать, чтобы крепче стать на изломе…

Семья сегодня не такая, как прежде. Не такая, как хотя бы

десять лет назад. Мне кажется, традиционные связи в семье рушатся. Все стали «умными», информации очень много, и она легкодоступна. Доступность информации и потребительской техники (магнитофонов, телевизоров) создает комфортные условия для одиночества. Чтобы общаться, надо напрягаться, надо думать, совершать работу, а это нелегко. Гораздо легче потреблять средства культуры в одиночку. А человек как раз предпочитает в большинстве случаев то, что легче дается. Поэтому уровень неслужебного, неформального общения, на мой взгляд, резко упал в наши дни. И существование неформалов не опровергает, а подтверждает мою мысль — оно вызвано дефицитом общения.

Будет ли меня уважать Санька? Достоин ли я уважения? Время, когда старших уважали только за то, что они старшие, кончается или уже кончилось. Думаю, дети сегодня хотят уважать отцов осознанно, а не только потому, что они старшие. Ну а если дети отказывают им в уважении, тут неизбежны конфликты, но виноваты ли в них дети? Мне кажется, что не виноваты…

Семья — это прежде всего труд души, ежедневные усилия, ежедневное актерство. Тут как-то странно смыкаются в моих рассуждениях плохие семьи с хорошими. Плохие те, в которых осталась только видимость, только притворство. Хорошие — где есть ежеминутное творчество, где умеют жить, как бы играя, как бы воображая себя на сцене, где сами творят свою пьесу. Что-то придумывают, импровизируют — пусть букетики цветов без повода, пусть неожиданные походы и поездки, каждый что-то находит, что-то изобретает.

В семье, по-моему, должен быть инициатор досуга, генератор идей, и эту роль должен брать на себя мужчина. На мой взгляд, мало сегодня хороших отцов — мы их не воспитываем в мальчишках наших. Просто, видимо, не умеем воспитывать.

Я сейчас делаюсь отцом, становлюсь им, рождаюсь. И день рождения отцовства, видимо, следует отмечать наравне с тем первым днем появления на свет. Но когда я почувствовал себя папой впервые? Когда узнал, что будет ребенок? Или когда он родился? А может, когда душа впервые за него заболела?

Очень трудно порой от того, что нет родственного опыта, на который можно опереться. Своего отца не было рядом. Быть может, напишу о нем дальше. Если с духом соберусь…

Раньше родители были в семье главными фигурами, и ребенок глядел на них, как на загадочных богов. Ныне центральной фигурой, осью, вокруг которой вертится семья, все чаще становится ребенок. Это, конечно же, плохо, по-другому не

оценишь. С первых лет жизни в ребенка закладываются гипертрофированные амбиции. Где-то в газете или журнале я недавно прочитал о том, как собрались первоклассники, все очень милые, хорошие дети, на день рождения своего товарища и там они смертельно переругались, перессорились, потому что каждый из них не мог понять, как это не он, а кто-то другой может быть главной фигурой…

Прочитал и нехорошо подумал о родителях этих детей: как часто взрослые свои амбиции, свои «придавленные мозоли», свои потаенные комплексы неполноценности передают детям. А что будет из таких детей, дело известное: там, где могла состояться личность, состоится очередной невроз…

Я не верю тем, кто говорит, что счастливый брак для них не важен и семья не имеет никакой цены. Такие люди не доросли до семьи, не уверены, что смогут ее создать. Семья, по-моему, должна быть средством, с помощью которого человек может духовно вырасти, «психологическим пространством», в котором можно стать масштабнее как личность. Это не новая мысль, но не все ее помнят.

Санька ждет руководства, подталкивает к думанию, к инициативности. Занимается игрушками или, скажем, листает книжку, разглядывает картинки. Потом, исчерпав свое занятие, подходит ко мне.

— Что дальше делать, папа?..

И требовательно смотрит. Хочешь не хочешь, надо что-то изобретать, чтобы сын не разочаровался. Что-то простейшее: «Давай побегаем!» или «Давай послушаем музыку!..» И если сын принимает идею, на душе удовольствие, на душе радость.

По вечерам выходим с ним к шоссе, и он восторженно описывает каждую машину. Например:

— Уу, какая зеленая!.. Большая!..

Цвет называет произвольно и упорно отстаивает свою версию.

Поправляю его.:

— Синяя была машинка, Сашенька!..

А в ответ:

— Нет, зеленая!..

И не переспоришь.

Вместо «нет» говорит «ни-да».

— Спать пора, Сашенька, да?

— Ни-да! — возражает он.

Появилось чувство юмора. Выдумал:

— Мамочка придет с работы ма-а-аленькая!..

И самому понравилось. Повторяет и хохочет…

Галка подарила ему игрушечный трактор, и Санька с ним не расстается. После завтрака сразу берет в руки и часами играет с ним. Как-то, едва Саня вылез из-за стола, Галка спросила:

— А что надо сказать?..

Санька подумал и догадался:

— Спасибо за трактор!.. (Он говорит: «за какий!»)

— А за кашу? — спросила Галка.

— За кашу не знаю! — сказал Санька.

Мы потом, дурачась, долго повторяли при случае это его высказывание…

Иногда в нем вдруг проявляется что-то взрослое. Как предупреждение о грядущем — о расставании с нами, о его отдельной жизни.

Шли с ним вдвоем по дороге в лесопарке. Никого не было — только мы и слабый шелест листвы. Саня вдруг остановился и сказал:

— Папа, я хочу один пойти! Далеко-далеко!..

— И без папы?

— Один.

— Ну иди!..

И он пошел вперед, слегка переваливаясь, такой знакомой своей походкой. И мне стало так жаль чего-то, так жаль, хоть плачь, сам не знаю почему.

Два раза он оглянулся, но я стоял неподвижно, эта неожиданная жалость меня сковала, и Санька, видя, что я не зову, уходил все дальше.

Метрах в пятидесяти от меня он вдруг испугался, повернул назад и побежал ко мне, самостоятельный мой утенок…

Вспомнилось, как смешно он перебирается через высокие пороги. Подойдет к порогу, заглянет за него и шлеп — руками на пол обопрется уже по ту сторону; потом, разворачиваясь, переносит правую ногу через порог, левую — и вот уже перебрался, выпрямился и победно на всех посмотрел…

Не всегда наши отношения хороши. Бывают, к сожалению, и черные минуты.

— Сашенька, дай папе автобус поиграть!.. — чего-то меня дернуло попросить.

Санька насупился, помрачнел. Я взял автобус, еще ничего не подозревая, и начал вертеть его колеса.

И тут сын выдохнул страстно:

— Не дам автобус! Это мой автобус!..

Он подошел ко мне, и желание забрать игрушку большими буквами было написано на лице.

Я ошарашенно затих, не ждал такой реакции, но тут же

спохватился и снова стал вертеть колеса. И думал про себя, что же делать. Вот она, ситуация, где нужна педагогика, а у меня никакой педагогики — одна растерянность.

— Санька, ты жадный, что ли? — спросил беспомощно.

— Не дам автобус! — категорично повторил он.

И тут я здорово разозлился: на себя, на него, на жадность эту.

Схватил автобус, трактор и перенес в другой угол комнаты. Сделал вид, что играю с ними — возил по полу и на Саньку демонстративно не обращал внимания.

Он заревел, громко и с обильными слезами, и во взгляде было ожидание: давай, мол, успокаивай.

Я глядел на него молча, подавляя желание подбежать, схватить на руки, приголубить.

— Не будь жадиной! — сказал резко. — Учись делиться игрушками!..

Правильно ли я сделал, не знаю. Теперь, спустя время, думаю, что изначально поступил не так. Надо было, видимо, попросить у него разрешения перед тем, как хватать автобус…

И все-таки главное в нашей жизни — те проникновенные миги, о которых я уже говорил. Но как трудно их выстраивать в единую линию. Между ними неизбежны паузы. Такие записки, как мои, неизбежно должны быть фрагментарны, отрывочны. Потому что само бытие фрагментарно — не в своей биологической протяженности, а в длительности психологической, в осознании и чувствовании себя.

Вот бреюсь у окна, глядя в зеркало. Санька проснулся и сидит на кровати. Я ловлю в зеркале его лицо. Взгляды наши тут же, в зеркале, встречаются.

— Ой! — удивляется Санька. — Папа задом наперед!..

Вот вечером лежу рядом с ним на постели — усыпляю его. Некогда, дела ждут, да и книжку хочется почитать. Но Санька бдительно сторожит. Едва я приподниму голову, он тут же кладет ручонку мне на щеку и давит, опуская на подушку.

— Папа, спи, спи! — шепчет. — Мы хорошие ребятки!..

У него появилась потребность проявлять сочувствие, сопереживать.

Просит:

— Папа, поплачь!..

Я притворяюсь горько плачущим. А Санька серьезно так и заботливо уговаривает:

— Не плачь, папочка!..

Обнимает меня, целует, успокаивает изо всех сил…

Домашний анекдот.

— У тебя папа кто? — спросили у Саньки.

— Врач, — ответил малыш.

— А мама инженер?

— Нет, мама хорошая!.. — возразил Санька…

А теперь домашняя сказка.

Я укладывал сына спать: переодел в пижамку, прикрыл одеялом.

— Папа, а кто на потолке живет? — спросил Саша.

— На потолке? Соседи! — рассеянно ответил я.

— А на стене?

— За стеной, ты имеешь в виду? Тоже соседи!

— Смотри, как соседи шевелятся!..

Тогда только я понял, что он говорит про тени, падавшие на стены и потолок. Они двигались, вздрагивали, жили своей тайной жизнью…

— Папа, а кто в лампочке живет?

— Огонек…

— А кто такой Огонек?

— Огонек — это добрый дедушка в красном халате… — стал я рассказывать, и сын слушал доверчиво, глаза распахнув и в душу принимая каждое слово. И я понял (а может, припомнил), что поначалу для человека мир — это сказка, и путь взросления — путь неохотного расставания со сказкой. И еще понял, что я сейчас для Саньки похож на старика Хоттабыча и очень важно быть именно добрым волшебником, а не злым…

Санька любит нас озадачивать. Стал для этого придумывать свои слова.

«Кастале!» — говорит задорно, когда мы что-то растолковываем, а он никак не может понять. Или «настауция». Говорит хитро и радуется нашим недоумевающим лицам, тому, что мы переспрашиваем его. Эти словечки — компенсация, нужная ему для восстановления собственного достоинства во всех случаях, когда «высокие договаривающиеся стороны» не могут договориться…

Решил зафиксировать критический взгляд на сына, проверить сердце разумом. Какие отрицательные черточки я вижу в Александре? Первое: он явно и панически труслив. Второе: он старается избежать малейшего напряжения, уклоняется от любых заданий, бросает свои игрушки, если хоть чуть-чуть у него с ними не ладится. Третье: он жадный, ни с кем и ничем не хочет делиться. Мне приходится его принуждать к щедрости — кому-то что-то дать, чем-то поделиться. Четвертое: он упрям, от него только и слышишь: не буду! не хочу!..

Вот вроде бы и все его плохие стороны. Я пытаюсь применять «силовую» методику для их исправления. Пытаюсь быть строгим.

И сам себе порой кажусь просто-напросто варваром…

Основная наша «предметная деятельность», основное времяпрепровождение — это, конечно, игры. И традиционные: в прятки, в пятнашки, в «войнушку». И те, что придумываем сами.

Играть он горазд, но обучению пока что не поддается. Два вечера подряд я с ним рисую букву «а». Сначала рисовал сам, потом рисовали вместе — его и мои пальцы на карандаше. Но стоит прекратить рисование, и через считанные секунды он уже не способен сказать, что за буква на бумаге. Спрашиваю, а он в ответ: «Буква „е“!» или «Буква „и“!»… Что угодно — только не «а»…

Приспособился, если не хочет или не может что-то сказать, попросить:

— Папа, научи!..

Разве откажешь, когда слышишь такую просьбу. Он ловко пробивает ею брешь в моих педагогических усилиях…

От трех до четырех

— Хочу на плечи! — просится Саша. Я сажаю его на правое плечо. — Не так! — говорит он. Пересаживаю на левое, потом — на шею.

— Не так, не так! — кричит он, в глазах слезы, обида непонимания в голосе.

Никак не могу уяснить себе, что ему надо, отчего он плачет. Утешаю его… Оба огорчены…

…Играет, играет Саша и вдруг спрашивает:

— Папа, ты здесь?..

Или к Галке:

— Мама, ты здесь?..

Что он, не уверен в реальности мира? Или собственная «зыбкость» заставляет проверять наличие надежных папы и мамы? Или надо понимать так: папа, ты со мной? Не отвлекся? Не ушел в свои взрослые дела?

«Почемучка» он, как и положено в таком возрасте. «Почему то», «почему это» — бесконечная цепь взаимосвязанных «почему». В трамвае или электричке люди переглядываются и улыбаются, слыша его вопросы. Относительно себя самого тоже сплошные «почему».

— Папа, а почему я зарядку не хочу делать?

— Папа, а почему я никого в гости не зову?

— Папа, а почему я машинку не взял на улицу?..

Мы с Галкой стараемся терпеливо отвечать, надеемся, что

когда-то он иссякнет. Иногда отрезаем: «Потому!..», если не знаем, что сказать.

Но в таких случаях Санька немедленно спрашивает:

— А почему — потому?..

Между делом, среди потока своих вопросов он научился слушать пластинки — сам ставит, сам включает и выключает проигрыватель. Пластинки мы ему даем только маленькие, большие договорились не ставить.

Сегодня он стал просить:

— Папа, дай мне большую пластинку!..

Я отказался.

— А мама давала! — сказал сын.

Я спросил у жены, она и вправду нарушила наш уговор. Тогда я дал Саньке на растерзание большой диск.

— Ну вот, а говорил, что не дашь!.. — восторжествовал он. У меня осталось ощущение, что мы как воспитатели в данном случае сели в большую лужу…

Вскоре по закону парных случаев подвернулась еще «лужа». Санька подошел ко мне и… укусил за ногу. Первое мое движение было шлепнуть его. Тут же я пожалел об этом. Укусил он небольно, и я его шлепнул рефлекторно, не думая. Но сделанного не воротишь, и я стал ждать, что будет, насторожился… Санька замер после подшлепника. Словно ждал хоть какого-нибудь сигнала с моей стороны, а сам не знал, как реагировать: заплакать или, может, не обратить внимания.

Я замер тоже, и так мы «противостояли» минуту-другую. Потом Санька все-таки обиделся: не заплакал, а помрачнел.

— Не хочу с тобой! — пробормотал и ушел на кухню.

Галка сказала что-то, послала Саньку назад ко мне, и Санька отчетливо сказал:

— Папа плохой!..

Мне стало так стыдно после этих его слов, как никогда еще не бывало. Почувствовал себя словно бы больным. И когда мы втроем сидели за столом, обедали, я боялся посмотреть Саньке в глаза. Чуть погодя Санька простил — заговорил со мной весело, как ни в чем не бывало. Но я запомнил накрепко, как мой шлепок обернулся крепкой оплеухой для меня же…

Тут же, рядом с серьезным, улыбка. Санька ползал по полу, стукнулся макушкой о журнальный столик, сказал с обидой:

— Ты не дерись, я тебя сейчас как ударю головой!..

Галка вот-вот должна родить второго ребенка. Саньку мы пока что отправили к моей маме. Она ведет себя строго по отношению к внуку, не потакает ему, как городские старики. И

Санька ее слушается беспрекословно. Мне даже завидно иногда…

Родился у нас второй сын. Его назвали Алешей. Живая кукла со стариковскими гримасами и пронзительным плачем. Он занял все наше время — от утра и до утра. Мы с Галкой ни минуты не сидим без дела, но еле-еле управляемся. Галка после родов сутулится, будто старушка. Раньше с тяжелым животом ходила прямо, а вот теперь сутулится…

…Привез домой Саньку. Сходил с ним в цирк. Потом, после цирка, показали Саньке Алешу. Мы, взрослые, ждали от него каких-то эмоций, но эмоций не было. Санька стоял, молча смотрел. И все…

— Какой Алеша маленький! — говорил я.

— Маленький, — соглашался Санька.

— Он еще глупенький, ничего не понимает, — говорил я.

— Глупенький, — соглашался Санька.

Я как-то даже разочаровался — ну и бесчувственный сын. И вдруг обнаружил, что он переживает. Он попросил у меня пластинку с песней про Алешу. Я дал ему и потом, в промежутке между полосканием пеленок и утюжкой, забежал на минутку в комнату, где был Санька. Забежал случайно, некогда было, не до Саньки. И увидел, что мой сын, мой старший сын сидит в слезах. Сидит, смотрит прямо, а все лицо в слезах.

— Ты чего? — спросил я изумленно.

— Ничего, — сказал Санька.

Я взял его на руки, чтобы утешить, и в первое мгновение он показался мне громадным и нескладным после легкого Алеши. Он приник ко мне, и жадность была в этом движении, словно отбирал папу у второго, у новичка. Так мы ходили по комнате взад-вперед и молчали.

— Уже все! — сказал Санька и соскользнул с моих рук.

— Мы с мамой очень тебя любим, — сказал я, — и всегда будем любить. И Алешу тоже любим. Ты теперь старший брат, и мы очень хотим, чтобы ты помогал нам растить Алешу…

Не знаю, дошла ли моя тирада, но Санька вроде успокоился и стал расспрашивать, кто теперь будет спать в его кроватке, чьи теперь игрушки — и так далее, и так далее…

На другой день я его привез назад к маме и спросил:

— Ну как, понравился тебе братик?

— Не знаю, — сказал Саша. — У него личико совсем желтое…

Теперь надо говорить о двух сыновьях. Теперь надо перескакивать от одного к другому. Отрывочность, фрагментарность моих записок поневоле должна возрасти…

Алешка устраивает нам авральные дни. Например, сегодня.

Пасмурно, дождливо. И Алешка, словно на погоду, льет и льет. Мочит пеленки без счета. Откуда что берется. Пеленок много, но все-таки они кончаются. Мы заворачиваем его в махровое полотенце. Потом и оно летит в стирку. Заворачиваем в мамину пижаму…

Я между его «дождиками» ожесточенно стираю, отчаянно глажу, упорно кипячу. К вечеру все комнаты завешаны «флагами». Галка сбегала в магазин и купила еще несколько пеленок.

Небо очистилось перед закатом, солнышко появилось. И Алешка вроде бы поутих. Мы поняли, что выстояли, не впали в раздражение, и это была маленькая семейная радость…

Приехал к Саньке, и мы пошли гулять на берег Невы. Про Алешу не говорили. Дотопали до пристани, где причаливают рейсовые теплоходы. Там горы гравия, и Санька тут же загорелся:

— Давай кидать камушки!..

Брали гравий и поднимались на пристань. Санька сосредоточенно метал камушки, следил, как они тонут. Отвлекался на суда, проплывавшие мимо. Отвлекался на рыбаков, если у тех клевало…

И вдруг заревел, слезы полились: муха укусила. Я посмотрел — на шее красная точка. Видно, слепень набросился.

— Ты же не девчонка! — укорил Саньку.

И тот затих, пересилил слезы.

— Я солдат… — прошептал, отстаивая свое мужское достоинство…

Больше к Неве в этот день не просился. «Там муха противная летает…» А на другой день убедил меня и себя, что муха противная улетела далеко-далеко, и опять с удовольствием потопал к Неве…

Ближе к вечеру сидим дома. На улице льет дождь. Неторопливо читаем сказку. Вдруг сверкает молния и гремит гром. Санька оглядывается на меня. Он не знает, как ему реагировать. Поняв, что я спокоен, и он остается спокойным. В этот момент я вижу свою задачу в том, чтобы научить его реагировать на мир…

Обратной связи, умению отдавать, делиться душевными движениями он научился сам. Когда чем-то доволен, ублаготворен, стал говорить:

— Папа, я тебя люблю!..

Например, наиграемся всласть, запыхаемся, остановимся, и он это говорит. Как бы одаривает своей любовью, как бы награждает ею за доставленное ему удовольствие…

Нарабатывает в играх эмоциональный опыт. Зарычу по ходу дела — и он пугается.

— Брысь, волк! — звенит во все горло…

Начинаю мяукать, и Саня деловито спрашивает:

— А кто ты теперь?.. — и гладит по голове. — Киса! Киса!..

— А теперь ты просто папа? — спрашивает, когда игра окончена.

— Да, — отвечаю.

— Тогда купи мне трамвай! — предлагает он…

На прогулках продолжается обучение души. Увидели мы застрявший «Запорожец». Водитель попросил помочь. Мы с ним пихнули доски под колеса. Потом я приналег, толкнул, и машина поехала. Водитель, открыв дверцу, прокричал слова благодарности.

Вечером, когда я укладывал Саньку, он спросил:

— Почему ты машину толкал?..

Я объяснил, что людям надо помогать.

— Я, когда вырасту, — сказал Санька, — буду всякие машинки толкать. И большие и маленькие…

Гуляли втроем: бабуля Нина (моя мама), Санька и я. Встретилась бабушка знакомая. Спросила у Саньки:

— Саша, ты меня не узнаешь? Я бабуля Нина!

— Нет! — сердито ответил Санька. У моей бабули очки!

Старушка тут же вынула из сумочки очки и надела.

— Видишь, — сказала, — у меня есть очки!..

Санька озадачился, думал-думал, при этом ни разу не оглянулся на бабулю Нину, которая стояла позади него. И вдруг его осенило:

— Моя бабуля вся в белых волосах!..

Он сказал это радостно и посмотрел на встречную бабушку с видом победителя…

Дома, незаметно для самого себя, он породил новый вариант библейской суеты сует или сказки про белого бычка…

Лежат на диване два пистолета: пластмассовый и металлический. Я взял пластмассовый и стал «бахать». Санька тут же схватил металлический.

— Когда поиграешь? — спросил Санька.

— Скоро! — сказал я и снова стал «бахать».

— Поиграешь и отдашь? — спросил Санька.

— Ну конечно! — подтвердил я, продолжая «бахать».

— Уже наигрался? — спросил Санька, протягивая руку.

— Давай на обмен! — сказал я, отдал пластмассовый и взял металлический.

Санька стал было «бахать» пластмассовым, но, увидев, что я щелкаю курком металлического пистолета, остановился и стал смотреть.

— Когда поиграешь? — спросил снова…

Возил по полу свои машинки. Потом поднял голову, бросив игрушки. Постоял, подумал о чем-то, посмотрел на бабулю, на меня и сказал убежденно:

— Саша лучше всех!..

Тут галки за окном раскричались, будто не соглашаясь. Послушав их, Санька подошел ко мне и спросил озабоченно:

— Папа, что это галки так разворонились?..

Получив ответ, подошел к бабуле и попросил:

— Бабуля Нина, присядь на горсточки — в ушко пошепчу!..

Мы не сразу поняли, что так в его интерпретации звучит «на корточки».

Бабуля присела и слушала. А я подумал о том, что дети воспринимают на слух все языковые бесценные богатства, накопленные до них. При слуховом восприятии неизбежны искажения, неправильное толкование слов. Отсюда и идет безудержное детское словотворчество, порой смешное, порой удивительно яркое и свежее. Порой абсолютно непонятное для нас…

— Что у мамы на платье? — спрашивает Санька и глядит хитренько.

— Узоры, — говорю я.

— У мамы на платье день и ночь!

— А почему?

— А потому!..

Начинаю ломать голову, откуда он взял эти «день и ночь». Ничего особо светлого и особо темного на платье нет. Обычное зеленое платье, украшенное узорами из вышитых цветов. Единственное, что мне удается придумать: видимо, зеленый фон Санька принял за «день», а узоры — за «ночь»… От собственных размышлений у меня остается чувство досады — как неуклюже, неповоротливо наше взрослое логическое соображение. А детские взлеты фантазии прихотливы и непредсказуемы. Они манят, тревожат своей иномерностью. Их не разложить по полочкам. — обязательно остается элемент необъяснимого…

Очередная Санькина фантазия — очередная Санькина игра. Вообразил, что у него во рту целый мир. Листает книжку, смотрит на картинки и выбирает вслух:

— Тае во рту есть!.. — Палец упирается в линию электропередачи. — Тае во рту есть!.. — Палец упирается в грузовую машину. — Тае во рту есть!.. Палец — на голубом лобастом вертолете.

Насмотрится картинок и кричит:

— Папа, посмотри, что у меня во рту есть!..

Разлепит губешки, а я делаю вид, что вглядываюсь, и старательно перечисляю:

— Шоссе… Какое большое!.. По нему идут машины… Грузовичок везет бревна — дом строить… Легковушечка красная… Линия электропередачи… Провода висят над речкой… А по речке плывут теплоходы… Большие, белые, красивые…

Санька зачарованно слушает. Ему нравятся мои перечисления, он часто просит повторить. Может быть, «мир во рту» есть показатель пробуждения его внутреннего мира?.. Может быть, так он пытается объяснить для себя и для нас наивный свой, первозданный внутренний мир?.. Почувствовал, что нечто есть внутри. А где внутри? Конечно, во рту… И просто и понятно…

Спим мы теперь, временно, в разных комнатах. Галка с Алешей в одной, Саня и я в другой. Днем, когда Алеша бодрствует, ребята вместе. А когда он спит, Санька спокойно играет в своей комнате. Санькин интерес к Алеше я бы пока что назвал показным. Братское чувство, как и отцовское, пробуждается не сразу. Когда мы с Галкой оба в комнате, Санька обязательно хотя бы раз подойдет к Алеше, поцелует его в щеку и будет смотреть на нас, пока его не похвалим. А если заиграется, то на Алешу не обращает никакого внимания — знай себе гудит за машину или паровозик…

Видимо, то, что Алеше мы уделяем больше внимания, Саньку задевает. Саньке хочется доминировать — совсем недавно он ведь был главным. Чтобы переманить часть внимания от Алеши, Санька неосознанно пытается подражать младшему. Он, играя, покрикивает, как Алеша. Он, один к одному, копирует Алешины повизгивания.

— Ты разве Алеша? — спрашиваю у него.

— Я Саша! — гордо возражает он.

Однако стоит ему отвлечься, уйти в игру — снова та же история, снова копирует Алешу. И сам не понимает, зачем это делает…

Перед сном он пускается во все тяжкие, лишь бы оттянуть миг встречи с постелью. Предлагает умильно:

— Давай еще поиграем, папа!..

Я не соглашаюсь. Тогда он заявляет, что хочет на горшок, и долго с ним возится. Потом долго переодевается в пижамку, то и дело застывая в созерцании своих игрушек. Едва уляжется, требует, чтобы я ему почитал, и я слушаюсь — читаю одну-две небольшие сказки.

После сказок он заводит «философские» разговоры.

— Папа, а разве так бывает, чтобы машина ехала по железной

дороге?

Я поневоле вынужден вкратце ответить.

— Папа, а разве так бывает, чтобы птицы людей кушали?

Я опять вынужден ответить.

— А разве так бывает, чтобы медведь из книжки выскочил?

И я опять отвечаю.

Так тянется до тех пор, пока я не прерываю:

— Хватит, Сашенька! Тебе спать пора!..

И Санька замолкает с тяжелым вздохом. Я ухожу из комнаты. Сижу на кухне, читаю или пишу. И вдруг Санькин голос:

— Молока!..

Бегу к сыну. Он лежит, щурясь, и не думает спать. А я-то надеялся…

Согреваю молока, даю выпить. Снова молчание воцаряется. Сижу на кухне. Галка подходит. Беседуем потихоньку.

— Ску-учно!.. — вдруг доносится из комнаты Санькин голос.

Мы к нему являемся, говорим всякие ласковые слова, и его недовольное лицо смягчается. Он ложится на бок и закрывает глаза. Мы на цыпочках выходим и снова поселяемся на кухне. Дети уложены. Кончился день…

Там, на кухне, часто мечтаем о том, что Санька будет музицировать. Почему-то нам этого очень хочется. Но Санька все пластинки переслушал и музыкального слуха не обнаружил. Мы с Галкой напрасно пытаемся заставить его спеть хотя бы одну мелодию. В лучшем случае он кричит совершенно немузыкально: «Я играю на гармошке…» Большего от него не добиться…

Некоторое время он пристает ко мне:

— Пой!..

И когда я мурлыкаю что-нибудь, он бросается танцевать. Кружится, подпрыгивает, топчется, качается. Счастливо обалдевшее лицо…

Как-то я случайно ставлю пластинку не на ту скорость. И Санька, слушая карикатурную нечеловеческую скороговорку, ужасно доволен.

— Это Буратино! — кричит в восторге. — Хочу слушать Буратино!

С этого дня он не признает нормальных пластинок. Подавай ему «Буратино»! Только «Буратино» достоин его развлекать!..

Дедушка с бабушкой приехали с дачи — были на своем садоводческом участке.

Санька выключил проигрыватель, поздоровался, посмотрел, как они раздеваются.

— Вот я еще немного подрасту, — сказал важно, — и надену грязную шляпу и грязный ватник!

— Почему же все грязное? — полюбопытствовал я.

— Потому что я буду работником! — пояснил Санька…

Я сперва порадовался его наблюдательности. Заметил, что работа связана с пачкотней, молодец!.. А вторая мысль была такой: не плохо ли, что первые жизненные впечатления связали в его представлении работу с грязью?..

Что касается Саньки, то предмет его поклонения — автомашины. Дома у него целый игрушечный гараж.

— Я хочу все! — заявляет Санька.

Мы с женой, в противовес его «глобальной» жадности, договорились, что ничего ему не будем больше дарить. Только две «подарочные» даты оставили — Новый год и день рождения.

Теперь он мечтает о дне рождения. И командует, шагая по улице и глядя на пробегающие машины:

— Это купить!.. Это купить!.. И это!.. И это!..

— Вот вырастешь, — сказала как-то Галка, — заработаешь денег и купишь!

Тогда он изменил свой рефрен. И гуляя, перечисляет самодовольно:

— Эту я куплю!.. Эту я куплю!.. И эту!.. И эту!..

Мы с Галкой считаем, что сбили накал его жадности. Переключили его на будущую трудовую деятельность как основу благосостояния. Хотя иногда сомневаемся — хорошо ли в его возрасте мечтать о покупках?..

Но ведь не всегда он мечтает о них? Иногда вдруг начинает чудить. Например, сегодня.

Когда Галка вышла погулять с младшеньким, Санька попросил:

— Папа, положи меня в кроватку!..

Я положил его в Алешину кроватку. Он еще не вырос из нее — ноги за решетку не вылезали. Он повертел головой, глядя, как выглядит комната из лежачего положения.

— Папа, дай соску! — попросил серьезно.

Я дал ему Алешину пустышку. Он ее взял в рот и вдохновенно начал чмокать. Я видел, что делает он это с удовольствием, именно вдохновенно. Интересно было наблюдать.

Санька долго тешился соской. Потом попросил погремушку в форме светофора и деловито засунул в рот. Послюнявил погремушку и велел, чтобы я перенес его в коляску.

Тут уж я отказался, потому что коляска была старенькая, с креном на один бок. Санька в ней уже отъездил свое грудничество, теперь Алешина очередь. Если бы я Саньку теперешнего в нее запихнул, коляска бы не выдержала…

Что у него за рецидив младенчества был? То ли захотел представить себя в Лешиной «шкуре», то ли заскучал по собственному прошлому?

Видно было, что ему это нужно, что это не каприз, а вдруг нахлынувшая потребность. Только зачем, для чего, в чем ее смысл?

А может быть, это было прощание с младенчеством? И теперь, уже с другой ступени, он расспрашивает нас с Галкой о степенях родства. Уже есть ему с чем прощаться… Уже первые итоги…

— Мама, ты моя мама?

— Твоя, Сашенька.

— Папа, ты мой папа?

— Твой, Сашенька.

— А бабуля Нина чья мама?

— Папина, — отвечает Галка.

— А бабуля Валя чья мама?

— Моя, — отвечает Галка.

— А моя мама — не твоя мама? — спрашивает у меня Санька.

— Твоя мама — моя жена.

— А кто такой — «жена»?

— Это самый близкий друг. Спутник жизни.

— Значит, вы с мамой — моя жена? Мы же близкие друзья?

— Жена — это самая любимая женщина. Вот вырастешь ты и полюбишь какую-то женщину. Она и будет женой для тебя.

— Я лучше девочку полюблю, а не женщину!..

Так он прицелился, приноровился первый раз к семейной жизни…

Разделение человечества на мужчин и женщин он уже четко усвоил. То и дело подчеркивает свою принадлежность к мужчинам. За обедом предупреждает бабушку:

— Ты не ешь, пожалуйста, конфеты, их ведь едят мужчины, а не женщины!

После прогулки сидит на коврике, снимает шерстяные носки, зовет:

— Мама, иди ко мне, я тебя пожалею!..

Галка отказывается, некогда.

— Ну иди же! — настаивает Санька. — Раз мужчина тебя просит!..

Вечером, перед сном, ждет сказку. Я занят, готовлюсь к докладу. Предлагаю маму в чтицы.

— Ну что ты, — возражает сын, — мама ведь женщина, а это касается только мужчин!..

Самое хорошее — он бросается помогать маме и бабушке,

когда они что-то несут, мотивируя свое желание помочь опять же «мужчинством».

Продолжая его «мужской» портрет, надо сказать: Санька очень обидчив. На любое несогласие с его просьбами, с его хотениями быстро надувается, но быстро, правда, и оттаивает. А недавно у него появилась манера угрожать потерей своего благоволения.

— Папа, поиграй со мной! — просит громко, но я заговорился с Галкой и не реагирую.

— Ну, тогда я отвернусь от вас! — говорит Санька. — И буду глядеть на стенку!..

Он отворачивается, нахмуренный. Мы с Галкой прерываем беседу, я спешу к сыну и затеваю игру…

— Ну, тогда я уйду на кухню! — угрожает Санька в другом случае…

Ну, тогда я брошу машинку и не буду с ней играть!..

— Ну, тогда я не буду тебя любить!..

Это самая страшная его угроза. Он ее произносит редко. Но если произносит, надо срочно все бросать и срочно выяснять отношения.

Говорю с ним, разбираюсь в его обидах. И вдруг возникает ощущение, что не Санька передо мной, а себя самого я вижу. Себя маленького. Себя, снова ставшего ребенком… Полное отождествление… Да, полное отождествление… Раньше только читал про такое, теперь время от времени испытываю сам. Оживаю в сыне, начинаю заново в сыне, еще не ведаю, какие опасности, какие неудачи впереди… Бесчисленное множество возможностей… Все в сыне… Не в этом ли отождествлении корни отцовского чувства?..

Рассматривали книжку, на страницах которой нарисованы разные животные. Один раз посмотрели, второй раз… Потом я стал расспрашивать:

— Кто что полезного делает, Санечка?..

— Собачка дом стережет… — ответил сын. Лошадь людей возит… Корова молоко дает… А петушок… Петушок с курочкой дружит…

Я выслушал Саньку, хотел еще порасспрашивать. Но Санька меня опередил — стал интересоваться стоимостью предметов и явлений.

— А сколько копеек стоит эта книжка?..

— А сколько копеек стоит это дерево?..

— А сколько копеек стоит Алеша?..

— А сколько копеек стоит папа?..

Поначалу попытался подробно ему растолковать, отчего и почему одна вещь дороже, а другая дешевле. Но Санька ничего не понимал, бестолково переспрашивал, и я бросил свои пояснения. Стал ему в ответ называть первую пришедшую на ум цифру.

— Пятьдесят копеек? Ого!.. — удивляется Санька.

— Семьдесят копеек? Ого!..

Позанимались «хозрасчетом», а потом все вместе, Галка с Алешей и мы, смотрели передачу по телевизору. Санька увидел, как Дед Мороз раздавал мальчикам заячьи ушки, а девочкам короны.

— Хорошо быть зайчиком? — спросила Галка.

— Хорошо!.. — согласился Санька зачарованно…

После этого он два утра подряд настойчиво спрашивал у Галки:

— Ты забыла, мама, кем я хочу быть?

— Помню-помню! — отвечала Галка. — Ты хочешь быть зайчиком!..

На третий день она посадила Саньку рядом с собой и они вместе стали вырезать и склеивать заячьи ушки из серебряной бумаги. Сделали серебряный обруч вокруг головы и на нем два уха торчком.

Санька надел на себя самоделку с восторгом. И не снимал до конца дня. И если кто-то называл его Сашей, он поправлял:

— Я не Саша — я зайчик!..

Не знаю, что сказать про этот случай. Всю жизнь человек примеривает на себя различные социальные роли. А начинается социализация с подражания, с примера взрослых, с простейших «зайчиковых» ролей…

Или с критики родителей? С неприятия чего-то в старших?.. Вечером Санька улегся в кровать, я прочитал ему сказку, принес кружечку с молоком.

Санька выпил молоко, вернул кружку, посмотрел на меня пристально.

— Папа, я завтра пойду в большой магазин. И там куплю нового папу. Он будет совсем как ты. Но только без очков.

— Тебе не нравится, что я в очках?

— Не нравится.

— Может, мне уйти к другому мальчику?

— Нет, не надо. — Санька поколебался, прежде чем ответить.

Я попрощался, пожелал спокойной ночи и ушел. Грустно было. Уже началось обсуждение моих недостатков. Достоин ли папа своего сына? Заслужит ли уважение?

Лучше о Леше поговорить, чтоб не огорчаться. Младшенький незаметно как-то вышел на первое место, стал интереснее Саньки.

Он ползает по кровати, смешная черепашка, задорно поглядывает, улыбается прекрасной улыбкой. Уютный, мягкий, удобный — с ним лучше, чем с Санькой. Санька всякие вопросы задает трудные, Санька «не в твою пользу» может выступить. А Лешенька добрый, он не критикует, он лопочет что-то светлое, до того с ним хорошо! Может, Санька стал привычным, а Леша еще таковым не стал? Или просто изменилась дистанция между нами и старшим, изменилось наше отношение? Он, старший, уже занял свое место среди равных, а Леша еще вне ряда, вне конкуренции…

Не такова ли судьба всех родителей? Если один ребенок огорчит, тянутся душой ко второму, приходят в себя возле того, кто добрей…

Но Санька не дает прилепиться к Алеше надолго. Санька тянет меня за руку:

— Папа, ну пойдем! Пусть Алешка с мамой будет!..

Санька уже не помнит, как вчера хотел купить другого папу. Он ревнует. Он пытается отбить от Алеши если не нас обоих, то хотя бы меня. Когда я говорю с Лешей, Санька нетерпеливо вмешивается:

— Папа, ну послушай меня! Послушай, что я скажу!..

Не раз он пускался в отчаянный рев, едва только мы давали какую-нибудь игрушку Леше. Ревел и клянчил эту игрушку для себя, ревел и клянчил. Не раз пытался Лешу толкнуть. Леша орал, протестуя, и мы тоже с Галкой вынуждены были повышать голоса. Не раз Александр устраивал концерты, когда мы за стеной укладывали Лешу спать. Я мчался, гневный, и выговаривал ему. А однажды Санька получил символическую оплеуху, на которую не обиделся, ибо, видимо, ощущал, что не прав.

Его сегодняшнее самовыражение — коллекционирование автомобилей, вырезанных из старых бумаг. Я уже говорил о его автомобильной страсти, но повторюсь, поскольку вычитал, что основные законы письменного повествования — повторение и замедление темпа. Любой текст, называемый художественным, — письмо, дневник, рассказ и так далее — может быть построен только при соблюдении этих законов.

Копим макулатуру, сдаем и получаем в обмен хорошие книги. Санька участвует в сортировке и увязывании старой бумаги. Стоит ему увидеть силуэт машины, корабля или самолета, как раздается воинственный клич. И теперь Санька не отстанет, пока не добьется, чтобы этот силуэт вырезали для него. У него уже десятки этих вырезок скопились — пустая коробка из-под конфет забита, и другая, и третья. Хорошо, что Санька

внушаем, и я этим пользуюсь. Пытаюсь авторитетно убеждать, что те или иные вырезки нехорошие. Время от времени он действительно разочаровывается, и мы уносим к мусорному ведру половинку корабля или хвост самолета.

Из вырезанных машинок Санька составляет огромные караваны и часами с ними играет. Игра для него — сверхважное состояние, он уходит в игру, как писатель в сочинение новой книги. Прерывать его во время игры очень трудно. Это его сердит, это чревато «дипломатическими осложнениями». Когда его зовем кушать во время игры, он насупливается, мрачнеет и продолжает играть. Если я, потеряв терпение, кричу из кухни, зову его, он кричит в ответ:

— Папа, ну потерпи ты, пожалуйста! Сейчас я приду! Только доеду в машинке до Москвы!..

После ужина, почти каждый вечер, Санька просит рассказать что-нибудь про него самого и про его дружка Стасика. Он придумывает сюжет того, что ему надо рассказывать, и делает развернутый заказ. Например:

— Ты расскажи, как ночью выпало много снега и мы со Стасиком пошли людям помогать. Я работал на снегоочистителе, а Стасик на самосвале. Мы всю ночь работали, а утром люди сказали:

— Спасибо! Кто это так хорошо расчистил?..

Расскажи так, пожалуйста!..

Чуть подумав, начинаю импровизировать, неторопливо наворачивая на заданную тему самые невероятные приключения.

Потом, когда Санька уже отпереживал и улегся, сижу на кухне и записываю отцовские впечатления за день.

Какова главная, сквозная мысль моих записок? Она есть, и она вот в чем. Сознательное воспитание детей — самая действенная, самая доступная форма сотворения конкретного добра. Детей надо растить не вслепую, не мимоходом. Детей надо делать бойцами добра. Для этого самому, рядом с ними, нужно прожить добрую, осмысленную жизнь.

Увеличить на две единички силу конкретного добра, выставить двух свежих бойцов, Саньку и Алешу, — в этом наивысший смысл Галкиного материнства и моего отцовства…

Но мы не единственные, уже не единственные, кто влияет на Сашу. Поскольку он у нас домашний, он остро чувствует необходимость иметь друзей. Едва с ним выйдешь гулять, он сразу начинает озираться.

— Где мои друзья? — спрашивает тревожно.

И успокаивается лишь тогда, когда видит знакомых мальчишку или девчонку. К ним, к друзьям, он прилипает

намертво. Глядит преданными глазами и, счастливо смеясь, повторяет их выходки — любой выкрик, улыбку, гримасу, любой жест…

Друзья, то есть практически соседи по дому, заменяют ему детский сад, он может у них перенять то, чего не переймешь у родителей. Какие-то эмоции, каких мы не можем дать. Какие-то поведенческие реакции. Ту среду, ту атмосферу, которой нет и не может быть вне коллектива сверстников…

Мы разрешили ему звать в гости любых друзей-приятелей и, чтобы хоть немножко освободить место для игр, купили двухэтажную кровать. Внизу будет спать Алеша, когда немного подрастет. А наверху будет спать Саша.

Для пробы поднял Саньку на второй этаж, и ему очень понравилось. Теперь просится играть на свое спальное место. Я его туда поднимаю, и он торчит столбиком, как совенок, и заказывает, какие игрушки ему подать.

Санька долго не подходил к раскраскам и не стремился сам рисовать, хотя мы с Галкой периодически пытались побуждать его к этому. И вдруг интерес пробудился, когда Саньке почти исполнилось четыре. Карандашами он не увлекался. Сразу потянулся к акварельным краскам. И стал раскрашивать прилично, можно даже сказать хорошо. Не выезжал за контур изображения, раскрашивал каждую фигуру двумя или даже тремя цветами. Ни Галка, ни я не учили его этой многоцветности. Откуда что появилось в человеке? Какие гены включились? Какие тормоза убрались?

Очень важна эта проблема проявления, обнаружения задатков. Как их нащупывать? Как подталкивать?

Мы с Галкой уже «дважды два» года родители, а найденными ответами не больно-то можем похвалиться. Бредем в тумане, держа за руки сыновей, надеясь на свою добрую волю. В тумане разума и ясности сердца, если говорить красиво. Потому что, конечно же, сердце ведает, что детям нужно и какими с ними быть.

Сердце ведает, разум мечется… Мы сейчас, как и дети наши, на узенькой тропинке между сознательным и бессознательным. Она извилиста и местами пускается вспять. Сыновья пробираются по ней к человечности. Мы стараемся светить им под ноги. Чтобы не споткнулись, не свернули. А туман висит, не дрогнет, не шелохнется.

Хотя, может быть, и не так. Может быть, при нашем движении он будет конденсироваться и выпадать каплями влаги. И возле нас, мокрых до нитки, дрожащих от холода, неминуемо

образуется «зона чистоты».

Догадка красивая. И по аналогии с физикой («формула красива и, значит, верна») она должна соответствовать истине.

Дай-то бог…

От четырех до пяти

Пройден очередной рубеж, то бишь день рождения. И снова миг за мигом соединяются в записанную непрерывность, в искусственно построенную длительность…

Санька упорно отказывается есть варенье. Мы удивляемся, расспрашиваем его, и наконец он соблаговоляет нам объяснить:

— Я его не хочу, потому что оно меня пачкает!..

Вот он сидит за столом. Ковыряется вилкой в тарелке с пельменями. Вдруг оживляется и кричит громко:

— Котлета из пельменей вывалилась!..

От его крика звенит в ушах, и я ему делаю выговор, улыбаясь…

…Уехали сыновья и жена в деревню на все лето. Я их отвез туда, пожил там с ними неделю и возвратился. Договорились с Галкой, что через два дня будем писать друг другу.

И началась моя свобода. Поначалу она была приятна. Но первое же письмо от Галки подняло в душе тоску. Стал по нескольку раз на дню вспоминать Саньку и Алешу, вспоминать наши с Галкой разговоры.

Через неделю-другую до меня вдруг дошло, что теряю чувство семьи, и ужаснулся — до чего же легко человек отвыкает от самого хорошего, от самого дорогого!

Через месяц забыл Лешино лицо, никак не мог его вспомнить, и это меня мучило, вызывало угрызения совести…

Недели за три до того, как ехать за ними, затосковал взахлеб, до изнеможения, все время думал о них — о ребятах и Галке и не мог ничего делать, сердился, раздражался…

Потом приехал в деревню — и в Галкиных глазах была радость, и Санька повис на шее и кричал, как он соскучился. А Алеша глядел отчужденно и «кокетничал»: подергивал плечиками, слегка приседая, и отстранялся, когда я схватил его на руки и стал целовать. Но слава богу, хотя бы не плакал…

Много думаем о детях, но часто не знаем, что делать с ними, как организовать их досуг. Просто-напросто не воспитаны как родители. Не осознаем значение родительства, роль его в нашей жизни. Не умеем быть родителями и соглашаемся со своим неумением, молчаливо принимаем его как должное. Может быть, мы предаем тем самым детей? Недодаем им то, что могли бы дать? Может быть, мы предаем тем самым себя? Не дотягиваем до той высоты, до которой могли бы дотянуть, и видим поэтому меньше, чем могли бы видеть… Только тот родитель, кто понял

свою жизнь как строгую и постоянную ответственность. Родительство нужно культивировать в себе, осознавать, поддерживать как некий творческий огонь. А для нас, для большинства, высшее творческое напряжение — прочитать ребенку нотацию. Много бед происходит от собственной нашей невоспитанности. И здесь, наверное, первый и единственный рецепт — самовоспитание…

Думаю, любовь к детям надо осознанно выращивать в себе, прилагать усилия, чтобы вызвать ее из глубины души. Тренировать, упражнять, ибо любое невостребованное чувство неизбежно затухает. Созидать в себе положительное эмоциональное эхо при каждом общении с малышами…

А когда любовь к детям станет привычной и необходимой, как воздух, переключить все силы, все внимание на культивацию братских отношений. Учить быть братьями нужно так же, как учиться быть родителями…

На наших ребят приступы братских чувств нападают нерегулярно и ненадолго. То Алеша подойдет утром к Саньке и начинает лизаться. А Санька хмурится и молча терпит… А то Санька вдруг подбегает к Алеше и начинает приговаривать:

— Алешенька, миленький, хорошенький!..

И гладит Алешу по голове. А малыш визжит протестующе…

В остальное время они занимаются своими делами. Алеша бегает мимо Саньки, не обращая внимания. Санька и не взглянет на Алешу. Вместе они пока что играть не умеют…

Неумехи мы все пока что. Ученики. И старшие, то бишь мы с Галкой. И младшие, то бишь наши ребята.

Вот пример тому. Обыкновенное утро. Галка зовет завтракать. Мы с Санькой идем мыть руки. Алеша уже на кухне, возле мамы.

Помыв руки, садимся к столу. Алешу сажаем в его креслице. Алеша не в духе. Плачет, чего-то требуя. Галка пробует его кормить. То так подступает, то этак.

Алеша отталкивает ложку. Плачет. По временам его плач переходит в визг. Чувствуется, что он злится. Но почему? Что ему надо?..

Две-три ложки с трудом удается пропихнуть ему в рот, несмотря на его протесты. Потом он взрывается — визжит с новой силой и энергично отталкивает от себя тарелку с кашей. Тарелка скользит по столу. Часть каши выбрызгивается на стол и на пол.

Галка сердится, нервничает. Алеша плачет, не переставая.

— Да-да… — ноет, показывая на нас с Санькой, что означает «дай-дай…».

Мы по очереди предлагаем ему все, что едим сами: картошку, колбасу, помидор. Он все отталкивает, отворачивает лицо и орет,

визжит по-прежнему.

Еще несколько минут безуспешных попыток его накормить, и Галка теряет терпение. Она хватает Алешу под мышку, в другую руку хватает тарелку с кашей и убегает в детскую комнату — там меньше соблазнов для Алеши. Из-за двери доносится приглушенный непрекращающийся плач.

Вдруг замечаю, что моя рука, в которой вилка, дрожит противной мелкой дрожью. Гляжу на Саньку. Он сидит насупленный и лениво ковыряется в своей тарелке. Я его увещеваю, и получается это раздраженно…

После завтрака начинаем снаряжать ребят на улицу. Пока ловим Алешу, ловим его каждую отчаянно барахтающуюся руку и ногу, Санька успевает вспотеть и его надо переодевать. Леша с ревом бегает за мамой, отбивается от шапочки, от пальтишка — голова гудит от его криков. Я, весь взмыленный, наскоро накидываю уличную одежонку. Мы уже почти готовы. Дозастегиваю Саньку и выпихиваю на лестничную площадку. Леша, уже одетый, тянется к маме, спотыкается о порог, шлепается, и рев, почти затихнувший, возобновляется с новой силой.

Галка убегает на кухню, приседает возле стены и плачет. Я хватаю Лешу на руки, выбегаю из квартиры — гуляние вроде бы началось…

Бывают моменты раздражения, проявления родительской нетренированности, когда либо Галка не соглашается со мной, либо я с ней не соглашаюсь. Поводы для несогласия чаще всего пустяковые, но вывести из равновесия они могут надолго. Для меня раздражение — как сигнал опасности, красная лампочка. Тут нужно немедленно замолчать и вслух не произносить ни слова. А все, что просится на язык, можно произносить мысленно, произносить с жаром, со страстью. Мысленные тирады очень хорошо разряжают — после них становится легко, поводы для несогласия утрачивают остроту, теряют свое значение. Помолчав, можно как ни в чем не бывало, заговорить о чем-то, что не касается недавнего несогласия…

Леша уперся двумя руками в радиолу, стоявшую на полу на ножках, и та, скрипя и содрогаясь, поползла по комнате. Лицо Алешино расплылось в торжествующей улыбке.

Мы с Санькой глядели и удивлялись. Ничего себе Геракл! В год и три месяца мебель двигает. Санька даже, по-моему, позавидовал, почему не ему, а брату пришла в голову такая идея.

Сравнивая, замечаю: Санька исполнительней Алеши, боязливей, нежней. Алеша лучше будет стоять за себя в жизни,

Алеше легче будет жить. А Санька — мимоза, любой пустяк может его повергнуть в слезы, вывести из равновесия. Даже за столом на них посмотришь — и сразу разница видна: Санька сидит и тоскует над тарелкой, в час ест по чайной ложке. Алексей же молотит все без удержу да еще успевает побывать в маминой и папиной тарелках…

С Алешей никогда не приключится такого конфуза, какой происходит с Александром на прогулке…

Гуляем так: Санька едет на велосипеде, я иду сбоку. Дорога хорошая, сухая. Только в одном месте попадается лужа. Я обхожу ее слева, а Саньку прошу объехать справа. Санька медленно вертит педали. Такое впечатление, что он едет, задумавшись о чем-то. И вдруг маленький камешек попадает под колесо. Велосипед едва заметно кренится в сторону лужи. Саньке бы чуть перегнуться в противоположную сторону. Но Санька мешковато клонится к луже и шлепается, вздымая брызги и волны, в грязно-зеленую воду. Велосипед, чуть подумав, чуть помедлив, шлепается следом за хозяином — на хозяина. Санька безропотно лежит в луже и даже встать не пытается. Я подпрыгиваю к нему, выхватываю его из воды. Пальто, брюки, две ладошки густо облеплены грязью. Лицо скривилось в гримасе плача.

Торопимся домой. Я веду велосипед, а следом, горько рыдая, бредет моя рыбонька, мой окунек, мой пескарик…

Алеша — Саньке в противовес — не мой, а мамин хвостик. Я уже говорил об этом и хочу сказать еще раз. Он не может без мамы прожить и получаса. Он настроен только на маму. Чтобы Галке уйти в магазин, Алешу приходится отвлекать, заговаривать ему зубы — тогда Галка может выскочить за дверь. Едва она уйдет, начинаются страдания. Алеша бегает из комнаты в комнату, заглядывает в них с тревогой на лице.

— Мама?.. — то ли спрашивает, то ли зовет.

Голос у него хрипловатый, растягивающий и смягчающий согласные буквы.

Если с ним что-то случается, шлепается или Санька обижает, Алеша не признает ничьих утешений, кроме маминых. Плача, протягивает руки вперед и бежит-торопится туда, где в это время Галка.

Как он сияет, когда маму видит. На меня у него никогда таких реакций не бывает. Его улыбка при виде мамы так хороша, что ни разу я не позавидовал этому предпочтению. Мама с ним все время, а папа то и дело на службе. Пусть любит маму, пусть улыбается…

Порою думаю, посмеиваясь над собой, что семейный быт в конечном итоге сводится к перемещению с одного места на другое и обратно ряда предметов. К примеру, возьмем хотя бы завтрак или обед. Сколько ложек и вилок надо извлечь перед обедом и переместить на стол, сколько кружек. Сколько кастрюлек вынуть из холодильника. Сколько разогреваний совершить на плите. Сколько движений тряпкой и совком, чтобы подтереть и подмести за ребятами. Сколько перемыть разных емкостей и затем поставить их сушиться. Можно устать от одного только перечисления этих перемещений ради обеда…

А ведь я не включил сюда еще умывание ребят, переодевание Леши, который часто мочит штаны во время обеда, затем укладывание на послеобеденный отдых… И так далее, и так далее… Бесконечные звенья бесконечной цепочки перемещений. Искусство бескорыстного комбинаторства. Каждодневная физкультура. Каждодневная спортивная тренировка…

Умственный же тренинг — находить смысл в ребячьих словечках и поступках, в своем поведении. А главное, непрерывно придумывать сыновьям занятия. Они слоняются по комнате и коридору; я прямо кожей чувствую, что сейчас они или накинутся друг на друга, или начнут бессмысленно озоровать…

То рисование, то лепку подкидываем старшему как средство занять себя. Я с ним почти каждый день стал заниматься физкультурой после работы. Целую тренировку устраиваем… Алеша пока больше глядит, чем участвует. Но видно по нему, как тянет его делать то же, что брат…

И все-таки бывают вечера, когда нечего делать ребятам, и они изнывают от скуки.

Галка показала Саньке, как она управляется со швейной машинкой, и это стало находкой. Теперь Санька сидит за рукояткой машины, Галка смотрит только на шов и, когда нужно, командует Саньке:

— Крути! Не крути!..

Самонадеянно думаю, что, научив ребят организовывать, заполнять свое время, мы минуем все острые углы, избавимся от любых педагогических проблем…

Но сквозь радость этого открытия вижу, понимаю: что-то мы успели проморгать, где-то недоглядели.

Санька нахраписто пристает: сделай ему немедленно то-то и то-то, и никаких гвоздей. Если объясняешь: мол, у взрослых есть свои дела и надо подождать — Санька недоволен.

Он часто встречает меня у порога стандартным вопросом:

— Что ты мне сегодня привез?..

Я его воспитываю, воспитываю, но пока что этот вопрос

остается.

Незаметно Санька вошел в роль командира, и мы это с удивлением обнаружили. Не просьбы, а только приказы от него поступают:

— Попить!.. Колбаски!.. Мороженого!..

Теперь без «пожалуйста» вообще не реагируем на его слова, что бы он ни просил.

Про жадность его я уже говорил. Она вроде бы уменьшилась, его страсть к накопительству игрушек, вырезанных машинок. Но она еще есть, она тревожит нас. Мы с Галкой много говорим о Санькиных минусах. Надеемся, что наше быстрое реагирование их исправит. Но хватит ли на весь век сил на быстрое реагирование? Уже сейчас бывают минуты, когда доминирует чувство, которое я называю усталостью от детей. Их вечные крики, их слезы, их «зоологический» эгоизм, их немотивированные капризы утомляют, вызывают раздражение. Хочется не слышать их, от них отгородиться. Вот тогда понимаешь: право на одиночество — одно из святейших прав человека. И отцов-беглецов если не оправдываешь, то и не презираешь безоговорочно.

Поскулишь-поскулишь так про себя, а потом думаешь: ну не бросать же в самом деле семью из-за элементарной усталости! С ними же все равно лучше, с поросятами визгливыми, чем без них… И живешь себе дальше, стараешься…

Санька дуреет, честное слово, дуреет, когда к нему в гости приходит сосед Стасик. Он этого Стасика любит, много про него говорит. Визит Стасика делает Саньку невменяемым и неуправляемым. Он не слышит того, что говорим мы с Галкой, он слышит только Стасика. Они визжат, они табунком носятся по квартире, они прыгают, скачут, ползают, бесятся, колобродят. Когда приходит время расставаться, начинаются взаимные слезы и просьбы:

— Ну еще немного!.. Ну еще пять минут!..

Нам с Галкой не очень-то нравится, как влияет Стасик на Саньку, но мы стараемся не разочаровывать Саньку в друге…

Чтобы не было рецидивов командирства, я ни в чем не помогаю Саньке, отвечаю отказом на просьбы сделать какую-то поделку для него.

— Сам!.. — говорю ему, и весь разговор.

Это, видимо, перегиб. Но Саньке на пользу. Он начинает стараться что-то соображать, что-то делать, не оглядываясь на нас.

Алеша взял карточки с изображениями самолетов, стал перебирать, ворковать что-то на голубином языке. Саша подошел.

Посмотрел. Насупился.

— И я хочу самолеты!.. — пробормотал.

— Алешенька, дай Саше самолетики! — стали мы с Галкой уговаривать.

— Не-а!.. — сказал Алеша.

Он тоже насупился и стал похож на Саньку. И сколько мы ни уговаривали, не соглашался поделиться. Тогда я взял несколько карточек и протянул Саньке. Тот вытер слезы, улыбнулся, начал перебирать карточки. Алеша, глядя на Саньку, надулся еще больше. Он схватил пригоршню карточек и в сердцах швырнул на пол. Увидел, что мы с Галкой недовольны его поступком, и заревел басом. Ревел и поглядывал на нас. Но мы сочувствия не выразили. Наоборот, отчитали меньшого за жадность. И тогда он затих. И каждый из братьев занялся разглядыванием доставшихся ему карточек…

Странно у нас получается: Саньку отучаем от жадности — Алеша впадает в жадность. А бросимся Алешу отучать — у Саньки снова начнется…

С другой стороны, Алеша вроде бы альтруистические наклонности проявляет. Если ему перепадает что-нибудь вкусненькое, конфета, пряник и так далее, он обязательно выпрашивает еще «экземпляр» для Саньки. Будет стоять и канючить, пока не получит братнину долю. А как только получит, сразу катится колобочком к Саньке и отдает. Оба грызут, и оба довольны. И мы с Галкой довольны…

Леше лучше. Ему есть с кем поделиться. У Саньки в его возрасте не было возможностей тренировать свой альтруизм…

В эти дни Санька перестал придумывать свои бесчисленные игры. Потому что увлекся мультиками. Ждет их. Сидит, завороженный, когда они идут. Хохочет, сердится, переживает.

Сегодня попросил умоляющим тоном:

— Включите мультики, пожалуйста!..

Галка развернула программку.

— Сегодня их нет, Сашенька!..

Санька посмотрел на нее с досадой:

— Мама, посмотри получше в программку! Неужели на другой страничке нет запасных мультиков?..

В самые «мультяшные» — в выходные — дни я встаю первый, делаю зарядку, потом сижу на кухне, читаю. Когда слышу, что Алеша в комнате начинает поборматывать, возвращаюсь. Санька тоже к тому времени просыпается. Лежат на диване широком два братца рядышком — только носы торчат из-под одеяла. И мама тут же сбоку, Галенька…

Это у нас как ритуал по выходным. Как только ребята

просыпаются, Галка берет их к себе. А я, когда вижу, как уютно они рядком встречают утро на диване, особенно остро чувствую, что семья — это лучшее в жизни…

Ныряю на диван к ним, и мы еще долго валяемся болтаем, хохочем, барахтаемся. Насыщаемся друг другом, и чувствую, что такое насыщение благотворно действует на душу…

Продолжая приучать к самостоятельности, попросил Саньку следить за младшим братом, за его поведением и решил, что это очень педагогично.

— Учи его, как себя вести. Запрещай шалить. Показывай пример!..

Но Санька быстро сбил с меня педагогическое самомнение. Он превратился в… надзирателя. Стоит Алеше за что-нибудь взяться, тут же звенит Санькин предостерегающий крик:

— Нельзя!..

Вот где нашла выход, питательную почву пресловутая Санькина жадность. От игрушек, от книжек Санька отталкивает Алешу под предлогом «нельзя». Все, что получше, Санька стремится прибрать сам под предлогом этого «нельзя».

Почувствовал, что едва не выпустил джинна из бутылки, и сейчас поспешно заворачиваю гайки. Пытаюсь внушить, что за Алешей надо следить ласково, по-братски, делать все так, чтобы ему было хорошо. Пытаюсь придавить ростки «церберства», неосторожно посеянные в Саньку…

Особенно много терпения надо с Алешей, когда будишь его после дневного сна. К этому ритуалу Саньку мы вообще не подпускаем. Алеша днем довольным не просыпается. Почти всегда его пробуждение знаменуется плачем. Кислый-прекислый, губы надуты, глядит недовольно, никого, кроме мамы, не признает. Старательно выплачется, а потом еще долго хнычет, и никак его не переломить к хорошему настроению. В учебнике биохимии говорится, что это серотонин выделяется в подкорковых субстанциях. Но нам-то не легче от такого объяснения. Мы, ожидая Лешино пробуждение, заранее настраиваемся на долгую борьбу за его улыбку…

Как все быстро на бумаге!.. Несколько листочков перевернуть — и вот уже Саньке исполнилось пять лет, Алеше в ближайшие дни будет год и девять месяцев. Но начал я вести записи, деля их по Санькиным годам, как по главам. И продолжать, видимо, придется так. Буду отмечать Санькины годы, а рассказывать и про Саньку, и про Алешу.

Многое, конечно, от меня ускользает, я сейчас по целым дням на работе. В шесть утра ухожу, в шесть вечера возвращаюсь. Порой, под настроение, проклинаю современный убыстренный

темп жизни, когда все на бегу. И любишь на бегу, и думаешь на бегу, и детей воспитываешь. Порой, опять же под настроение, кажется, что не так уж и плохо, что все мы торопимся. Торопясь, больше успеваем. Втискиваем в одну свою жизнь две, три, четыре жизни и успеваем прожить их все четыре. Но, правда, все четыре впопыхах…

От пяти до шести

Санька и Алеша обнаружили, что книги — отличный строительный материал. В коридоре у нас книжный стеллаж. В одно прекрасное утро мы находим стеллаж пустым, а возле него за книжными Гималаями — довольные лица наших сыновей. Огорчаемся — доставать книги трудно, а у ребят к ним никакого почтения. Раз поняв, что книги могут быть игрушками, мальчишки снова и снова прорываются к стеллажу, несмотря на наши запреты. То они делают из книг «шоссе», плотно устилая ими коридор, то выстраивают «вавилонскую башню», которую затем с наслаждением рушат. А бывает, на них нападает эпидемия листания. Сидят рядком на полу, снимают с нижней полки томик за томиком, перелистывают с умным видом и откладывают. Алеша выдрал было пару страниц, но я после этого прочитал ему грозную нотацию, погрозив пальцем, «покушения» с его стороны прекратились. Мы с Галкой боимся за книги, но, с другой стороны, боимся излишними запретами отвратить ребят от книг. На книги, на мощный нравственный заряд, заложенный в них, наша большая родительская надежда.

Наблюдаю с удивлением и нежностью за женой. Как изменяются интонации ее голоса и взгляд, когда она смотрит на младшего сына. Как она огорчается и сердится, когда старший совершает оплошность. Как выхаживает ребят, когда простужены. Как она умеет не уставать, не раздражаться — о это немыслимое женское умение!..

Конечно, она, и только она, несет основную тяжесть по воспитанию детей. Я стараюсь ей помогать, хочу ей помогать, но я не могу все время быть с ней: отвлекает работа, отвлекают друзья-приятели. Да и не способен я на такое постоянное напряжение, на какое способна она. Мне надо обязательно время от времени отключаться от семьи, встряхиваться. Хотя бы сбегать в книжный магазин — вот и встряхнулся…

А Галка обходится без этого. Она, как паровоз, мощно тянет и тянет вперед наш семейный состав (да простится мне такое сравнение — Андрей Платонов научил меня восторженно относиться к паровозам…). Мать в ней высвечивается все глубже

и глубже. Словно туман разгоняется солнцем — и открывается безграничный сад, полный удивительных плодов…

Не однажды говорил Саньке, что, когда он вырастет, он станет папой, и ему вроде бы это нравилось. А сегодня вдруг сказал:

— Не хочу быть папой! Хочу быть дяденькой с машиной!

— Почему же ты так хочешь? — спросил я.

— Потому что папа все хорошее отдает детям. А я хочу все для себя!..

Прежде всего меня поразил не Сашкин эгоизм, а его самостоятельность мышления. «Надо же, думает, обобщает, выводы делает!» — умилился я мысленно. А вслух сказал:

— Если рассуждать по-твоему, мы с мамой тоже должны все делать для себя. Раз ты не хочешь быть папой, значит, и я тоже не хочу. И не буду больше о вас заботиться, играть с вами. Будем жить каждый для себя. Договорились?..

Санька помолчал, насупившись. Потом вскинул голову, вздохнул.

— Буду я папой, успокойся! Только и ты будь, пожалуйста, папой! Ладно?..

Так мы с Санькой дипломатически договариваемся. А вот с Алешей «дипломатия» пока что затруднена. Потому что Алеша наш потихоньку превратился в «татаро-монгольское нашествие». Только просыпается, и в нем начинает бурлить мощнейший энергетический родник. Носится на своих крепких ножках, словно колобок, из комнаты в комнату. Все ему надо потрогать, подержать в руках, бросить на пол и послушать, как оно зазвенит. Все вещи пятятся перед ним и забираются повыше. Он рвет книги и мамины чертежи, он перебил почти весь фаянсовый сервиз для чаепития и бог знает сколько обеденных тарелок, он мочится на пол в самых непредсказуемых местах и с удовольствием размазывает лужу ладошкой, он утаскивает сапоги и туфли из-под вешалки, и потом их надо искать по всей квартире, он забирается в холодильник и рассеивает полуфабрикаты по постелям, полкам, стульям, табуреткам. Он… Он… Он… За ним надо бегать и выдергивать из-под его руки то одно, то другое. Причем за каждую отбираемую у него штуковину он воюет, он кричит: «Дай! Дай! Дай!..», а голос у него весьма громкий.

Он плачет, и при этом голос у него еще громче. Терпение с ним надо колоссальное. У меня одна мечта: хоть бы книги, собранные для ребят, дожили до их «сознательности»…

На прогулке Алеша ни одного человека не оставляет без внимания. Останавливается и разглядывает, поворачивая голову

вслед прохожему. И на лице у него первозданное удивление. Вот, мол, какое чудо — еще один живой, настоящий человек.

Мне его любопытство кажется бесцеремонным. Неловко мне рядом с Алешей, неудобно. Я его отучаю от «глазения». Но ведь и от интереса к людям тоже отучаю — превращаю уличные встречи и самое жизнь в унылую привычку…

Рисуем с Алешей, набравшись впечатлений на прогулке. Он сидит у меня на коленях и увлеченно водит авторучкой по листу бумаги. Точки, закорючки, прямые линии… Алеша вздыхает, вскрикивает, радуется своему искусству. Я ему предлагаю темы: нарисуй папу, нарисуй маму. Папу он изобразил закорючкой, маму — взлетающей вверх прямой линией. Потом я посмотрел за окно и предложил:

— Нарисуй дерево, Алеша!..

Он запросился на подоконник, я его туда поставил и стал придерживать. Алеша водил авторучкой по стеклу, и это было не просто увлечение — это был творческий экстаз. Возможно, ему казалось, что, водя авторучкой, он созидает увлекательный мир: волнуемые ветром деревья, неторопливых птиц, весенние облака, торопливых людей. Мир появлялся после того, как Алеша проводил линию по стеклу. Он, Алеша, здесь, на стекле, познавал краски и пропорции, смешивал их и разъединял, созидал и разрушал. Оторвать его было невозможно. Я было попробовал, но Алеша так взревел, глянув невидящими глазами, что я оставил свои попытки и терпеливо ждал, стоя за его спиной. Ждал, когда насытится творчеством мой маленький демиург…

Наша беда — нам некогда осмысливать изменения, происходящие с детьми. Нам некогда осмысливать любые события, с ними происходящие. Нас несет текучка, словно вихрь, который налетел внезапно, и нельзя ему сопротивляться. Только успевай делать неотложное, сиюминутное — где уж тут обобщать, прогнозировать. Досадуешь на нехватку свободного времени, столько у тебя социальных ролей, так ты задействован, что дома хочется прежде всего отдохнуть и не хочется напрягаться. В прежние годы людей приучали к психологии «винтика». Сегодняшняя нервозная, суматошная, переломная жизнь, дергая человека, сводя на нет резервы психики, диктует многим психологию «щепки».

Надо, надо, надо напрягаться, надо плыть своим курсом. И, вздохнув, накидываешь на плечо самую тяжелую социальную лямку — лямку родителя…

Гуляю с ребятами. Алеша ходит важный, деловито разглядывает все вокруг. Санька изнывает от безделья, ему

хочется поиграть со сверстниками, но сверстников нет.

И тут появился мальчишка. Неряшливо одетый, с широким солдатским ремнем на животе, с игрушечным пистолетом, заткнутым за ремень. На год-два старше Саньки.

Он стоял неподалеку и с независимым видом глядел в пространство. Я подтолкнул Саньку к нему и, карауля Алешу, поглядывал, как играют большие.

Незнакомец быстро взял в свои руки власть и водил Саньку за собой.

— Давай швыряться камнями! — предложил он.

Санька послушно согласился. Его послушание огорчило, но я не вмешивался, решив понаблюдать, до каких пределов безволия дойдет мой старший.

Ребята швырнули камнями в ствол дерева. У Саньки это вышло так неуклюже, что второй раз швыряться предводитель не предложил. Зато изобрел другое — сунуть голову в подвальное окно и смотреть, что там внутри.

Так они и сделали. Но тут какой-то дед, возвращавшийся из магазина, заорал на них, отогнал от окошка.

Потом мальчишка предложил Саньке рисовать на стене дома. Способ рисования он изобрел оригинальный: вырывал толстый пучок травы и, прижимая его к стене, выводил влажно-зеленоватые линии. Увидев, что Санька и тут не противится, я прервал их забаву — отозвал Саньку.

— Чего? — сказал Санька, подходя с недовольным видом.

Я призвал его к самостоятельности и подумал, что раньше надо было…

Впрочем, он меня тоже «призывает» иногда — в свойственной ему манере. Вот пример.

Ко мне приехал брат с женой, мы посидели, поговорили. Потом гости вышли на лестничную площадку покурить, и я, некурящий, вышел с ними. Стояли, обсуждали что-то. Вдруг из-за двери пронзительный Санькин рев. Я вернулся в квартиру:

— Чего ты, Санечка?..

Он сердито глянул на меня мокрым своим лицом:

— А чего ты курить пошел? Не кури!..

Я посмеялся и растрогался. Вот ведь неосторожный — сам настраивал сына на полное неприятие курения и вдруг «пошел курить». Нарушил душевное равновесие ребенка…

Младший наш, Алеша, пока далек от столь сложных жизненных перипетий. У него хриплый обаятельный басок, и он, войдя в третий год жизни, начинает называть предметы. Все пока что величает именами собственными. «Дима» — это у него означает дым. «Сема» — так он называет солнце. «Дема» — по-

лешкиному дом.

А иногда ему изменяет его басок, и он говорит тоненьким-претоненьким «воробьиным» голосом…

Санькины проблемы сложнее, он уже в делах «вселенских» замешан. Как-то вечерком всплакнул. Галка ему шутливо сказала, чтобы не пугал солнышко, чтобы улыбался больше. Песенку вспомнила: «От улыбки серый день светлей…»

Всю ночь и на следующее утро шел дождь, небо было плотно зашторено.

Санька, проснувшись, был печальный. Сидел, размышлял… Кончив думать, подбежал к Галке.

— Мама, это из-за меня солнышко ушло! Вернуть его надо!..

И он веселился — безудержно, отчаянно, гомерически.

На минутку вдруг солнце прорвалось, и снова прореху в облаках затянуло.

После обеда Галка посылала Саню спать, но тот упорно сопротивлялся:

— Мамочка, ну некогда мне! Тучи надо разгонять!..

К вечеру небо очистилось, и солнце торжественно вкатывалось в дома, как новенькая монета — в копилку…

Санька долго думал — что-то его озаботило. Потом спросил:

— Почему все в сказках такие злые?

— Кто все? — озадачился я.

Решил, что он имеет в виду Змея Горыныча, Бабу Ягу и иже с ними. Но Санька пояснил.

— Иван-царевич и другие богатыри!..

— Разве они злые? — спросил я.

— Конечно! — подтвердил Саня. — Головы рубят направо-налево, дерутся все время, обманывают…

Я ничего не смог ему возразить, сказал только, что раньше жить было трудно и поэтому все враждовали. Потом перечитал несколько сказок под Санькиным углом зрения и обнаружил, что он прав. Чего-чего, а крови в сказках более чем достаточно. Мы читаем, не понимая современного содержания сказочных поступков. Привыкли думать, что сказки учат доброте.

А вдруг наоборот? Вдруг они насилию учат, жестокости?.. Я, конечно, объяснил сыну, что, живя среди зла, герои сказок должны со злом бороться насмерть. Или ты убьешь зло, или оно тебя убьет.

Тут же добавил, что сегодня зло тоже существует и оно многолико. Боится света, боится правды, старается прятаться, маскироваться…

Но чему же учат сказки? Неужели недобрые они?..

Поговорили о зле, помянули — и накликали. Настигло оно

нас. Потянулась полоса болезней. То Санька сопливится, то Алеша. То у Саньки живот расстроится, то у Алеши…

Мы с Галкой воспринимаем любую детскую хворь как обиду, несправедливость, незаслуженный удар судьбы. С ног сбиваемся, выпаривая-вытравливая-изгоняя «бесов».

Саньку его хвори делают мнительным. Он боится войти в комнату, если там форточка открыта. Он расспрашивает, какие болезни бывают и что при какой болезни не в порядке. Он, как только вспотеет, сам торопится переодеваться — без всяких напоминаний с нашей стороны. В общем, превращается в образцово-показательного пациента…

Мне это не нравится, ибо в нем укореняется не только мнительность, но и трусость. Он легко плачет. Чуть слово не по нему — и вот уже губы надуты, сердитые глаза и слезы катятся.

Досадую, что он так медленно взрослеет. Пробую вести с ним «умные» речи — объясняю по-серьезному то-се из биологии. Он выслушивает молча, вселяя надежду на понимание. А потом спрашивает что-нибудь примитивное («Папа, почему Алеша машинку сломал?..»), и я вижу, что ничего в нем не остается от моих слов. Вздыхаю и жду…

Хочу быть хорошим родителем, душевно готов быть им. Готов заниматься с детьми часами, готов им рассказывать обо всем на свете, готов быть внимательным и терпеливым, ласковым и требовательным. Но ничего не знаю в педагогическом плане.

Как нехватку воздуха, чувствую нехватку педагогических знаний. Удивительный феномен: быть родителем — самое ответственное дело, но никого этому не учат, родительство пущено на самотек. В школах ввели «Этику и психологию семейной жизни», но это так несерьезно! Я читал программы и учебники. Мое мнение: не то и не так…

Почувствуешь интуитивно, что надо тебе, каким быть — слава богу! Не почувствуешь — расплатишься своими слезами.

Педагогических книг много, но они мало дают, чтобы не сказать — совсем ничего. Чувствую нехватку специальных педагогических знаний, нехватку педагогических навыков: как развивать внимательность и усидчивость, совестливость, честность? Как использовать игру для воспитания? Как преодолеть эгоизм ребенка? Как воспитать одухотворенность?..

Когда стал родителем, ощутил, что мне не хватает… отца. Я рос только с мамой и очень ее люблю. От нее я взял умение быть внимательным и ласковым с детьми. Но отца я не знал, он жил отдельно, они с мамой разошлись. И вот теперь я иногда чувствую, что не умею быть главой семьи, что есть в душе незаполненность, пробел.

Кто такой глава семьи? Это не диктатор, конечно, такое решение я отбросил изначально. Правильно, видимо, так. Тот, кто определяет «стратегию» семьи, кто является «высшим судом» для домашних, олицетворением совести.

Чувствую, что нужен отец, и вспоминаю своего с недобрым упреком. В собственном отцовстве иду от ума, от воображения. Веду себя так-то и так-то, потому что именно таким представляю поведение отца. Но на самом-то деле, может, все должно быть не так?..

Нет уверенности, сомневаюсь, теряюсь, и это плохо. Был, например, с ребятами строг, ибо видел функцию мужчины именно в этом. Но почувствовал, что они меня боятся, и ужаснулся. Я ведь не сердитый, не хмурый, просто, бывает, корчу из себя такого перед ребятами… И вот переменился — разрешаю им озорничать, сдерживаю совсем немного. И вроде опять выходит не совсем хорошо…

Был бы у меня отец! Что-то бы я мог вспомнить, о чем-то спросить. Как было бы славно!..

Отец не порадовался моим успехам, я порадуюсь успехам своих детей. Вот у Алеши в два года и четыре месяца взрыв талантливости. Стремительно осваивает сложные слова и предложения. Каждый день «исполняет» по много новых слов.

— Не ме-шай! — правильно и с расстановкой выговаривает Саньке.

На рисунке в книжке «узнает» себя и говорит:

— Вот Аля тут!..

Вдруг сразу стал различать цвета. Полотенца в ванной висят, и он называет:

— Красное — Сашино, синее — Алино…

Называет зеленое и белое, а про желтый цвет говорит «сема» — как и про солнце. Трогательно коверкает слова. «Зеленое» у него «зюзеное», «хорошее» — «хохочее»…

Санька тоже не лыком шит — стал ходить в хореографический кружок. Перед занятием переодевается и превращается в беленького «сказочного» мальчика-пажа. Белые чешки, белые гольфики, шорты, белая футболка да еще светлые его волосы — все очень ему идет.

Хореограф не нравится мне. Она молодая и неторопливая. Построит ребят в коридоре перед залом, а сама ведет бесконечные беседы с родителями или уйдет куда-то, а ребята стоят, томятся. Или, может, мы, родители, больше томимся, чем они…

Сперва занятия были по сорок пять минут, потом хореограф объявила, что будут по тридцать минут. Как-то после занятия —

видимо, в сердцах — она высказалась, что ни у кого, мол, из детей нет ни фантазии, ни воображения.

Но что значат мои мелкие недовольства, если Саньке ходить на занятия нравится, если он под музыку хорошо показывает танцевальные позы, если я замечаю в нем грациозность, которая еще вчера в нем отсутствовала начисто…

Шли с хореографии. Холодный дождь лил не переставая. Безлистные деревья, увешанные каплями, знобко ежились.

Вдруг услышали треск. Один из больших тополей покачнулся и упал. Возле него суетились маленькие люди. Мы свернули к ним. Под ногами захлюпала грязь, перемешанная с опавшими листьями.

— Что, помогать пришли? — спросил мужчина в ватнике и вязаной красной шапочке.

— Нет, узнать, по какому праву рубите!

— Есть акт на порубку! — сказала старая женщина, отойдя от ствола.

— Что вы, собственно говоря, переживаете? — спросил мужчина. — Вы сажали эти деревья?

— Нет, не сажали.

— Вот посадите сперва хоть одно, а потом и приходите мешать!

— Они беззащитны, а вы вооружены до зубов: топоры, пилы.

— Много было болтунов, еще явились!

— У нас, у болтунов, совесть есть.

— А у нас — акт на порубку!..

Мы сходили к женщине домой, и она вынесла в прихожую акт, подписанный тремя какими-то «представителями». Должно быть срублено двадцать четыре дерева для «прореживания». Я с недоумением это прочитал. Деревьев между домами и так немного. Но бумага есть бумага. Штамп на ней сверху, что акт с кем-то там согласован…

Ушли ни с чем. По дороге я объяснил Саньке, почему отступаем. Главное в ситуации, пожалуй, то, что не промолчали, не прошли мимо…

Входишь с улицы и первое, что видишь дома, — хаос в детской комнате. Игрушки раскиданы на диванчике, на полу. Их много, игрушек. У кого из современных детей их мало…

Я пытался с беспорядком бороться. Увещевал Саньку, заставлял убирать игрушки. Санька дулся.

— Почему я убираю, а Леша не убирает?..

Потом как-то попривык и стал бороться за порядок только вечером, перед сном. Мол, прежде чем ложиться, надо все убрать.

Бывало, и вечером забывал об уборке. И сам потом распихивал игрушки под кровать и под диванчик…

Когда наведем порядок в детской и останется немного времени до сна, Санька показывает мне свои рисунки. Он рисует больше красками, чем карандашами. Рисунки «лохматые», ограничивать их четкой линией контура он не умеет или не хочет. Солнце у него синее, зеленое и очень редко — красное или желтое. Бывает, на одном листе — по два-три солнца сразу. Самый частый сюжет — машины на дороге. Он их раскрашивает в яркие «попугайные» цвета. Также любит рисовать войну: танки, пушки, самолеты. Непрерывными линиями обозначает полет снарядов: от пушки до того места, куда они попали. Пропорциональность не соблюдает: стоят на рисунке огромные грибы, а под грибами растут деревья… Его рисунки можно трактовать как портрет его души, которой почти ничего не известно о мире и которая на основе минимальной информации пытается построить гармоничное мироощущение…

Мне вдруг пришло в голову, что на множество задач искал ответы, а главный вопрос пока что и не поставил.

Что дал я как отец ребятам? Решил попробовать ответить на этот вопрос. Причем спрашиваю не в материальном плане — я, мол, дал им одежду, обувку и так далее. Спрашиваю в высшем понимании — что я дал их интеллекту, их душе.

И отвечаю: плохо ли, хорошо ли, но главное — дал им первоначальный образ мужчины, тип мужчины, и они от меня отталкиваются, мне подражают в своем реагировании на мир. Эта истина неоспорима: неоднократно убеждался, что я для сыновей эталон.

Конечно, это уже немало — быть идеалом, с которого новые люди лепят себя. Но ведь от меня-то самого это не требует почти никаких усилий.

Я с ними охотно играю. Им это нужно, их это радует. Не жалею на это времени, хотя у меня его всегда мало. Но ведь и мне эти игры доставляют удовольствие, не только им. Я, конечно, не углубляюсь в игру, как они, но мне так приятно за ними наблюдать, быть соучастником их «предметной деятельности».

Я с ними гуляю и отвечаю на их вопросы. Вернее, пока только на Санькины вопросы. Поначалу, когда Саньку только-только прорвало, я иногда терялся от их обилия и разнообразия. Но теперь и обилие и разнообразие его «почему» стали привычными, и я могу думать о чем-то своем и в то же время отвечать Саньке.

Я читаю сыновьям книги, опять же в основном Саньке. Недостаток мой — прочитанные книги почти не обсуждаем. Самое большее, на что меня здесь хватает, попросить Саньку

пересказать главу или эпизод да подкинуть ему вопрос-другой по тексту.

Я стараюсь рисовать с сыновьями и вырезать из бумаги. Но к рисованию у меня абсолютная неспособность, и собственноручно изображенные «каракатицы» мне смешны. Правда, ребята еще не способны оценить «прелесть» моих изобразительных опытов. Меня озадачивает их одобрение и выручает, спасает от самобичевания, самоуничижения.

Пытаюсь привить им вкус к размышлению. Они видят, что много читаю. Рассказываю о земле, о небе, о воде и космосе. Ничего почти в них не остается от моих рассказов. И все же, и все же…

Пытаюсь обучить их правильному поведению, этикету. Но выглядит мое обучение как элементарная муштра. «Нельзя так, можно вот этак!..» Эта муштра мне самому не нравится, но через неприязнь к этому занятию все-таки ребят муштрую. Считаю: то, что сейчас впитается в них, станет в дальнейшем привычно-бессознательным. Им не нужно будет тратить нервную энергию для наблюдения за собой, когда выйдут в люди. Впитанные в детстве навыки станут рефлекторными, дадут им ощущение естественности, раскованности, свободы. Без такого ощущения невозможны душевные взлеты.

Рассказываю Саньке о своей профессии. И поскольку работаю врачом, мне радостно слышать, как мой старший тоже мечтает быть врачом. Конечно, меняет он свои устремления весьма часто. Но врачебный лейтмотив неизменно остается. После шофера, художника или еще кого-нибудь он снова хочет во врачи.

Пытаюсь понемногу учить его что-то делать руками. Но, во-первых, поскольку я не технарь, а гуманитарий, сам делать умею не очень-то многое. Не совсем, конечно, беспомощный, все основные работы по дому делать могу, но мастерству обращения с металлом или деревом сыновей не научу.

Во-вторых, наши технические игрушки весьма далеки от совершенства, на мой взгляд. Купил я, например, только что Саньке металлический конструктор. Санька попробовал им позаниматься и быстро бросил. Первая попавшаяся гайка не навинчивалась на первый попавшийся винт из-за того, что резьба была сорвана. Я взялся сам и полдня собирал самоходную пушку, сделать которую приглашала инструкция. Хорошо, что выходной был и торопиться было некуда.

Продолжаю бороться против того, что в сыновьях мне не нравится. Пытаюсь показать им, как смешна и нелепа жадность, как противны зависть и злость. Но ведут они себя пока что далеко не идеально: и жадничают, и норовят порой исподтишка

напакостить друг другу, отобрать что-то друг у друга. Так что в искоренении этих отрицательных качеств ничего себе в заслугу поставить не могу.

Что еще?.. Вот что очень важно! Ребята никогда не видели меня в ссоре, в разладе с их мамой. Мы, родители, живем дружно, и думаю, что в представлении ребят такая жизнь становится единственно возможной и необходимой. Это гармонизирует ребят, закладывает крепкие основы их будущей семейной жизни — того далекого «послезавтра», в котором они сами станут мужьями и отцами.

В суете, в ежедневном верчении чувствую иногда, что мне остро не хватает чего-то неторопливого. Может быть, раздумий о смысле жизни?

Утешаюсь: вот поеду к маме — там подумаю, поразмышляю, отрешусь от суеты. Мечтаю об этом.

Но приезжаю за город и, порадовавшись маминым новостям, начинаю томиться. В тишине и покое не думается ни о чем высшем. Оттуда я вижу, как много мудрости в том, что мы именуем бытом, — в общении с женой и детьми, в наших разговорах, взглядах, улыбках, в наших ежедневных прогулках, засыпаниях и пробуждениях. И даже в высказываниях Алешеньки, который только-только начинает задумываться, соображать, умозаключать.

Играл он с Сашей, вдруг остановился и изрек:

— Папа с мамой — взрослые, а мы — люди!..

В другой раз, указывая на наш семейный портрет, висящий на стене, объявил:

— Там запасной папа, а это (жест в мою сторону) — обычный!..

А Санька меня вот как потешил. Я рассказывал ему, как полезно солнышко, убивающее микробов. Санька спросил:

— А что ест солнышко? Микробов убитых?..

В другой раз Санька вот как меня воспитал. Сидим на кухне, я задумался, положил ногу на ногу и жую в такой неудобной позе.

Галка показывает глазами, что Санька перенял мою позу. Но я не реагирую — отключился.

Тогда Санька вмешивается.

— Ты что мне пример показываешь! — говорит с укором, и я поспешно меняю позу…

После ужина братья идут смотреть «Малышей». И диктор дядя Володя желает им «спокойной» ночи. Ревет Алеша, ревет Санька. В перерывах между всхлипами объясняют, в чем дело. В «Малышах» показывали мультфильм «Серая Шейка». И как раз на

середине прервали. Все для героев так плохо: Серая Шейка, покалеченная, осталась в полынье. Вокруг полыньи кружит лиса. Мать оплакала Серую Шейку и улетела, думая, что дочь погибла. Ребята разволновались, ребята ждали справедливости, а справедливость отложили на завтра — в завтрашних «Малышах» будет окончание мультфильма. Вот и стоит в квартире дружный рев перед сном. И я не знаю, как реагировать: и ребят жалко, и на телевизионщиков досадую, и улыбка на лицо просится…

От шести до семи

Плохо у меня получается с Лешкой. Он меня почти не желает признавать. Так, под настроение пообщается. А в основном игнорирует. Одну только маму признает, одна только мама ему нужна.

Симметричное разделение вышло: Санька со мной, Леша — с мамой. Вот именно разделение. Разделилась семья только сейчас до меня это дошло, словно я рукой пишущей думаю, а не головой. Две половинки — папа-сын, мама-сын — живут бок о бок и хорошо взаимодействуют. Но как бы нужен был сейчас третий ребенок, ах как бы нужен! Чтобы нарушить эту симметричность, которая хоть и не выглядит чем-то недобрым, все-таки меня тревожит…

Ребята, как удельные князья, живут каждый сам по себе. Слишком велика разница интеллектуальных интересов. Одно время Санька пытался подражать Леше, как бы шел у того на поводу. Теперь он это оставил.

Только если они нападают на меня, когда играем «в войну» — только тогда они объединяются, защищают друг друга, отбирают друг друга у меня, если «захвачу их в плен»…

Вопросов мои «почемучки» столько назадавали, что я к этому привык, вошел во вкус и начал по инерции сам задавать себе вопросы, взрослые конечно.

Каково место ребенка в жизни современного человека?.. Ребенок — родительское продолжение — таково традиционное понимание роли младшего. Продолжение при этом понимается не диалектически, а примитивно-механически. «Был я вчера и сегодня, буду завтра в образе ребенка…» Да, будешь, будешь как след, как эхо, как мелодия в инобытии. Ну а если не затронешь никаких струн в душе сына или дочки, если не «прозвучишь» в ребенке, то ничего от тебя не останется. Чтобы продолжиться в ребенке, нужно не быть пустым, не то просто нечему будет продолжаться.

Сейчас, к сожалению, немало людей, для которых дети — нервотрепка, обуза. Еще хуже вариант, когда дети воспринимаются как наследники накопленного. Все наше барахло для них, для детей, день вчерашний. Только нашу душевность они могут унаследовать с благодарностью и передать по цепочке поколений. Право продолжиться в детях надо заслужить. Не всем, имеющим детей, удается это…

Следующий вопрос к самому себе: может ли быть предопределено будущее ребенка, или оно зависит от случая?.. Здесь обычно говорят о соотношении биологического и социального. Я склоняюсь в сторону социального — в сторону воспитания.

Если ребенок правильно воспитан, его будущее предопределено. Правильное воспитание предполагает, что в человеке сложились четкие нравственные ориентиры. Любые преграды, передряги, соблазны не заставят его отрешиться от гуманности, от своих принципов, не испортят его.

Если же человек не воспитан, его будущее зависит от случая. Он похож на корабль без компаса. Ему все равно, куда плыть. Куда подует ветер, туда он и плывет…

Тут же надо спросить, что такое правильное воспитание? Это большой, емкий вопрос, но кратко на него я бы ответил так. Правильное воспитание — воспитание хорошего человека и хорошего гражданина. Никаких особенных, героических усилий такое воспитание от родителей не требует. Нужно жить честной и содержательной жизнью вместе со своими детьми. Обязательно вместе, а не просто рядом. Чтобы дети разделяли заботы родителей, принимали в них участие, сопереживали. Как втянуть детей в семейные дела, каждый должен сам придумать. Очень важно не допустить эмоциональной глухоты — такая глухота отгораживает ребенка от семьи. Для этого, в первую очередь, самому нужно не быть эмоционально глухим.

А теперь нужно поставить вопрос: рождается ли ребенок добрым, или в нем изначально могут быть зерна жестокости, черствости? Есть ученые, которые пишут о врожденной агрессивности животных, а следовательно, и людей. Я думаю, что ребенок рождается никаким, но первое, что в него вкладывает жизнь, — это материнская доброта. Заряд материнской доброты очень силен, но его, конечно, не хватит на всю жизнь. Семья должна быть полигоном для тренировки доброты, для приобретения навыков добрых душевных движений. Я не случайно сравнил семью с полигоном. Сегодня доброта должна быть боевой силой, которая не просто терпит зло, не просто

противостоит ему, а беспощадно борется с ним, наступает на него. Сегодня воспитать человека добрым — значит воспитать его бойцом.

Что же мешает нашим детям становиться лучше, чем мы сами?

Видимо, то, что мы делаем детей такими, каковы мы сами. Мы довольны, если дети похожи на нас, то есть мы довольны тем, что они не имеют своего лица. Мы боимся хлопот, которые связаны с нестандартно, нешаблонно развивающимися детьми. Нам трудно выйти за рамки привычных стереотипов и самим вести себя нетипично, по-новому в ответ на нетипичное новое взросление детей. Мы зачастую передаем детям свои «придавленные мозоли», свои потаенные комплексы, свои обиды, в надежде, что дети справятся с тем, с чем не сумели справиться мы сами.

Многие проблемы возникают, как мне кажется, из-за дефицита воспитанности. Мы совершенно упустили из виду самое простое — этикет, умение себя вести. Навыки пристойного, культурного поведения должны быть рефлекторными, бессознательными, привычными.

Говорят, что современная семья больна, что она распадается, отмирает, не имеет прежнего значения…

Думаю, это неправильно. Сегодня уменьшается роль большой семьи, состоящей из нескольких поколений. Господствует маленькая семья: мать — отец — ребенок.

Влияние семьи было, есть и будет определяющим в жизни ребенка. Я очень верю в семью, в доброту и духовность. Но быть семьянином сейчас нелегко. Общественная жизнь организована так, что в рабочем, самом цветущем своем возрасте мы видим детей мало: по вечерам да по выходным. Желая быть хорошими родителями, вычитываем из педагогической литературы всякие рекомендации, даем обещания следовать им. Но прибегаем вечером домой, усталые, голодные, и нас ожидает куча неотложных дел. Ребенку мы можем выделить за вечер один час, от силы два. Обидное несоответствие: есть много хороших рекомендаций, но нет времени им следовать. Здесь я вижу большой резерв — мужчины. Они сегодня, в большинстве своем, мало принимают участия в семейной жизни, остаются как бы не у дел. Чтобы вернуть утраченное значение семейных лидеров, мужчинам нужно засучить рукава. Они многое могут взвалить на себя: всю тяжелую физическую работу по дому, все педагогические эксперименты. В семье должно быть не просто уютно и радостно — в ней должно быть **интересно**. Хорошо бы мужчинам взяться за изгнание скуки из дома, за создание

атмосферы интересности…

Возвращаясь к началу рассуждения, могу сказать, что бывают, конечно, семьи больные. Еще Макаренко говорил: «Ребенок — рентгеновский снимок семьи». Приглядитесь внимательно к своим детям, и вы поймете без всякого врача-консультанта уровень здоровья вашей семьи…

Ну вот и кончилось «автоинтервью». На предыдущих страницах я как бы играл с собой. Вообразил, что опытный человек, и задал себе несколько вопросов. Не все же только ребятам играть — надо и папе немного.

Мне понравилась эта игра. Этот способ стимулировать свои умственные процессы.

Обязательно устрою как-нибудь еще раз беседу с собой. А пока что перейду к делам практическим, повседневным и не менее болевым, чем вопросы «высокой теории»…

Периодически ломается цветной телевизор, и я не могу удержаться — ругаю нашу промышленность. При этом присутствуют дети. Санька спрашивает:

— Почему за рубежом все делают лучше, чем у нас?..

Я не знаю, что ему ответить. Он видел, что и магнитофон ломался, и моя электробритва, и духовка электрическая.

Гуляем по улицам, и он интересуется, почему долго канавы разрытыми остаются, почему столько труб, каких-то конструкций, плит разбросано без надзора. Я стыжусь за неведомых мне безответственных людей и объясняю сыну, что такое халтура и безалаберность. С моей точки зрения, я к этому не причастен. Но с его точки зрения, все взрослые — одна компания, и если что-то вокруг сделано плохо, значит, папа тоже в этом виноват…

Я не отказываюсь от своей вины. Думаю об искуплении — строю такую перспективу.

— Подрастешь немного, Саня, и будем мы вместе добродеями. Делателями добра. Будем исправлять все плохое, что заметим. Договорились?..

Пишу в газету письмо о виденных нами беспорядках. Читаю Саньке вслух. Он доволен…

Алеша озадачивает. Не знаю, почему у него такая манера. Картинки в журналах и книжках рассматривает кверху ногами. И рисует все тоже кверху ногами. Автомобили у него едут кверху колесами. Земля вместо неба. В заблуждении своем не упорствует. Если перевернешь книгу или журнал правильно, он начинает рассматривать правильно. А едва отойдешь, он снова ставит мир «на голову»…

Санька, забыв свое командирство, взялся с завидным упорством, вовремя и невовремя, по поводу и без повода пугать

Алешу темнотой.

— Не ходи туда! Там волк сидит! Он тебя съест!..

Кончилось тем, что сам напугался. Теперь ни за что не войдет в темную комнату. Мы с Галкой никогда плохого про темноту не говорили, не пугали. Но откуда-то всплыл этот страх и теперь существует, не считаться с ним нельзя. Наверное, гены сработали и он «вспомнил» первобытный страх перед ночью…

Любимым занятием в светлой комнате остается у братцев рисование. Санька взял и разрисовал красками оконное стекло: бурное море, мост над ним, огромная машина-легковушка и в праздничных рамочках имена Алеша и Саша.

Ни с Галкой, ни со мной не посоветовался, разрешения не спросил — но ведь не ругать же за такую вдохновенную работу. Я хвалю его, Галка хвалит, и он, гордый, выглядывает на улицу, не видят ли прохожие его художество…

Наверное, рисунок на стекле подтолкнул Саньку придумать новую игру. Я должен изображать скалу, ребята должны взбираться на нее. Для меня игра довольно мучительна. Ребята оттаптывают мне ноги, взбираясь, рвут домашнюю футболку, буравят своими тапочками мои бока. Но им эта игра доставляет удовольствие. Для них это — преодоление трудности, самоутверждение. Они взбираются на «скалу», вдохновенно пыхтя, и вопят от радости, добравшись до «вершины» — до моей шеи…

То ли это очередная игра, то ли всерьез, только Санька считает меня волшебником. Он своим друзьям не раз гордо заявлял:

— Мой папа колдовать умеет! Вот!..

Я его не разубеждаю. Мне кажется, что фантазия, если ее подталкивать, стимулировать, дает мощный толчок эмоциям и интеллекту, поднимает «потолок» человека. Я организовал появление у сына коллекционных машинок — заранее прятал машинку где-то в укромном месте и в нужный момент предлагал:

— Давай наколдуем так, чтобы у нас в диване появился «руссобалт»!..

— Давай!.. — загорался Санька.

Я проводил сеанс «колдовства». Доставал обещанную модельку. Санька был в восторге. И верил в меня…

Теперь он заказывает:

— Наколдуешь мне на Новый год «кировец»! А на день рождения — «пежо»! Ладно?..

Я соглашаюсь. Рассказываю ему удивительные истории про то, как он по ночам уезжает совершать добрые волшебные дела, а к утру возвращается. Санька верит. Вижу, что мои выдумки

помогают ему развиваться. Радуюсь, что умею фантазировать…

Вдруг, почти не заметив, Санька лишился двух верхних передних зубов, и лицо его сделалось особенно беззащитным, особенно милым. Люблю его рассматривать в эти «беззубые» дни, его это смущает.

Неожиданно он сбивает мой созерцательный настрой. В разгаре игры останавливается и говорит задумчиво:

— Для чего люди рождаются? Чтобы жить и умирать, что ли? А шоколадное мороженое бывает? Оно из холодных шоколадок, да?

Первая философская — часть его тирады меня ошеломила, заставила остолбенеть, напрячься в ожидании. Вторая, «кондитерская» часть напряжение сняла, я облегченно вздохнул и расслабился.

Саня, уже не философствуя, придумал обоснование для своего художества на оконном стекле.

— Это для Деда Мороза нарисовано, папа! Видишь, мост, чтобы Дед Мороз пришел к нам. А внизу автомобиль — на нем лучше ездить, чем на санках. И наши имена, потому что мы тут живем. Чтобы с другими нас не перепутал. Теперь-то уж Дед Мороз не заблудится!..

Высказался и ко мне на плечи. Это у него сейчас любимое и частое местопребывание. Если позволить ему, не слезал бы весь день.

Как-то спросил:

— Можно я пообедаю, на тебе сидя?..

Я в шутку разрешил. И вот мы уселись за стол возле стены. Я ел из своей тарелки. А Санька, сидя у меня на плечах, спокойно поставил тарелку мне на голову и, опираясь о стену спиной, уничтожал свою порцию.

«Двухэтажная» у него сейчас жизнь: спит на верхнем этаже кровати, играет и ест на папиной шее. Возвышенное существование!..

Он гордится:

— Я, когда вырасту, все смогу сделать!..

Ощущение будущего могущества переполняет его уже сейчас и опьяняет. Планы у него благородные: изобрести таблетки от старости, а еще придумать часы, передвигая стрелки которых можно отправлять человека в прошлое — в пору его молодости…

Несколько слов об Алеше. Он готовится купаться. Мама ждет в ванной. Я ему достаю сменное бельишко. Алеша стоит голышом, в одних тапочках, и кричит:

— Папа, я уже почти раздет!..

Я хохочу, Галка хохочет, Алеша, сидя уже в ванночке, смотрит на нас с благожелательным удивлением…

Санька, пока Алеша моется, просит почитать вслух старые дневниковые записи. Один раз я ему случайно прочел, и с той поры он стал часто приставать:

— Папа, прочитай про нас с Алешей!..

Когда я читаю, он весь обращается в слух, переживает, краснеет, бледнеет. Если что-то, судя по записи, у него в прошлом было нехорошо, он стыдится, спрашивает:

— Но ведь сейчас я не такой?..

Видя, как это чтение благотворно влияет на него, я прилежно веду «отцовский дневник» — простую и действенную «машину времени»…

…Едва уложим ребят, едва тишина придет, как вдруг Санькина головенка выныривает из постели, как поплавок из воды.

— Папа, а почему… — начинает Санька, и дальше следует вопрос на «злобу дня». Он спрашивает о том, что его больше всего задело, затронуло в истекшем «сегодня». Причем осмысливает он только то, что вызывает бури в его эмоциональной сфере. Мои рациональные призывы учиться читать или делать что-то полезное не оставляют к концу дня никаких следов…

К сожалению, суть многих моментов, затронувших его душу, до бумаги не доходит. Вот вечерняя прогулка в морозном снежном мире. Алеша в шубе похож на веселого медвежонка. Санька разрумянился и выглядит скорее как Шурочка. Ветер несет миллионы снежинок — многие из них рады зацепиться за ребят или за Галку. Мамуля наша стоит и улыбается, будто Снегурочка.

Ребята вырезают из снега кирпичи и пытаются из них что-то строить. Кирпичи рассыпаются, ребята визжат. Они падают в снег и катаются в нем — пушистые зверьки, ошалевшие от радости жизни…

Простуды, к сожалению, частые визитерши у нас. Ставил Саньке банки, они хорошо присасывались. Укрыл его одеялом и вышел из комнаты. Когда вернулся через несколько минут, Санька… стоял на диване и был он похож на Карлсона со множеством стеклянных горбиков на спине.

— Ты чего встал? — спросил я.

— Папа, я никогда не состарюсь, ведь правда же?.. — тревожно спросил Санька.

— Никогда, — подтвердил я…

Представления о мире он конструирует сам. Сам его

придумывает, свой мир, и сам объясняет…

Ест морскую капусту из банки.

— Папа, я знаю, как ее собирают!..

— Как? Расскажи!

— Когда моряки якорь поднимают, он весь в морской капусте. Они капусту обрывают — и в банку!..

Все в нем перемешано, хаотично, непредсказуемо. И писать о нем надо так же — кусочками, фрагментами, как вырываются его детские откровения.

Идем с ним по улице.

— Папа, это дерево? — спрашивает он. — А какая от него польза?

Я объясняю.

— Папа, это земля? — спрашивает он. — А какая польза от нее?

Я объясняю.

— Папа, это цветочек? — спрашивает он. — А какая от него польза?

Я объясняю.

— Папа, это небо? — спрашивает он. — А какая от него польза?

— Слушай, а какая от тебя польза? — интересуюсь я.

И сын озадаченно замолкает.

Принес елку, мы ее украсили с ребятами. А Галка объявила сюрприз — вечер аттракционов. Разделились на две команды и переносили столовой ложкой воду из одной тарелки в другую. Коллективно рисовали на листах ватмана портрет зайца — кто скорее успеет. Срезали конфеты и игрушки — они висели на ниточках, а глаза у игравших были завязаны, и ножницы часто щелкали впустую, вызывая смех у окружающих. Потом Галка сажала каждого по очереди на табуретку, завязывала глаза, вынимала из-под покрывала заранее приготовленные маски, и нужно было наводящими вопросами разведать, что за «зверь» приставлен к твоим закрытым глазам.

— Какого я цвета? — спрашивал играющий. — Есть у меня рога?..

Ему со смехом отвечали…

— А сколько у меня лап?.. А что я кушаю?..

Самым большим тугодумом оказался я — дольше всех опознавал маску лягушки.

Ребятам очень понравились Галкины сюрпризы. Теперь на каждый праздник приходилось что-то придумывать — так мы с женой договорились…

После увлечения командирством, после периода жадничания Санька вроде бы начинает вести себя правильно, по-человечески.

Вот Алеша плачет — раскапризничался, потому что днем не спал. Ни Галке, ни мне его не успокоить.

Санька подошел и спросил с чувством:

— Аленька, братик любимый, чего ты плачешь?..

Алеша поглядел на него удивленно — и вдруг затих…

Еще сценка в Санькину пользу. Купил я настольный футбол. Санька увлекся. Когда я свободен, мы с ним подолгу отпасовываем мяч от футболиста к футболисту.

— Не хочу играть!.. — заявляет Санька, когда его команда начинает проигрывать. Выжидает, чтоб я потянулся за крышкой от коробки, и предлагает лукаво:

— Давай начнем сначала! Ноль-ноль?..

Алеша все ходил вокруг да около, смотрел, как мы играем. И вдруг однажды, придя с работы, я обнаружил сыновей за футболом.

— Ну что, Санька, сыграем? — предложил.

— Нет, папа, я с Алешей буду! — сказал Санька…

На другой день сыновья играли с соседским Стасиком в свои буйные игры. Я пришел с работы и сразу включился в их «похождения». Стали вместе «ловить шпионов», «сражаться с чудищами», «бить фашистов» и так далее. За Стасиком пришла бабушка. И вдруг Стасик повис на мне:

— Это мой папа! Не пойду домой!..

Санька тут же повис с другой стороны:

— Нет, это мой папа!..

Алеша бегал вокруг и кричал азартно:

— Мой!.. Мой!..

Только теперь, прочитав эпизод, осознал, что это была одна из лучших минут моей жизни!

…Санька сходил с мамой в театр. И вступил после похода в некий период бытия — в период «критического реализма». Теперь, если смотрит что-то по телевизору, то и дело спрашивает:

— Это артист или настоящий солдат?.. Это артистка или настоящая мама?.. Это артист или настоящий мальчик?..

Пытаюсь научить его отрешаться от «артистов», смотреть на условность искусства как на жизнь. Пытаюсь научить наслаждаться восприятием, оставляя анализ, критику на потом. Научить анализировать не искусство как таковое, а свои воспоминания о нем.

Но для него пока что это неразделимо — восприятие и анализ, чувства и суждения…

Он только-только начинает управляться с трехмерностью мира. До эстетической ли тут многомерности и неоднозначности…

Играем в «космический корабль», и я вижу, как еще трудно Саньке совладать с пространством. Он сидит у меня на плечах и командует:

— Вперед!.. Назад!.. Направо!.. Налево!..

Я послушно выполняю приказы. То и дело наш «корабль» врезается в стены, застревает в углах из-за неправильных или несвоевременных команд. Санька сердится или хохочет, объявляет посадки, взлеты, чинит неполадки, перестраивает «корабль». Ему интересно, он занят серьезным делом, он осваивает мировой континуум. И мне интересно: я вместе с сыном и подобен ему…

Алеша взял да и вырезал из книжки трех веселых поросят. По педагогическим канонам это поступок, достойный осуждения. Но когда мы с Галкой стали выяснять, почему он это сделал, Алеша рассказал, что хотел спасти поросят от серого волка. Пришлось нам промолчать, не выражая ни одобрения, ни порицания. Похвали его сейчас — так он все подряд будет из книг вырезать. Поругай — так никого больше защищать не захочет.

Натешился с поросятами Алеша и дает маме коллекционную машинку.

— Давай поиграем! Только не сломай — это ведь папа наколдовал!..

Начинаю побаиваться их веры в мое «колдовство». Думаю, как бы поудачнее распроститься с положением «волшебного» папы. Но пока что ничего не придумалось. И Саша по-прежнему гордо рассказывает при случае:

— У меня папа — волшебник!..

После сна он встал растрепанный. Волосы торчком во все стороны. Пощелкал выключателем — проверил, горит ли свет.

Леша поглядел на него удивленно и говорит:

— Ты будешь скоро Чиполлино! Вон какой лук на голове!..

Перед завтраком я случайно и быстро (охота нашла) пересказал Саньке фантастический рассказ. И открыл для него тем самым «неведомую землю». Его мгновенно обуяла жадность на фантастику. Теперь каждый день требует, чтобы я ему преподносил очередное «блюдо». Если я протестую, пробую повернуть на сказки, он возражает:

— Сказки неинтересные! Фантастика лучше!..

Когда устаю рассказывать, Санька переключается на «рукомесло». Последняя его рационализация: поставил две доски от старой кроватки наклонно, под них положил гладкую

картонку, прислонил эти доски к новой кровати и начал кататься с такой домашней горки. Слетает вихрем на пол и хохочет. А я думаю: вздрагивает потолок у соседей или нет? Прибегут сейчас или не прибегут?..

— Зачем ты крутишь головой по ночам? — спрашиваю с неодобрением, чтобы отвлечь от забавы.

— Проверяю, — отвечает Санька, — на месте я или улетел в какой-нибудь сон…

Говорим о снах, о том, что они такое и как получаются.

— Ты ведь храбрый? — спросил у Саньки к слову.

— Я храбрый только в снах да в твоих рассказах!..

«Вот тебе и на!» — озадачился я.

Чтобы показать ему, каким быть, нарочно придумывал рассказы, где он действовал геройски. А рассказы эти, выходит, заместили настоящую черту его характера. Долой тогда словеса! Пусть набирается храбрости из жизни!..

Саньке уже семь. В день рождения приглядываюсь к нему, чтобы он не заметил. Где они, признаки повзросления? «Каким он был, таким остался…»

Саня пригласил своих подружек — Таню и Улю. Что-то игра у них не получалась, что-то скучновато было. Галка занималась на кухне, пришлось мне подключиться к ребятам. Организовали аттракционы. Девчонки оживились, увлеклись, наотрезали себе конфет, набрали масок. Сами, уже без меня, решили устроить кукольный театр. Составили три стула, покрыли спинки одеялом — вот и ширма получилась. Из-за ширмы стали поочередно показываться наши мягкие игрушки. Танюшка захватила «режиссерство»: подсказывала Уле и Саньке, какие реплики подавать, и они послушно повторяли. Зрителями были Алеша и я. Куклы нам исполнили несколько сказок, назагадывали кучу загадок. Потом девчонки стали показывать детсадовские игры, а мы, всей компанией, их повторяли. Потом двухэтажная детская кровать привлекла их внимание. Началась игра в «стрекозок» и «парашютистов» — прыжки со второго этажа вниз, на диван. Было, конечно, и детское застолье — с лимонадом и домашними пирожными. Но про него писать неинтересно.

День рождения удался. Хотя это и был «первый блин» — первый день рождения с гостями. Мы с Галкой решили, что к следующему подготовимся лучше, придумаем больше забав. Тем более что на следующем дне рождения будут, наверное, новые Санькины друзья — школьные…

От семи до восьми

Современные школьники, каковы они? Дети, подростки, юноши, чем отличаются от меня в их возрасте? Санька приобщается к ним — вступает в ту полосу, которая кончится бородой, усами и аттестатом зрелости.

Надо подумать серьезно, не расслабляясь при мысли о детях. Ведь взрослые обычно хотят восхищаться, хотят умиляться детьми, хотят видеть детство этаким «золотым веком», когда все было хорошо и просто. А дети не хотят укладываться в рамки, отведенные взрослыми, дети чувствуют себя обделенными и вроде бы неполноценными. Ребенок — отнюдь не безоблачное существо, каким его хочется видеть папам и мамам. Он даже в чем-то трагичен, поскольку в социальном плане он пока не больше чем ноль, живая кукла, иждивенец, не имеющий места в обществе, только мечтающий его занять.

«Молодые сегодня непослушны, грубы, лживы, невоздержанны на язык, они не хотят уважать старших и слишком много едят». Эти слова звучат вполне современно. А ведь им больше пяти тысяч лет. Проблема поколений была всегда, и всегда она была острой проблемой, всегда старшим казалось, что их путь — наилучший, что их опыт незаменимый. И старших можно извинить за это, поскольку жизненный опыт непросто дается и высоко ценится.

Горы книг написаны о мужании, о переходном возрасте, этом проклятии педагогов и родителей. И впечатление такое, что он все увеличивается, что пора возмужания все более затягивается. «Двадцатилетние девочки-мальчики скачут по жизни, как легкие мячики».

В двадцать лет можно совершать открытия, писать произведения всемирного масштаба — таково мое убеждение. А мы двадцатилетних считаем детьми, а про четырнадцати-шестнадцатилетних что уж тут и говорить! Между тем существует закономерность: чем на более высокой ступени развития стоит общество, тем дольше у молодых индивидов продолжается период социальной неприспособленности, то есть период детства и отрочества. А чем менее развито общество, тем короче детство у его представителей. На островах Океании, к примеру, существуют племена, в которых детство у ребенка практически отсутствует. Едва научившись ходить, ребенок в таком племени активно включается в занятия взрослых: собирает с женщинами травы и плоды; став постарше, участвует в рыбной ловле с мужчинами. Период полового созревания проходит в таких племенах гладко и

бесконфликтно. Переходный возраст как ломка, кризис, противоборство не наблюдается.

Современная цивилизация, НТР создают слишком комфортабельные условия для одиночества. Магнитофон, транзистор, видео, цветной «ящик» становятся друзьями, а хорошие друзья ценятся порой меньше, чем эти электронные агрегаты. Но самое главное богатство — эмоциональный опыт, совместное общение, совместные переживания. Об этом нужно знать ребятам, этому нужно их учить. Сегодня у ребят, по-моему, имеется дефицит сопереживания, некий эмоциональный голод, который школа, к сожалению, не может утолить. Сидение перед экраном или слушание рок-музыки этот дефицит не насытят. Нужно искать друзей, верить в дружбу, бороться за нее, знать, что никогда никакие тряпки не заменят настоящей дружбы. Чтобы стать глубокой личностью, нужно обязательно пройти какие-то жизненные испытания, преодолеть препятствия, познать трудности. А у нынешних ребят зачастую испытание одно — испытание легкостью. Все у них есть, любящие родители все преподносят им на блюдечке с голубой каемочкой. Живи да радуйся. А это, считаю, не радость — когда сам ради нее и пальцем не шевельнул. Только то глубоко осознается, затрагивает душу, радует, говорят психологи, за что заплачено потом, кровью, мускулами, нервами. Если чувствуешь, что жизнь твоя легковесна, что в ней ничего интересного не происходит, что это жизнь мотылька — оглянись вокруг и создай себе трудность, преграду, барьер, создай себе испытание. Скажи себе твердо, что все, происходящее вокруг, тебя касается. Тогда взгляд обострится и ты найдешь что-то — бесхозяйственность, обман, воровство, в борьбе против чего можно будет себя испытать, закалить.

— Больно надо, — скажет выросший Санька, — искать трудности на свою голову!

Надо, и даже очень надо! Недаром приобщение к мужчинам для мальчика и сегодня во многих нецивилизованных племенах — сложный и даже опасный обряд. Нужно показать разумную смелость, мужество, терпеливость, только тогда тебя «примут» во взрослые. А мы взрослостью стали считать сумму лет, а не сумму душевных возможностей.

Начав думать о взрослеющем Саньке, я неизбежно прихожу к вопросу о роли книг в его жизни. Книги находили его сначала в виде ярких картинок, наших с Галкой рассказов, раскрасок и лишь теперь овеществились в привычный вид. И здесь огромна ответственность родителей за то, чтобы хорошие книги вовремя попадали к ребенку, участвовали в его воспитании, развитии.

Книги концентрируют мудрость, эмоциональный опыт поколений. Люди приходят и уходят. И оставляют книги. И человечество становится умнее, добрее от хороших книг. Как звезды — активные точки Вселенной, которые вносят в нее упорядоченность, освещают Вселенную, поддерживают в ней жизнь, так и книги — это звезды добра, которые вносят меру структурности и ясности в нравственный мир человечества, освещают и согревают светом высокой духовности того, кто захочет быть освещенным и согретым. Да, книги говорят не каждому! Книги — гордые создания человека. Их избирательность — это их мера защиты от варваров, от недоразвитых душ. Книгу надо полюбить, к ней надо потянуться, ей надо задавать вопросы — только тогда она расскажет все, что может рассказать. Полноценное общение с книгой — общение собеседников. Людей, похожих на равнодушные зеркала, в которых книга отражается, только пока она стоит перед глазами, таких людей мир книг всего лишь терпит презрительно и молчаливо, не более того. Такие люди паразитируют в мире книг.

Знать надо как можно больше книг. Но при этом чтение не должно быть случайным. Хорошие книги надо намечать, искать встречи с ними, преодолевать, как некие рубежи. Начитанность, приобретенная в детстве и юности, — огромный плюс в зрелости для человека любой специальности. Уверен, что без общей начитанности человек просто не может в полной мере состояться как мастер своего дела, будь он пекарь или токарь, шофер или врач…

Саньке подарили радиоуправляемую машинку. Он все играл да играл, все жужжал да жужжал ее моторчиком. Потом вдруг заметил, что в коридоре она движется медленнее.

— Папа, — спросил удивленно, — она что, темноты боится?..

Наигравшись, беседуем «за жизнь». Рассказываю Саньке, что в нем — половинка от папы и половинка от мамы. Санька мгновенно осваивается с этим.

— Знаю, знаю! От папы у меня — озорная половинка, от мамы — нежная. Мамина половинка слева — там сердце, а в сердце нежность. Папина половинка справа, там печень, она делает настроение. Мало желчи печень сварит — будет много озорства…

Мой дневник превратился в своеобразный нравственный закон. Если Санька или Алеша совершат что-то «пограничное», то ли плохое, то ли хорошее, они спрашивают у меня:

— Папа, ты это запишешь?..

Когда я отвечаю утвердительно, они радуются. Они

воспринимают записывание как поощрение. Записываю я, по их мнению, только самое хорошее. Когда я говорю: «Не запишу…», они требуют уточнения. Надо им объяснить, почему я не хочу записывать — неинтересно это или плохо…

Дневник отца как воспитательное средство — это, видимо, сугубо наше. Во всяком случае, я об этом пока что не читал.

…После обеда и отдыха снова гуляем на улице… Встречный парень, везущий малыша в коляске, интересуется, который час. Я отвечаю. Едва отходим, Саня спрашивает:

— Папа этого малыша моложе тебя?

— Моложе, — отвечаю. — Ну и что?..

— Ну и что!.. — подхватывает Санька.

Но я чувствую, что его сомнения насчет относительной ценности двух пап с этим возгласом не исчезли.

— Значит, кто моложе, тот и лучше? — говорю. — Тогда, выходит, я к Леше должен относиться лучше, чем к тебе. Он же младше тебя…

— Нет, и к Леше, и ко мне нужно относиться ласково, пока не провинились. А мне везет, правда? Я что-то давно уже не провинялся… Наверное, умнее стал…

Так мы идем и неторопливо разговариваем. Дождался-таки хорошего времени, когда можно на равных поговорить с подросшим сыном…

Не только говорить, но и по музеям стали ездить. Саньке интересно. В Музее Арктики и Антарктики и в Музее этнографии, например, он заставил меня по три раза обойти всю экспозицию. Правда, по возвращении домой быстро остывает. На другой день после поездки спросишь у него что-нибудь — не помнит, не может сказать. Но проходит еще несколько дней, и позабытая поездка вдруг словно всплывает из неведомых глубин — Санька обнаруживает, что кое-что помнит, снова задает вопросы…

Последняя наша экскурсия — на выставку «Младшие братья драконов». Здесь все сразу запомнилось. Уже на другой день с утра Санька вспоминал, какой расцветки были змеи и ящерицы, как величественно струились по своим клеткам, как были похожи на крокодилов…

Были мы и в Эрмитаже. Созерцали полотна-шедевры, и меня не покидало странное ощущение, что они не так хороши, как репродукции. Привык листать альбомы репродукций, они удобны, их можно долго разглядывать, и никто не подойдет сбоку, не встанет между тобой и картиной. А подлинники в музее и выглядят бледнее, чем альбомные картинки, и висят зачастую неудобно: никак не найти точку, где бы не отсвечивало. Перед многими картинами хотелось задержаться — притягивали

цветовой оттенок или деталь, каких не увидишь на репродукции. Но Санька останавливаться не давал. Самым сильным впечатлением для него стало электрополотенце, которое мы обнаружили в туалете. И смешно, и не выкинешь словечка из песни.

…Санька лепит сказку, прочитанную перед этим. Хочет из пластилина воссоздать всех действующих лиц. Просит меня помочь. Я леплю кота и петуха. Поначалу это занятие вызывает досаду — некогда. Потом неожиданно для себя втягиваюсь. Столько тут фантазии нужно, столько сообразительности! Как интересно, когда заказанные фигуры получаются, их можно узнать. У Саньки уже домик вылеплен и ограда вокруг него. Сказка овеществилась, воплотилась и даже немного жалко, что так быстро…

Семейная жизнь уплотняет время, спрессовывает его, создает впечатление ежеминутной занятости. Показываешь ребятам что-то, кормишь, поишь, переодеваешь, гуляешь с ними, играешь, укладываешь спать, обсуждаешь дела с женой — дня как не бывало. Потом оглянешься, а что сделать-то успел? Все, что не выходит из рамок обыденности — это не дела, не поступки, это текучка. Что-то надо за день сделать небанальное, нешаблонное, чтобы осталось чувство удовлетворенности. Для меня такой отдушиной являются дневниковые записи. Они придают иное качество обычным семейным событиям. Факты, внесенные в дневник, словно приподнимаются, начинают звучать как обобщения. Даже самая пустяковая запись — и та в дневнике кажется значимой. Может быть, постороннему глазу это представилось бы не так, но я говорю о своем восприятии. Удивительная, на мой взгляд, метаморфоза. Прожитое, обыденное, будничное, будучи записанным, становится необычным. Что за сила волшебства в этом простеньком дневнике?..

Запишу сейчас, например, случай с будильником, и разве пустячным он покажется?..

Санька боялся темноты. И сам преодолел свою боязнь. Все получилось просто и непроизвольно…

В комнате вдруг зазвонил электробудильник.

— Иди, выключи его!.. — сказал я Саньке.

И замер, потому что понял, какой трудный приказ отдаю. Санька поглядел неуверенно, хотел возразить. Но ничего не сказал, пошел в комнату. Время шло, я прислушивался, будильник тарахтел. И вдруг смолк. Я возликовал. Ай да Санька! Молодец! Победил себя!..

Но когда он вернулся, я встретил его со спокойным лицом, как будто ничего необычного не случилось…

А разве покажется пустячным то, как помогают нашему досугу, подсказывают интересные домашние дела космос и фантастика.

Стали играть со старшим сыном в «полигон», и это оказалось находкой, это увлекло даже Алешу. Я ставлю перед Санькой задачу. Например, такую:

— Твой флаер потерпел аварию у подножия горы на неизвестной планете. На вершине ее находится спасательная станция. Если ты доберешься до вершины — спасен…

Это значит, что Санька должен без лесенки и без всякой другой помощи забраться на верх двухэтажной кровати, а с нее — на платяной шкаф. Санька эту задачу выполняет.

Тогда я предлагаю «зеркальную», обратную задачу:

— Твой летательный аппарат разбился, и тебя выбросило на вершину горы. К ее подножию должен прибыть спасательный бот. Он приземляется, дает пять гудков, и, если никто не подходит, он улетает. Ты должен успеть спуститься с горы до счета «пять»…

Санька справляется и с этой задачей…

Затем я его заставляю в темноте проползти по-пластунски через всю комнату, спрятаться под кроватью и «отразить нападение чудовищ». Чудовищ, конечно, изображаем мы с Лешей…

Затем он со стула забирается на книжный шкаф, оттуда — на книжные полки и помогает «вездеходам» — коллекционным машинкам, что стоят на полках.

Затем он повисает на входной двери в комнату, а дверь-то движется, дергается под ним, находит ногами дверную ручку, становится на нее и соскальзывает на пол…

Мы рождаем ребенка — рождаем его тело. Но это еще ничто, примитивная акция. Главная наша задача — родить его дух. Вот что трудно, вот где акция творческая. И только если мы дважды родим ребенка, только тогда мы родим человека, то есть выполним главную свою задачу.

Время от времени приезжаем на выходные к бабуле Нине. Там хорошо, там значительно уютней, чем у нас в Ленинграде. Мама моя, бабуля Нина, умеет создавать радость и теплоту вокруг себя непроизвольно, вроде бы без всяких усилий.

— В какую мы красоту приехали!.. — сказал Алеша.

Двое суток промелькнули как один коротенький час, наполненный игрой, смехом, душевными разговорами. Когда мы собирались уезжать, ребята дружно взбунтовались:

— Хотим еще побыть здесь!..

Алеша даже в слезы ударился, а Санька насупился и глядел исподлобья, видя наше несогласие. Бабуля нас уговорила, и кончилось дело тем, что мы уехали без ребят, оставили их на неделю у нее, и ребята нисколько не были опечалены…

Через неделю нас встретили веселые сыновья с пышными бабулиными пирогами. И снова были два хороших быстротечных дня, передавать очарование которых на бумаге — бесполезная затея, ибо оно, это очарование, складывалось из черточек, почти неуловимых, почти неназываемых. Когда тебе хорошо, искать причины этого, анализировать, обозначать словами просто-напросто не хочется. Пожалуй, запишу на память два маленьких разговора.

— Кем ты будешь, Алеша? — говорит бабуля Нина.

— Буду грузовистом, буду ездить на грузовике.

— Надо говорить: буду шофером.

— А я непонимательный…

Одеваю Лешу перед отъездом. Он балуется, сопротивляется.

— Леша, помогай папе одеваться! — говорит бабуля Нина.

Леша затихает, озадаченно смотрит на нее.

— Так папа же сам одевается! — говорит, подумав. — Зачем ему помогать!..

Вернулись в Ленинград, и снова Саша старательно изображает меня при обращении с Алешей. Вот он проводит с младшим братом зарядку — встал напротив Алеши и командует моими словами, сохраняя мою интонацию. Интересно узнавать себя, глядя на Саньку. Еще интереснее стало, когда я вспомнил про свою детскую фотографию, нашел ее и убедился, что Санька на меня очень похож. Теперь вижу, что даже когда он не копирует мои сегодняшние повадки, все равно он повторяет меня — семилетнего. Гляжу на Саньку — и вспоминаю себя, узнаю себя, оживаю заново… Алеша совсем другой — мамина порода…

Наслышан, как иные родители закаливают детей «по-революционному»: босиком по снегу пускают, или плавать в проруби, или в два года ребенок выполняет чуть ли не норму мастера спорта. Узнаешь такое, боишься и завидуешь поровну. Я никогда не был новатором, обычный среднестатистический родитель. Но, конечно, понимаю, что закалка детям нужна. И вот верх моей смелости: Санька, закалки ради, стал ходить по квартире в шортах и майке, в тапках на босу ногу.

Наблюдаю за ним с тревогой и надеждой — только бы выдержал эту новацию, только бы не простудился…

С вышеописанным «дерзким экспериментом» совпала новая

стадия их рисовальной мании. Стали с помощью рисунков осознавать, осмысливать увиденное. Глядя на тот или иной рисунок, можно понять, как отразилось какое-либо впечатление в их внутреннем мире. Придут с улицы — садятся рисовать то, что видели, с интересом. Когда приезжаю с работы, Санька спрашивает:

— Какие у тебя были приключения? Ты нарисуешь их мне?..

После телевизора наперегонки приказывает Галке и мне:

— Мама, нарисуй машинку, которая была в мультике!..

— Папа, нарисуй вертолет!..

И так далее, и так далее. Рисунок для них, как и для художников-профессионалов, равнозначен деянию, свершению. Санька рисует основательно, неторопливо. Алеша изрисовывает лист за листом с пулеметной скоростью. Не успеешь прочитать газету — у него уже готов целый альбом рисунков…

Мне не нравится односторонний характер их творчества: только техника, техника, техника. Не без тайной мысли переключить их на природную тематику возил ребят в Зоологический музей. Но ничего не вышло. Музей не сработал. Мы долго плутали среди бесчисленных экспонатов. Я пытался что-то рассказывать. Что-то вольное, свободное, живое. Но не соотносились, не связывались мои рассказы с безнадежной неподвижностью траченных молью шкур.

Санька спросил возле одной витрины, глядя на чучела животных:

— Почему они такие печальные, ты не знаешь?..

Алеша задумался возле верблюда.

— Зачем он такой большой? Он, наверное, папа?..

Я быстро понял, что не тут надо пробуждать любовь к природе. Сюда можно приезжать с холодными академическими целями: изучать виды и подвиды. Грустно было в этом музее — в этом кладбище с огромными прозрачными могилами. Такой музей — официальное свидетельство массированного убийства, людской жестокости. В наше время он морально устарел. Можно бы сделать собрание голографических изображений. Вывести в зал экраны, на которых бы демонстрировались видеофильмы. Это было бы современно. Это рождало бы гуманный интерес, вдумчивое любопытство друга, а не снисходительный прищур победителя-убийцы.

Саша ввел в обиход новое словечко — «помóзгить». Если собираюсь помочь кому-то из братиков, часто слышу:

— Не надо! Я сам хочу помозгить!..

И уж когда что-то не получается — после первой, второй и

двадцатой попытки, — тогда просят:

— Папа, помоги помозгить!..

Я со своей стороны деликатно стараюсь им растолковать, что требуется. Доволен тем, что они чувствуют вкус и этого слова, и занятия, им выраженного…

Писал о том, что ребята как бы разделились: Алеша — мамин, Санька — мой, но не осознавал тревожности этого. Казалось, это безобидно. И вот сегодня вдруг прозрел. Мы ведь по-разному «ведем» ребят, мы устроили в одной семье две модели воздействия на детей.

Галка потакает Алеше. Можно сказать, подчиняется ему. И Алеша начинает ею вертеть, разговаривать с ней только приказным тоном.

Что касается Саньки, я с ним строг и доброжелателен. Без «пожалуйста» ни на какие его просьбы не реагирую. И Санька мне кажется более воспитанным…

Алеша меня сторонится, словно не замечает. «Раз уж нельзя папой командовать, значит, нечего и глядеть на него!..» Вчера, укладываясь в постель, он заявил, что не любит меня. Сегодня тоже. И я, пережив обиду, понял, что «размежевание» зашло далеко, ребята нешуточно расходятся в душевном развитии.

Хотел поговорить с Галкой, подсказать ей, чтобы повлияла на Алешу, но колючее самолюбие нашептало, чтобы молчал. Пусть Галка сама все заметит и исправит, если сочтет нужным…

Промолчал… Увел ребят гулять, чтобы не «выступить». Санька пошел с автоматом, Леша — с трехколесным велосипедом. С нами две девочки, Таня и Маша, из соседнего подъезда. Им лет по восемь-девять.

Девочки сразу стали просить у Леши велосипед покататься. Санька заявил:

— Не дадим! Велосипед наш!..

Я его пристыдил за жадность. И они все отдали: Санька — автомат, Леша — велосипед. Девочки стали кататься и стрелять. Они делали это увлеченно: одна сидела в седле и крутила педали, другая стояла за ее спиной на оси, соединяющей задние колеса. Потом они менялись. Я смотрел неодобрительно и молчал. Сам себя поймал в ловушку: раз уж одернул Саньку вначале, значит, не следовало жадничать и теперь. Правда, пробормотал что-то о чересчур большой нагрузке на заднюю ось. Но девчонки пропустили это мимо ушей. Так и длилась наша прогулка. Накатавшись, наездницы стали пускать ребят в очередь. Таня при этом безбожно жульничала и умудрялась ездить втрое больше всех. Кончился наш уикэнд тем (дело было в субботу), что велосипед неизлечимо сломался, Алеша и Санька сердито

заявили, что никогда больше никому ничего не дадут, и мы поплелись домой. Я вел за руль визжащий от боли велосипед…

Вечером надо было ехать на теоретические занятия. Санька спросил:

— Куда ты?..

Я, собираясь, объяснил. Санька встал на дороге.

— Не пущу тебя! Не хочу, чтоб ты туда ехал! Кто тебе дороже: сын или занятия?..

Я, конечно, ответил, что сын дороже, и остался. А потом мучился сомнениями и думал, что надо было сделать не так. Надо было сказать, что, хотя сын и дороже, я все-таки должен ехать на занятия. Надо было ехать…

Чтобы избыть досаду и недовольство собой, повел ребят опять на улицу — одних, без девчонок. Неподалеку прокладывали новую дорогу. После строителей остались кучи железобетонных балок. Зачем они были нужны, не знаю. Я их использую в своих целях — как тренажеры для мальчишек. Закрываю глаза на испачканные штаны и ладошки, на продранные подошвы — лазание важнее. Ребята, как мыши, проникают в каждую дыру, оседлывают каждую балку. Я стою возле очередной кучи и ругаю свое чересчур подвижное воображение. Представляю все мыслимые ужасы, пока стою с непроницаемым лицом и наблюдаю за ребятами. Где-то прочитал, что воспитание — преодоление жалости, и вдруг на прогулке остро почувствовал правильность этого. И про досаду свою забыл, переживая, как бы не поломали руки-ноги, как бы не разбились…

А по дороге домой новые мысли, новые «досады» лезут в голову. Продолжается «поляризация» ребят. Алеша все дальше идет за мамой, Санька за мной. Алешу, например, никак не заставить по утрам делать зарядку по той простой причине, что Галка ее не делает. Сколько я ни пытался, Алеша или набычится и глядит в сторону, или вообще убегает из комнаты, где занимаемся мы с Санькой.

Недоумеваю про себя, почему Галка смиряется с этим разделением ребят? Каждый день ее молчаливого согласия с тем, что есть, словно лишнее дуновение холодного ветра…

Слово — самая сильная сила в мире и самое бессильное средство в воспитании. Я что-нибудь говорю сыновьям — предлагаю или запрещаю, но они будто не слышат. Повышать голос и брать горлом не хочу. Приходится ждать, когда ситуация повторится, и снова тратить слова. Напоминаю ребятам, что уже «поднимал вопрос». Они удивляются: ничего они не знают, ничего не слышали, но, конечно, сделают, как я прошу…

В театре я на себе ощутил великую силу слова. Ходили туда со старшим сыном, смотрели детский спектакль «Три поросенка». Я задремал было, держа Саньку на коленях. Но спектакль растормошил, развеселил, увлек, чему я очень удивился. Замечательный был волк на сцене — спортивный, обаятельно-глуповатый и добрый. Саньку поражало, почему ребята подсказывают волку, где искать поросят.

— Они что, плохие? — спрашивал он удивленно и оглядывался.

Я ничего не объяснял — просто сидел и смотрел, переживал вместе с Александром…

Возвращаемся из театра. А мама, оказывается, купила вкусные конфеты. И Алеша спешит поделиться радостью. Едва открываем дверь, он кричит:

— Смотрите, сколько много диатеза!..

На день рождения мы Алеше купили коллекционную машинку «пежо». Так вышло, что Саньку в это время я отвез на неделю к моей маме. И Алеша целую неделю не притрагивался к машинке, хотя это было трудно — она ему очень нравилась. Говорил:

— Вот приедет Саша, и будем играть!..

Надо бояться недобрать родительского счастья. Бояться не увидеть, не заметить чего-то в сыновьях, не понять, недоговорить. Потому что все проходит, все сменяется чем-то новым, незаметно проросшим из того, что было. И если сейчас ты чего-то не заметишь, не осознаешь, в будущем что-то тебе покажется непонятным, беспричинным. Отцовская невнимательность сегодня — отцовская беспомощность завтра.

Вот я прикончил невзначай ребячью «машиноманию» и чуть не проглядел это. Потому что очень уж легко вышло…

Вечером перед сном они попросили что-нибудь рассказать, и я, глядя на плюшевую собаку, что стояла на шкафу, поведал им сказку, которую наскоро придумал.

— Жила-была черная собачка. Она не могла понять, почему ее забыли, почему ребята словно не видят ее. Бегают с игрушечными машинками, перегоняют друг друга, кричат. Собачке так хотелось побегать вместе с ними. Вот однажды она дождалась ночи и, когда все заснули, спрыгнула со шкафа и отправилась в комнату, где были машинки.

— Здравствуйте, — сказала собачка.

Машины покосились на нее и ничего не ответили.

— Я бы хотела понять, — сказала собачка, — почему вас любят, а меня — нет? Вы можете быстро бегать, и я тоже. Вы

можете громко тявкать, и я тоже. Но я еще могу любить и охранять людей, а вы никого не любите. Почему же дети этого не понимают?

Машины ей не ответили, они только глядели на нее свысока и презрительно фыркали…

Собачка ушла в свою комнату.

Ночь была темная и длинная. Злой ветер пригнал наполненную дождем тучу. Ветер открыл все форточки. Он хотел влезть в комнату, где спали ребята, чтобы простудить их. Но собачка так сердито стала на него лаять, что ветер испугался. А собачка подпрыгнула и носом закрыла форточку. Потом она вспомнила про машинки и побежала в их комнату. Туда уже залез ветер и налились дождевые струи. Машинки отъехали в дальний угол и дрожали от холода. Собачка набросилась на ветер, залаяла, схватила его за загривок и стала трепать. Ветер еле вырвался от нее и улетел, прихватив с собою дождь. А собачка, усталая после сражений этой ночи, не смогла забраться к себе на шкаф, где всегда стояла, и заснула у ребят под кроватью. Утром ребята проснулись и даже не заметили, что собачки нет на шкафу. Они побежали к машинкам и снова кричали, визжали, ездили наперегонки. А собачка ждала под кроватью ночи, потому что ночью она могла снова охранять своих любимых ребятишек…

Рассказал я эту немудреную сказку, и на следующее утро каждый из мальчишек взял себе по плюшевой собачке, а на машины они даже не глядели — ни Саша, ни Алеша…

Вдруг наступило потепление, разрядка, вдруг разрешилась наша с Лешей «конфронтация». Поговорил с Галкой об этом, стал больше времени проводить с младшим сыном. И он охотно потянулся ко мне. Или мне так нравится думать, что охотно…

Как приятно было, когда первый раз назвал папочкой! Когда признался в любви. А я-то напридумывал, что у него ко мне врожденная антипатия, «комплекс Эдипа». А я-то переживал…

Чтобы не удариться в крайность, чтобы не заниматься только Алешей, водил Саньку в зал игровых автоматов. Санька с увлечением посражался, полетал, поплавал, поездил. Я внутрь нарочно не входил, предоставив сыну все делать самому: разменивать деньги, выбирать автоматы, включать их.

На обратном пути он сначала восторженно рассказывал. Потом затих. Шел рядом, то и дело взглядывая на меня.

— Что ты, Саня?

— Папа, я совсем про тебя забыл, когда играл! Понимаешь?

— Про маму и меня ты никогда не сможешь забыть. Мы всегда в тебе. Просто мы видим, когда ты занят, и отходим в

сторонку, чтобы тебе не мешать.

— А я подумал, что забыл про тебя…

Санька успокоился и снова принялся описывать достоинства игровых автоматов…

Тут же, на прогулке, вдруг подумалось — в который раз — о ребячьем рисовании, и я набрел на важные, как показалось, обобщения. Ребята через рисунки осознают мир. Если что-то нарисовали, значит, это их затронуло, это им показалось интересным и важным. Мне иногда кажется, что рисунки — это их внешнее мышление, что такие же конструкции, как в их альбомах, выстраиваются где-то там, в космических просторах их подсознания; что все эти детские хрупкие построения, переплетения линий и цветовые пятна — не что иное, как фундамент, на котором будет держаться вся предстоящая психическая жизнь взрослой личности.

Те впечатления, которые сейчас ребята получают, — есть ниточки, соломинки, паутинки, что летят в пучину бессознательного. Сколько их должно накопиться, чтобы над темными бушующими водами появился яркий островок разумного, островок сознания…

На прогулке нашли между домами ржавый остов «Москвича». Ребята с воплями забрались в него. Они побывали внутри и на крыше, похлопали дверцами всласть.

— Самая хорошая игрушка! — сказал Санька. — Потому что дверцы закрываются…

Потом они отправились в долгое «путешествие», а я изображал инспектора ГАИ — время от времени «останавливал» машину, просил у водителя воображаемые документы, беседовал о том, о сем. Так мы играли долго и серьезно.

— Товарищ эгоист! — вдруг закричал Санька. — Товарищ эгоист, куда нам дальше ехать?..

Я понял, что так он обозначил представителя ГАИ, и расхохотался от души. Сверху моему хохоту ответил гром. Я поднял голову и только тогда заметил, что, пока мы играли, собрались тучи. Тут же упали первые капли. Я попросил ребят забраться в машину, а сам отбежал под козырек ближайшей парадной. Дождь ударил в машину, как в барабан. Вторя дождю, громко заплакал Алеша. Я натянул куртку на голову и перебежал в машину к ребятам. Сидел, скрюченный, и успокаивал Алешу, который приткнулся слева. Дождь плясал, словно стеклянная сороконожка. Танец был громкий и быстрый. Холодные струйки текли мне на спину и на голову через трещинки в крыше. Алешу я защищал надежно. Санька был впереди, на водительском месте, и ему доставалось от дождя меньше, чем нам. Хорошо быть внутри

автомобильного остова, поросшего рыжей «шерстью», и наблюдать феерический водный танец…

Когда он кончился, тучи, как опомнившиеся зрители, стали разбегаться, солнышко показалось. Мы вылезли, встряхнулись и через ручьи и лужи помчались домой. Дома ребята грели ноги в тазу и взахлеб описывали маме, как им там сиделось в водяной осаде…

Мне кажется, что после своего «примирения» с Алешей я начинаю больше в нем замечать и больше понимать. Вот, например, не любит Алеша заводные игрушки. Есть радиоуправляемая машинка — даже той пренебрегает. Умеет обращаться и с ключиками: заводи бесчисленные машинки да гляди, как они раскатывают по полу.

Нет, он будет гудеть, пыхтеть, тарахтеть — все делать сам, а про моторы и не вспомнит. Я поначалу не мог этого объяснить, а потом додумался вот до чего. Видимо, Алеша, когда играет, отождествляет себя с машинкой, вживается в ее образ. Можно сказать, сам превращается в машинку. А если завести мотор, игры не получится. Не получится отождествления, вживания в роль. Шум мотора отделяет машинку от Алеши, как бы дает ей самостоятельное, независимое от него существование. Поэтому Алеша все делает сам. И это очень разумно с его стороны…

После недолгих сборов и долгой электрички неторопливо, со вкусом гостим у бабули Нины. Каждый день ходим с ребятами в дальние походы — по лесам и вдоль берега Невы. Видели дятла совсем близко и долго наблюдали за красавцем в белой рубашке, черном фраке, красных штанишках и красной шапочке. Видели лося — издалека. Спрашивали у кукушки, сколько нам жить. Она скуповато отмерила. Слушали соловья, стоя у дороги. Потом, когда ноги устали, опустились в траву. Концерт был мирового класса — ни одного коленца не повторил соловушка… Прикоснулись к опасности — в лесу нас неоднократно атаковали клещи, я снимал их с себя и ребят и уничтожал…

На железной дороге нашли выпавший из рельсы длинный болт и две гайки. Вставили болт обратно в рельсу и завинтили гайки. Санька потом взахлеб рассказывал об этом бабуле Нине.

Очень любят ребята делать добрые дела на берегу Невы. Я рассказал им, что дерево, если попало в воду, гниет, и от него портится, загнивает вода. И вот они наперегонки вытаскивают из реки любую деревяшку — досочку, чурбачок — и кричат победно:

— Папа, я сделал доброе дело!..

— Папа, я тоже!..

Всю прибрежную полосу, по которой мы гуляли, ребята

очистили самым тщательным образом…

И тут же мы убедились, как безуспешны наши усилия. Скажем, сегодня мы прошли и увидели чистый песок и чистую воду. А назавтра — ахнули. Вдоль берега тянулась черная кайма. В воде колыхались бесформенные мазутные пятна, похожие на отвратительные плевки…

Каюсь, я не сдержался. И столько злых слов, столько горечи услышали ребята, что ничего «педагогичного», конечно, не извлекли. Какой корабль устроил это? Какая гадкая душа не дрогнула, спуская мазут в Неву?.. Захотят ли теперь мои ребята делать добрые дела?.. Не окажется ли заразительным этот пример вандализма?..

Пошли к Неве, и она нас поразила. Берег ее был чист. Словно и не было на нем несколько дней назад отвратительной мазутной полосы. Мы не поверили глазам — прошли весь обычный маршрут и даже дальше. Берег был чист.

Санька присел и стал копаться в песке. И тут обнаружил разгадку. Мазут ушел вглубь, — вот оно, мелькнуло в песчаном отвальчике, вороново крыло… Река вобрала его, проглотила и, как ни в чем не бывало, голубела, желтела, дружила с солнцем и травой, дарила свежесть и бодрость. Санька прыгал от радости, когда понял, как она с грязью расправилась…

Много плохого вокруг. Много злости, равнодушия к природе и людям. Не помню, чтобы в моем детстве было так много плохого. Надоело оправдываться перед старшим сыном за чужую безалаберность, безответственность, за чужое разгильдяйство. Надоело чувствовать стыд за чью-то халтуру, за чье-то холодное сердце.

Санька спрашивает. Глядит с недоумением и неодобрением. Почему трубы лежат в траве и ржавеют? Почему доски разбросаны и гниют? Почему опаздывают поезда? Почему разбиты стекла? Почему бетонные кольца бесхозно валяются в канаве, перегородив ее? Почему мазут портит Неву? Почему в поселке, где живет бабуля Нина, то и дело отключают свет и воду? Почему жители поселка в мирное время говорят о себе: «Мы как блокадники»?

Почему то и дело роют траншеи, потом их закапывают и снова роют?..

Я отвечаю за все в глазах сына. Я испытываю стыд и неловкость за взрослых. Почему они такие? Почему портят моего сына своей работой, своим отношением к жизни?

Может быть, закрыть глаза и отвернуться? Мы ведь привыкли проходить мимо многого — привыкли как бы не замечать. Но мой

сын не отвернется, глаз не закроет. Значит, и для меня это невозможно. Мы с ним так договорились — исправлять то, что нам, двоим, троим, четверым, под силу. Увидели, например, открытый канализационный люк, рядом с которым валялась крышка. Взяли и надвинули крышку на люк, а она тяжеленная. Увидели нарушенную пешеходную дорожку — плитки в одном месте разбросаны и люди ступают в лужу. Взяли и собрали плитки, положили их как нужно. Дорожка снова стала непрерывной, лужа пропала…

Увидели опрокинутую скамейку, беспомощно задравшую в небо четыре «копыта». Взяли и перевернули ее, и какая-то старушка присела…

Делаем, что можем. И не ради отчетов и самолюбования, ради постоянной «добродейской» душевной готовности. Ради настроенности не на свой узкий мирок, а на весь большой мир.

А как быть с тем, чего мы исправить не в состоянии? Смириться со своим бессилием и взирать молча? Или изобретать какие-то новые формы действия? Какие?.. Писать в газеты о недостатках? Звонить в райком партии? Или, может, искать других отцов и сыновей, чтобы вместе браться за то, что нашей семье не под силу?..

…Вот мы делаем зарядку. Леша стоит в сторонке, смотрит, как мы занимаемся. Я приглашаю раз, другой, третий — безуспешно.

— Ты, значит, ленивее меня? — укоряет Саня. — Ты, значит, самый ленивый?..

Мы продолжаем заниматься. Леша набычился и молчит. Потом Саня уходит в ванную. А младший молча ложится на пол — переживает. Я подхожу, присаживаюсь на корточки, начинаю выспрашивать. Леша обнимает мою шею руками и шепчет:

— Я просто не выспался. Поэтому не делал зарядку. Ты скажи про это Саше поскорей!..

Почему подействовали Сашины слова? Почему не подействовали мои? Никакое педагогическое самомнение не поможет ответить…

Когда ребята повздорят, мы обычно вмешиваемся, Галка или я или оба сразу. И вдруг подумалось: а надо ли? А не предоставить ли им возможность разобраться самим?

«Но они же маленькие! — тут же заговорил внутренний голос. — Они же совсем перессорятся, если отстраниться!.. Ничего, попробую!» — решил я. И не подошел к ребятам, когда они в очередной раз чего-то не поделили. Но они сами подошли: Алеша прибежал, забрался на колени и потребовал, чтобы его

утешили. Так что первая попытка невмешательства не удалась. Но я стойко решил продолжать — пусть разбираются сами, пусть учатся взаимному уважению. А коррекция взрослых пусть останется для самого-самого крайнего случая…

Если продолжить анализ своего вмешательства и контроль над ним, то как надо ругать ребят, если к тому возникает необходимость!

На работе я придерживаюсь четкого правила: никаких замечаний кому-то из персонала при других сотрудниках. Все замечания — только наедине, с глазу на глаз. При свидетелях человек скорее не смысл выговора поймет, а то, что его унизили.

Но разве на сыновей, на сотрудников семейного коллектива, это не распространяется? Я как-то неожиданно это понял и пожалел, что поругивал уже не раз одного сына в присутствии другого. Отныне дал себе зарок придерживаться «рабочего» правила также и дома.

Отцовская ругань их разъединяла бы, отталкивала друг от друга. А ведь они пока что и так больше сами по себе, чем вместе. Даже радуются каждый своей радостью. Похвалить друг друга еще могут, если что-то удачно сделают. Но бескорыстно, от души разделить радость брата, когда тому выпала удача, пока что не умеют.

Придет ли, наступит ли эта способность? Ждать ли ее? Тревожиться ли?.. А может, спокойно жить, уповая на то, что душа должна созреть?..

Вопросов, как всегда, больше, чем ответов. Но мы-то с Галкой рядом с ними и радуемся, когда радуются они…

Съездили в Токсово — и попали в сказку. Обнаружили озеро — прозрачное, мелкое. На нем островок. На островке — деревянный корабль — в него тысяча детей влезет. Можно подняться на капитанский мостик и повертеть штурвал. Можно забраться на мачту и заглянуть за горизонт. Можно пострелять из деревянных пушек во врагов, которые хотят на тебя напасть…

А дальше, за озером, по дорожке — Баба Яга и Змей Горыныч, старичок-лесовичок, разные птицы и звери. Дальше висячий мост над глубоким оврагом, он так рискованно при каждом шаге покачивается из стороны в сторону…

Ребята и мы с Галкой испытали радостный подъем, веселую приподнятость, бродя по «заколдованным» лесам. Я размечтался о будущих наших поездках. Когда сыновья подрастут, обязательно будем путешествовать. Купим палатку и начнем уезжать с пятницы до понедельника с ночевкой где-нибудь в лесу…

На обратном пути в город из Токсова Санька спрашивает:

— Почему дядя наступил тете на ногу и не извинился?.. Почему в электричке дядя сидит, а тетя стоит?..

Я отвечаю:

— Потому что дядю не научили думать о других людях. Не научили в детстве, как себя вести.

— А ты меня научишь? — спрашивает Санька.

— Если ты захочешь научиться… — говорю я…

Алеша тут же, в поезде, пока Санька шепотом спрашивает, а я шепотом отвечаю, веселит нас. Он выловил из детских стихов забавную манеру разговора. Вместо «да» говорит только «дауси», вместо «нет» — «нетуси». Вместо «буду» — «будуси». И так далее…

При записи на бумаге теряется его манера произношения, не видно его гримас, жестов. Запись на бумаге — все-таки весьма несовершенный, весьма приблизительный способ останавливать время…

Взять, что ли, краски и нарисовать «за строчками» Алешу? Или, может, приклеить сбоку его фотографию, когда говорит одно из этих «дауси»?.. И все равно не получится так обаятельно, так смешно, как у него. Все равно будет не то, не то, не то…

Скажу немного о «трудах праведных». Алеша сколотил табуретку — треугольное сооружение из дощечек. Саня соорудил корабль из таких же дощечек. Алеша тут же разломал табуретку, он еще не умеет уважать свой труд, для него интересен процесс приближения к цели, но не сама цель…

Саня поступил по-другому. Он привязал длинную нитку к своему кораблю, и мы отправились на пруд — ликовали, наблюдая, как хорошо плавает его парусник…

Я им почти не помогал при изготовлении поделок, только научил, как держать гвоздь, как бить молотком, как управляться с ножовкой…

Главный секрет педагогики давно известен. Это воспитание трудом, воспитание в труде, воспитание для труда. В народе говорили: «Праздность — мать пороков». Однако и сегодня многие родители считают особой доблестью и высшей заботой избавить свое чадо от труда. Почему так происходит? Почему всем известный секрет воспитания то и дело не работает, остается в теории? Видимо, потому, что труд требует напряжения, труд всегда нелегок, а человеку свойственно выбирать что полегче, поприятней.

Предпочтение труду отдается обычно в тех семьях, где труд является традицией, и в тех, где к воспитанию относятся осознанно, понимают, что «воспитание — преодоление жалости».

Но в большинстве семей, к сожалению, считают, что детей надо жалеть, не подозревая, что выбирают линию наименьшего сопротивления. Жалость, вернее, псевдожалость, стремящаяся облегчить ребенку жизнь, — проявление нежелания напрягаться, неосознанного отношения к воспитанию.

Жалеть надо ребенка, уставшего от посильного труда, — только такая жалость педагогична. И еще в том секрет, чтобы отношение к труду было у ребенка радостным, чтобы труд воспринимался как проявление доверия, как праздник. А это зависит от собственного отношения родителей к труду. Если родители видят в труде красоту и благородство, в труде обретают смысл жизни, то на детей это не может не повлиять. Моральная направленность труда, моральное отношение к труду очень важны. Ведь можно с огромной энергией стремиться в поте лица своего к наживе, корысти и детей заражать этим духом стяжательства. Такой труд аморален, ибо главный здесь — не он, а дух обогащения…

Ребята наши часто простужаются. Мы решили вывезти их на юг. Насобирали денег — у родичей, у друзей. Взяли билеты на поезд. Отправились в Евпаторию.

Пока добрались до Симферополя, выпили цистерну лимонада и цистерну чая. В Симферополе возле поезда какой-то жулик (на его машине было написано: «Дежурная ПМС») предлагал довезти нас до Евпатории за сорок рублей. Я объяснил ребятам, какой дядя нехороший, и быстро взял билеты на автобус.

Хозяйка нам попалась очень приветливая. У нее дом за глухой стеной, все помещения которого выходят во внутренний дворик. Всего семь комнат и три кухоньки. Нам отдали лучшую комнату — с тремя кроватями, платяным шкафом, сервантом, ковром во всю стену и иконами в углу. Сами хозяева остались в проходной, примыкающей к нашей.

До пляжа минут десять пешком. Очень удобная дорога — тут и магазины, и почта, и квас, и газировка. Ребята зачарованно разглядывали крымскую зелень, непривычных бабочек и птиц.

На пляже голое войско. Мы втиснулись со своими подстилками на свободный пятачок, загорали, любовались морем. А когда пошли купаться, столько было визгу! Ребята дружно испугались. Алеша идти в воду отказался наотрез. А Саня согласился окунуться только у меня на руках, при этом верещал, как поросенок. А лицо было довольное-предовольное…

Подошел толстолицый дядя, вежливо поздоровался и предложил четыре обструганных кола, чтобы с их помощью быть в тени. Запросил трешку. Он не стеснялся торговать на пляже, в

самой гуще народа. Мы с Галкой переглянулись и отдали трешку. Дядя потоптался рядом, не сразу отошел. Видимо, не ждал, что мы легко согласимся с его ценой. Потом пожелал всяких благ и исчез.

— Хороший дядя, правда? — спросил Санька.

Мы с Галей промолчали. Стали вбивать колья в песок и натягивать на них одну из подстилок…

Детей воспитывает то, что они видят и слышат. Это азбучная истина, но попробуй-ка ее прочувствовать, заболеть ею, будто бы великим откровением. Попробуй быть потрясенным от того, что тебе открылась эта великая тайна. И погляди вокруг просветленными глазами. И прислушайся обостренным слухом…

Оказывается, многие люди невоспитанны, не знают правил приличия, этикета и такта. Одни толкаются, другие лезут вперед без очереди, третьи хамят. И те, и другие, и третьи тоже воспитывают детей. Не только своих, но и моих тоже. Мои дети теряются после каждой встречи с «человеком для себя». Моих детей дезориентируют, дезинформируют подобные встречи, они искажают четкую систему нравственных координат, которую мы с женой предлагаем детям…

С удивлением понял, что привык к невежливости, нетактичности, могу не обратить внимания на хамство. В моем присутствии мужчина наорал на старую женщину (это было в магазине). А на улице меня ожег недоумевающий, укоряющий, вопрошающий взгляд сына. И я понял, что ослеп и оглох, что обязан заново научиться видеть и слышать и что сейчас, в магазине, проиграл какой-то бой. Хорошо, если бой местного значения, ничего не решающий. Но как знать, как знать…

На траве в парке — островком бумажки и упаковки. Здесь были люди. В море у берега — полиэтиленовые обрывки, бумажные клочки. Пляжи засорены пробками от бутылок, косточками, палочками от мороженого. Здесь были люди…

Я стал видеть плохое. Оно полезло в глаза. Что, его раньше не было, что ли? Неужели можно так привыкнуть к нему? Разве не замечать — этот метод борьбы?..

Спасибо сыну за осуждающий взгляд. Теперь надо учиться действовать, выступать, поднимать свой голос в защиту добра. Молчать, не видеть — это ведь тоже, в наших условиях, невоспитанность и бестактность…

За отдыхом и раздумьями у всех у нас, четверых, потихоньку, безболезненно уже слезает кожа на плечах. Тент свой мы усовершенствовали. Одну простыню привязываем на колья сверху — это крыша. Другое покрывало привязываем сбоку — это стенка. «Стенка» и «крыша» вместе дают хорошую тень. Сами мы сидим

внутри «домика» на подстилке. Так что у нас целая дача на пляже…

…С Галкой случилось ЧП. Я сидел с Лешей на берегу, она пошла катать Саню на надувном круге. Посадила Саньку на круг, зашла по горло и поплыла к берегу, держась руками за круг и работая только ногами.

Но ветер был от берега, круг большой, давление ветра на Саньку и круг оказалось больше той силы, с которой плыла Галка. Когда она захотела встать, дна под ногами не было. Она перепугалась, но круга не выпустила. Снова стала работать ногами. А Санька ничего не понимал, хохотал себе…

Хорошо, что мимо проплывал мужчина, который помог — дотолкал круг с Саней и Галкой до того места, где она могла встать на ноги.

…Тут, на юге, я обнаружил, что ребята не признают нашего права на что-то вкусное. Пили мы лимонад — на четверых две бутылки. Ребята выпили свою бутылку. Алеша заныл:

— Хочу еще! Вот эту!.. — указал на нашу.

И Саня потребовал, чтобы отдали им вторую бутылку. Мы отдали. Я сходил за лимонадом еще раз…

Страшен ли детский эгоизм? Я считаю, не страшен, а необходим. Человеку в детстве и юности надо оторваться от природы, выделить себя из окружающего мира, осознать себя как отдельный мир, который равен внешней Вселенной. Для этого эгоизм и нужен. Он выступает как центростремительная сила, помогающая себя собрать. Но, выполнив свою функцию, он становится лишним. Эгоизм — временная необходимость. Если человек смирится с ним как с чем-то постоянным, он сам себя поймает в сеть. Сознательно вычленив себя из природы, ощутив как индивидуальность, он понимает, что это еще не все. Полного саморазвития, полной реализации своих возможностей эгоисту не добиться. Чтобы состояться как личность, человек должен отбросить эгоизм как обветшавшую одежду и добиваться того, что имел в младенчестве неосознанно: слияния с миром, слияния с природой. Отделиться от мира, а потом снова слиться с ним — таким представляется мне путь внутреннего развития каждого человека, который хочет развиваться и ставит перед собой такую задачу…

…Вечером отправились на набережную, развернули подстилку и сели на ступеньки любоваться морем. Вид прекрасный: волны, теплоходы у причала, парусники. Море было неспокойно, посвистывал ветер.

Едва мы сели, большая волна встала над набережной, как зверь с тысячей белых лап, и напугала Алешу. Тот отпрянул, надулся, побледнел — рассердился на море…

Мы ели черешню, и вдруг новая большая волна. Нас четверых окатило с ног до головы. Санькина реакция — куча восторгов. Алеша еще больше рассердился.

Так, мокрые, и пошли домой. Хорошо, что жара была и простудиться мы не рисковали…

Я заметил, на пляже обнажаются не только тела, но и внутрисемейные отношения. Посмотришь минуту-другую на людской островок, и становится ясно, какова духовная жизнь, каков стиль отношений в семье, есть ли авторитет у родителей и на чем он держится. Здесь, на пляже, мои ребята поднабрались отрицательного опыта — узнали, как ругаются дети с папой и мамой и как ссорятся братья-сестры.

Вот мама бьет малыша — яростно, с азартом… Вот мальчик набросился на сестренку и та не защищается. — смотрит покорно… Вот папа говорит маме что-то обидное… Вот другая мама сидит с окаменевшим лицом, а муж и дочка словно не видят ее, каждый сам по себе…

— Смотри, здесь люди как скульптуры! — сказал Санька, и я подивился, как верно он подметил. Действительно, у загорающих скульптурные позы.

…Вечером мы фланировали вдоль моря. Глядели на розы, на морвокзал, на таких же, как мы, отдыхающих. Вдоль набережной крупными буквами надпись: «Купаться запрещается!» Санька прочел ее вслух. Когда мы сидели на ступеньках и смотрели в море, пришло какое-то шумное семейство, разделось и полезло в воду.

Санька поглядел на них и сказал с жалостью:

— Почему столько народа читать не умеет?..

«В самом деле, почему?» — подумал я. Почему столько слепых? Мало ли тех же призывов «Не курить!»?.. Но кто их заметит?.. В чем дело? Не образовывает нас поголовное образование? Не воспитывает наше коллективное воспитание? Может быть, наше общество просто не умеет учить людей думать и подобающе вести себя? То есть ни образования, ни воспитания нет вовсе? До сих пор нашим излюбленным методом были запреты — единственный метод, универсальное орудие. В области познания — запрет на свои гипотезы, догадки, свои попытки объяснения того, что уже официально объяснено (может, в учебниках не давать готовых ответов? Давать только информацию к размышлению, а результаты пусть возникают в

спорах на уроках между собой и с учителем)…

В области поведения тоже запреты — то есть ограничение свободы, притеснение, ущемление…

Сила инерции такова, что, пытаясь изобрести что-то, я не вижу, как при воспитании обойтись без запретов. Хотя нет, вижу. Что, если дать полную свободу? «Можете делать что угодно! Только учтите, среди культурных людей не принято вот это и вот это…»

Человек, выращенный только на запретах, безынициативен, пороху не изобретет. При случае наплюет на все: на Родину, на работу, на семью.

Такие воспринимают воспитанность не как потребность сердца, движение души, а как форму, видимость, притворство, жест. И все предписания не купаться в определенных местах, не курить для них формальны, необязательны для исполнения, если внешняя сила не вынудит их исполнять…

Санька, резвясь в воде, наблюдал, как один мальчик ныряет с папиных плеч. Каждый раз, когда мальчик прыгал в воду, Санька восторженно кричал:

— Папа, смотри, мальчик снова утонул!..

Возвращаясь домой после пляжа, видим, что хозяин почти каждый вечер выпивает. Не по многу, а так, «для разговора». Привлекает к этому родичей и мужчин-курортников. Один я сторонюсь. Мне кажется, хозяин относится неодобрительно к моей «неконтактности», считает, что я «брезгую». Но мы живем по сухому закону, и этот закон нарушать не собираюсь…

Раньше вино появлялось на нашем столе. Как-то механически, без особой тяги к нему мы выставляли во время праздников бутылку-другую. Не придавали этому особого значения. Одной бутылки хватало на несколько праздников.

Саньку и даже Алешу, хоть и мал еще, я стараюсь воспитывать в антиалкогольном духе. Санька с презрением относится к пьяницам. Однажды он по телевизору увидел застолье — кажется, это был день рождения.

— Папа, это пьяницы? — спросил про экранных людей.

— Да! — ответил я, не помедлив, уверенный, что ответ имеет воспитующее значение.

— А ты тоже пьяница?

— Почему? — опешил я.

— Твой день рождения так же справляли. И ты наливал из бутылки в рюмку…

Я молчал. Дыхание перехватило после Санькиных слов. Очень неожиданный удар он нанес.

— Ты мне веришь? — спросил, ожидая нового удара.

— Верю!.. — Санька глядел безоблачным взглядом.

— Я не пьяница. И ты никогда больше не увидишь ни вина, ни водки на нашем столе. Договорились?..

— Договорились… — Санька, видимо, не понял, чем я так взволнован.

С того дня выполняю наш договор…

Послали Саню одного в магазин — купить банку перца в томате. Он расспросил, кому и что говорить, кому отдавать деньги. Ушел, а мы ждем, волнуемся. Что-то долго его нет. Пора бы уж вернуться…

И вот врывается запыхавшийся ребенок. От магазина с банкой несся бегом. Выкладывает гордо покупку на стол. И потом до конца дня еще раз сто спрашивает, не надо ли чего купить…

На утро Санька чем-то мучился, какой-то невысказанной тайной. Держал голову опущенной и не глядел на меня. Заинтригованный, я взял его с собой на почту опустить письмо. На обратном пути сын сказал мрачно:

— Лучше на папу-маму не смотреть, когда что-то сделаешь. А то по глазам прочитают…

— А что ты сделал?

— Да вчера нашел коробок хороших спичек и все их сжег.

— Ну, больше тайком не жги!..

Санька повеселел после своего признания и поднял голову. А я всю дорогу до дому сомневался: правильно ли сделал, что не отругал его…

Беспокоит неправда, которую говорят дети. Умение говорить не то, что есть, — один из способов социального приспособления. Мы, взрослые, признаем ложь, например знаменитую «ложь во спасение». Значит, и детскую ложь признавать? Здесь я решительно против. Говорю, применительно к своей семье, категорическое «нет». В ребятах пытаюсь вырастить неприятие лжи, пытаюсь внушить им, что она в принципе невозможна. А они врут. Сейчас пишу и слышу, как Санька за стеной, на евпаторийской улице, азартно кричит:

— У меня есть пистолет настоящий!

— Врешь! — не верят ребята.

— В следующий приезд привезу!.. — вдохновенно уверяет Санька.

Чуть позже он появляется дома, и я упрекаю его.

— Это я пошутил! — заявляет он.

А еще чуть позже он идет чистить зубы, а сам оказывается

возле хозяйского телевизора. Я ему говорю слова укоризны, а он, опустив голову, пьет свое вечернее молоко и вроде бы не слушает меня. И я вдруг с некоторым даже страхом понимаю, что мое влияние на него не беспредельно. А ведь я считал до сих пор его чуть ли не определяющим в жизни сына.

Только на следующее утро он просит извинить его за вчерашнее. И я утешаю себя надеждой: может, он очень устал вечером, потому и был невосприимчив к моим словам?..

Есть время, когда Саня способен к учебе, и есть время, когда он кажется мне абсолютно тупым. Убеждался в этом неоднократно. Сколько, например, бился, чтобы объяснить ему тайну часовой и минутной стрелок на моем ручном хронометре. Он понимал, он правильно повторял за мной, он определял, который час и, с некоторым напряжением, сколько минут. И вдруг передо мной стена. Ни проблеска соображения. Поначалу меня это злило. Думал, Санька притворяется тупым, чтобы я от него отстал. Потом понял, что не прав. Его мозг действительно живет периодами просветления и затемнения. Зачем это нужно, в чем физиологический смысл таких чередований, я не знаю.

Возможно, мозг ребенка, получив свежую информацию, понижает внешнюю активность и усиливает внутреннюю, достраивает, совершенствует себя с учетом полученной информации…

Дело не в этом. Я подумал, что железное, обязательное расписание уроков в школе несправедливо. Оно не учитывает, в какой фазе находится сейчас соображение ученика, оно вообще игнорирует возможность взлетов и падений активности. Тут заложена возможность конфликтов, тут неизбежны конфликты, неизбежны будущие Санькины слезы и разочарования.

Примириться с ними? Или попытаться объяснить учителю свое понимание? Но не будет ли хуже от этого? Ведь учителя, как правило, не принимают мыслей со стороны. Тут заложена возможность новых конфликтов — между учителем и мной…

Пришли с пляжа утомленные. На моих тапках возле входной двери спит Рябчик. При нашем появлении он поднимает голову, но не лает, а роняет голову обратно на лапы. Я пытаюсь тихонько вытащить из-под него тапки. Он вежливо рычит, не открывая глаз. Я снова пытаюсь. Он снова рычит. Гляжу беспомощно на Галку и ребят.

— А, ладно!.. — говорю шепотом и, сняв сандалии, захожу в комнату босиком.

Этот случай почему-то произвел на ребят большое впечатление. Они его вспоминали и обсуждали…

Ребята по многу раз в день пробуют давить на нас. «Хочу, дай,

сделай!» — звучат их команды. И мне приходит в голову, что помимо всего прочего детство — ежедневная экспансия, ежедневный захват территорий, ежедневное завоевание…

Санька охотно дружит с девочками. Внучка хозяйки играла с ним два вечера, а на третий не стала, потому что пришла ее подружка. Саня огорчился и обиделся. Ходил насупленный и не отвечал на вопросы. Потом сам подошел ко мне и рассказал, что Валя не хочет с ним дружить. Видно было, что у него слезы близко.

— Не буду на юге с девочками дружить — буду только с мальчиками!..

В ответ я долго и ласково говорил о том, что такое дружба и кто может считаться другом. Говорил, что насильно мил не будешь, и Саня вроде бы слушал внимательно.

Наговорившись и успокоившись, он вышел на улицу, и я невольно — окно было открыто — услышал, как он снова пытается завоевать внимание Вали.

— Валя, а я тебе какой-то секрет не скажу!..

Ответа не было, Валя болтала с подружкой.

— Валя, хочешь, я тебе что-то вкусненькое принесу?..

Ответа не было даже на это.

— Ну, тогда я пойду собирать армию мальчишек, — в сердцах воскликнул Санька.

И мне было ясно, на кого он собирается вести свою будущую армию.

…На другой день, выходя из моря, видим: по пляжу мечется женщина. Кричит:

— Рома! Рома!..

На нее оглядываются. Некоторые ворчат недовольно. Женщина заходит в воду. Снова кричит, зовет Рому. На лице тревога. Купальщики спрашивают у нее, что случилось.

— Мальчик пропал! — говорит она. — Мой сын!.. Ему двенадцать лет!..

Опять она кричит — отчаяние в голосе и слезы в глазах. Опять мечется, будто птица в силках. Люди начинают ей помогать. Другие женщины тоже зовут Рому. Несколько мужчин берутся за руки, образуют цепь и ходят по грудь в воде, прочесывают дно.

Женщина выходит на берег, падает на песок, рыдает громко. Ее обступает густая толпа. Сыплются советы, воспоминания, предположения.

— Надо в радиоузел! — говорит кто-то. — Пусть объявят! Может, мальчик заигрался где-то! Услышит и придет!..

— Да-да!.. Спасибо!.. — Женщина поднимает заплаканное

лицо, морщинки в углах глаз, будто елочки.

Я помогаю ей встать — мне для этого только руку протянуть. Санька вжался в мой бок и глядит на женщину с испугом.

— Надо, чтобы объявили!.. — говорит женщина. — В радиоузел!..

— Давайте провожу! — предлагаю.

— Зачем!.. Не беспокойтесь!.. — Женщина медленно идет, опираясь на мою руку.

Толпа редеет, рассасывается, и до радиоузла мы доходим втроем: женщина, я и Санька.

— Валентина, ты? — говорит диктор, увидев женщину. — Неделя ведь не прошла!..

Женщина улыбается устало и виновато. Я ничего не понимаю и тороплюсь откланяться, чтобы не чувствовать себя дураком…

Вечером, когда мы уходим с пляжа, откалываюсь от своих и забегаю в радиоузел.

— Почему вы не объявили про эту… Валентину?

Диктор, пожилой лысый мужчина, долго смотрит на меня. Потом усмехается грустно.

— Нет у нее никакого сына. Придумала все. От одиночества спасается. Раз в неделю вот так…

Машинально прощаюсь и ухожу. Думаю: что же сообщить Саньке? Но Санька сам помогает мне.

— Ты сказал Роме, чтобы он больше не терялся? — спрашивает строго.

— Сказал, сказал, — соглашаюсь я, и мы садимся в трамвай.

Пока плывет медленный душный вагончик, можно отключиться и думать, думать, думать. И вовсе не об этой несчастной Валентине — об отношениях между людьми, о том, чего нам не хватает.

По-моему, нам не хватает веры. Говорю я, конечно, не о вере в бога. Нам не хватает веры друг в друга. Мы охотно верим в себя — поглядите, как много самомнения, амбиции в некоторых. Мы слишком верим в материальные стимулы, слишком много придаем им значения. А вера в деньги часто оборачивается полным отсутствием веры, бездушием. Деньги и человечность могут ужиться только при наличии большой общей культуры, каковой мы, в массе, не имеем…

Вера в товарища больше декларируется, чем существует на самом деле. А эта вера, будь она подлинной, полнокровной, живой, способна была бы многое изменить. Она бы, например, изменила мироощущение каждого, потому что жить с прочной верой в других людей и ощущать, что они верят в тебя, нельзя, будучи злым и разочарованным. Вера в людей наполняет душу

радостью и ощущением собственной значимости. Тем, кто сегодня спесив и амбициозен, как раз и не хватает, по-моему, спокойного чувства собственной значимости…

Вера в людей и вера в Отечество… Знак равенства между ними? Или вера в свою Родину вытекает, вырастает из веры в сограждан? Тогда патриотизм — развитие и углубление товарищества?

Насколько сложнее воспитывать патриотизм сегодня, чем вчера. Чем, скажем, двадцать лет назад. Мы трезвее и откровеннее стали в самооценках, спокойнее и зорче. Мы увидели, что не везде мы первые, не все наше лучшее в мире. Мы не стали после этого меньше любить Родину. Мы повзрослели, и наша прежняя, в чем-то слепая любовь сменилась выстраданной, осознанной. Мы поняли, что, несмотря на ошибки прошлых лет, наше общество здорово и жизнеспособно, поскольку находит в себе силу для правды.

Но наши дети, наши маленькие максималисты — как им передать наше умудренное, наше неоднозначное восприятие Отечества?

Перед уходом с пляжа наблюдали красивую картину, как бы прощальный подарок для нас.

От горизонта, оттуда, где волны рождались, налетела стая больших белых птиц и закружилась хороводом — чуть выше наших голов. Потом птицы опустились на опустевший пляж и стали деловито расхаживать — проверять, все ли в порядке. А одна чайка сидела на фонаре и смеялась. Это было так необычно. Мы глядели, как зачарованные. Заходящее солнце было на ребячьих лицах…

Едва вернулись в Ленинград, Санька сразу облачился в школьную форму, надел ранец и стал ходить по квартире. Вид у него был уморительно важный. Он явно фасонил, ждал от нас восторгов. И мы, конечно, поахали, порадовали его. Новый образ жизни он примерял на себя, новое мироощущение. И не понимал этого…

Поехали перед школой на несколько дней к моей маме. Саня сразу заявил, что там интересней, чем в Ленинграде. Потому что бабуля Нина отдала ему ванную комнату под мастерскую.

Он обложился молотком с гвоздями, ножовкой, палочками, дощечками и начал творить. Сделал «пристань» и занялся «кораблем». Я ему помогал только немного надпилить вначале ножовкой. Для мачты он употребил длинный гвоздь. Палубные надстройки соорудил из прямоугольных обрезков. Вдоль бортов набил гвоздики и натянул нитки — «леера». Теми же нитками

оснастил мачту. Получился корабль вполне современных очертаний. Саня принес его в комнату и поставил на письменный стол. И стал мечтать, как мы его пустим в Неву. Я его мечты поддержал, но за окном шел неторопливый беспросветный дождь. И пришлось нам целый день заниматься другими делами — снова работать в «мастерской», читать, рисовать, раскрашивать…

Мне нравится, как занимается с ним бабуля Нина. Сидит, беловолосая, с легкой полуулыбкой смотрит на Саньку, и тот охотно ей отвечает, напрягается, думает. И даже учит стихи, а в Ленинграде заставить его это сделать немыслимо. На примере моей мамы, бабули Нины, убеждаюсь, как обаятельна, естественна и светла может быть старость, какой внутренней силой могут быть наполнены ее слова, как они весомы. Моим и Галкиным словам часто не хватает этой полновесности, этой внутренней силы.

…С утра небо чистое, солнышко, и мы уходим к Неве. Саня несет корабль. За Домом культуры видим маленькую речку с быстрым течением. Я прослеживаю взглядом ее извилины, и вдруг меня осеняет: она же впадает в Неву…

Саня выслушивает мои резоны и соглашается. Он ложится животом на траву, протягивает руку, и вот уже мачта-гвоздь удаляется от его пальцев, слегка покачиваясь. Корабль действительно удался на славу — плывет легко и очертания изящны.

Речка достаточно широка. Санька берет прутышек и не может дотянуться до корабля. Он бросает ненужный прут, и мы идем по берегу следом за нашим морским посланцем.

Река то отражает небо, то берега. И мы плывем то через синие, то через зеленые струи.

Стрекозы с легким шелестом облетают берега — и крылья их словно дрожание нагретого воздуха, словно солнечные блики не в воде, а над водой.

Трава воюет с рекой — то берега чисты, то прямо из воды торчат бесчисленные зеленые копья. Легко вообразить, как прибегают изумрудные человечки, орут что-то с угрозой, потрясают оружием и бросают, бросают его в сторону изменчивой, взбалмошной хохотушки-соседки, чтобы приколоть к месту, остановить.

Корабль проходит первый поворот — красиво, по стрежню, и мы готовы кричать «ура»…

Нева близка, мы машем кораблю, и он удаляется. Большое плавание впереди…

Первый Санькин школьный день. Как назло, дождь. Родители

набиваются в спортивный зал школы. Мне хочется плакать. Галка тоже волнуется. Из-за спин и голов ничего не видно. Только слышим приветственные речи.

В зал приводят первоклассников. Поднимаюсь на цыпочки. Можно сказать, пытаюсь взлететь. Но все равно ничего не вижу. Что там происходит?..

Звенит звонок. Мелькают цветы. Потом первоклассников уводят. Мы с Галкой переглядываемся — что тут было? Зачем?.. Идем домой и вспоминаем, как собирались с утра, как Саня осторожно нес гладиолусы, как не хотел работать киноаппарат — мало было света…

В полдень встречаю Саньку, и он первым делом спрашивает, когда снова пойдет в школу.

— Из дома шел — вздыхал тяжело, — говорит он, — а в классе вздохнул облегченно…

Восторженный и гордый ученик. Сияет и ждет от нас того же. Подольше бы в нем сохранилось такое отношение к школе…

На второй же день — ЧП. Санька выбегает из гардероба растерянный. В руках куртка.

— Папа, нет моих ботинок!

— А ты хорошо смотрел?

— Хорошо…

Иду с ним в гардероб. Сразу вижу — его куртка и мешок с обувью спокойно висят на месте.

— А эту куртку ты откуда взял?

— Отсюда… — Он показывает крючок.

Вешаем чужую одежду на место. Забираем свою.

— Ты приходи, пожалуйста, за мной, папа, пока я не привыкну! — говорит Санька озабоченно…

— Старшеклассники какие-то дураки! — рассказывает Санька. — А еще дежурные, называется! Повязки на рукавах… Один сегодня пнул меня ногой, а за что? Я на него смотрю, а он смеется. Я тогда отвернулся и ушел.

— И ничего не сказал?

— А что ему говорить, если он глупый!..

Сделав уроки, Санька вспоминает «лирику».

— Мальчишки из второго «б» затащили меня в класс и говорят: «Хочешь с девочкой поцеловаться?..» Я отказался, и они обрадовались. Девочек-то в классе не было. Значит, они просто напугать меня хотели…

Перед уроками к ним в класс приходят пионеры — проводят зарядку, играют, рассказывают сказки. А тут вдруг попросили принести самоделки и обещали приз победителю. Санька сразу решил, что приз достанется ему. Стал фантазировать, что это

будет. Фантазии были «сладкими» — торт, конфеты, пирог…

Вторая стадия — исполнение. Санька взялся за нее, когда истощилась фантазия насчет наград. Сидел и старательно лепил дом из пластилина. Раскатывал колбаски-бревнышки. Наращивал стены. Вставлял рамы. Подгонял стропила. Дом у него, действительно, получился неплохой.

Так и пошли мы в школу: Санька, неся ранец и мешок со сменной обувью, я — с его домом на руках…

В вестибюле было всеобщее внимание — и дети, и родители заметили Санькину самоделку. Пионеры-шефы тоже похвалили Саньку.

Потом был период долгого затишья. Потом самоделки раздали назад. Дом был разрушен — скособочен, скомкан. Санька целый вечер его поправлял и сделал еще лучше, чем прежний.

А приз, по его словам, так никому и не присудили…

Санька подружился с одноклассником. Я подивился, как точна бывает избирательность дружбы. Виталик очень похож на Саньку. Не по внешности, а по жизни. Он тоже старший в семье, у него тоже есть брат-бузотер. Он тоже впечатлительный, нежный. Тоже часто простужается. В общем два сапога… И как они только углядели друг друга. Санька говорит, что Виталик первый к нему подошел, первый предложил дружбу…

Уроки — новое строгое слово в нашем быту. Делает уроки Санька только с мамой. Она терпелива, мягка, она объясняет доходчиво. По-моему, она гордится своим умением хорошо объяснять, и гордость эта правильная, законная.

Первые несколько дней Санька занимался с охотой. Теперь стал отвлекаться, пытается напевать, ерзает.

Иногда я наблюдаю за ними, сидя неподалеку. Иногда прислушиваюсь из соседней комнаты. Уже сейчас, на примере хотя бы чтения, понимаю: школа учит **знать,** но не учит **мыслить** и **чувствовать…**

К школьным встречам прибавляются домашние. Виталик впервые пришел в гости. Санька волновался, не мог дождаться, нетерпеливо глядел на часы.

И вот, сияя, водит Виталика по квартире. Потом обстоятельно перебирают игрушки и сравнивают, что у кого есть и что у кого лучше. Саша с удовольствием демонстрирует свои сокровища — свои любимые машинки. У Виталика их тоже немало. Густая похвальба висит в детской комнате. Ребята, будто купцы, — каждый про свой товар.

Наговорившись, бегают по квартире, бесятся, орут. А играть-то они толком не умеют, делаю я открытие. Вмешиваюсь,

предлагаю игры, они охотно слушаются. Сами-то неужели не могли сообразить? Мы же столько их придумывали с Сашей, всяких игр. Но Саша наши с ним игры никому не предлагает. Они остаются только для нас двоих. Да еще Алеша участвует, если может уловить смысл игры…

Пытаюсь подсказать Саньке, чтобы он с гостем придумывал новые игры. Но напрасны мои подсказки. Предел Санькиной фантазии:

— Смотри, что у меня есть!..

Об агрессивности — сценка на детской площадке. Мы с Галкой сидим на скамейке, Саня и Алеша играют возле нас. Благодушно молчим, смотрим на ребят. Ветер забавляется разноцветными листьями.

Вдруг слева плач. Трое мальчиков между кустами. Чуть постарше Саши. Один из них ревет в голос, другие мнутся рядом с бледными лицами. А перед ними подросток. То ли что-то отнять хочет, то ли силу свою показать. Куражится…

Вскакиваю, бегу к мальчишкам. В это время и второй начинает плакать. Размазывая слезы, кричит подростку что-то обидное. Подросток надвигается, злой и сильный.

Отталкиваю его с разбегу.

— Что, — говорю, — много ума надо, чтобы малышей обидеть?..

Подросток бурчит что-то, недобро смотрит на меня. Делаю несколько шагов к нему. Он уходит ворча.

— А вы, ребята, идите от него подальше! — говорю плачущим. Мальчишки вытирают слезы.

— Пошли ко мне! — зовет их тот, что не плакал.

Возвращаюсь к скамейке и вижу, как смотрит на меня Санька. Наверное, не спускал с меня глаз…

Отворачиваюсь. Делал все инстинктивно, не думая. А теперь чувство такое, будто напоказ выступал…

Решил устроить салют. Завернул артиллерийскую порошинку в фольгу от шоколадки, и получилась «ракета». Положил ее на плиту и нацелил так, чтобы улетела в открытую форточку. Поднес к хвосту горящую спичку… И вдруг… Дым, шипенье… Вместо форточки ракета летит в деревянную облицовку холодильника, прилипает к ней, горит. Шлепаю рукой, тушу. Виталик и Санька орут от восторга и страха. С трудом вытираю пятно копоти…

После нашего неудачного запуска ребята по утрам стали приходить по трое — по четверо. Бродили по квартире, катались на велосипеде, рылись в игрушках. Выпрашивали у меня

артиллерийский порох, но я никому ничего не дал, и ребята не обиделись. Наигравшись, убегали в школу, и лестница под ними гудела, и те, кто еще спал, испуганно просыпались…

В школе объявление — приглашают в музыкальный кружок. Мы считали, что у Саньки нет музыкального слуха. И все-таки отправились на прослушивание. Очень волновались в тот день. Загадывали: хоть бы… И вдруг Санька прошел. Так и хочется написать: победил. Его зачислили. А мы с Галкой, возбужденные небывалым событием, побежали в магазин и как раз наткнулись на импортное пианино. Потом побежали в сберкассу, сняли деньги, и в тот же день пианино появилось дома. За две недели до первого занятия…

Санька пытается импровизировать — ударяет пальцами по клавишам и вроде получается что-то правдоподобное. Ему нравится, и нам тоже.

На первом занятии научили его играть «мостики». Это скучное дело, нужное для правильной постановки рук. Санька исполняет мостики морщась. А потом переключается на любимый свой «импровиз» и образно объясняет каждый звук:

— Самолет пролетел… Капля упала…

Бывает, усталость прихватит. Почувствуешь холодную струю в комнате, как живую мерзкую змею. Бывает, сделается жалко себя, и обида (на кого? на что?) затуманит сердце. Но ребята подбегут, бурлящие, неистощимые, и хандры как не бывало. Этот феномен подзарядки от ребят действительно существует. Думаю, любой из родителей его испытывал…

А приезжаю к маме, старенькой моей, и — откуда что берется — энергия бьет ключом. Вижу, что ей это надо, что ей это помогает, и становлюсь сверхэнергичным, сверхвеселым. Приношу дрова из подвала, мою, убираю в квартире и отдаю, отдаю, отдаю то, что взял от своих мальчишек…

Санька отзанимался, отыграл на пианино. Хотел закрывать инструмент, но тут Алеша попросил:

— Можно я попробую?

Санька милостиво разрешил. Алеша взял одну из своих раскрасок, деловито взобрался на табурет и поставил раскраску на пюпитр. Галка, Санька и я с интересом наблюдали. Алеша смотрел в раскраску и, уверенно нажимая на клавиши, пел во все горло о том, что там нарисовано.

— Вот курочка стоит… А рядом петушок… А рядом их цыплятки… И солнышко вверху…

Таким образом Алеша исполнил нам раскраску от корки до корки… Он был очень доволен. И мы от души его похвалили…

Хотел Алешу привести на Санькино музыкальное занятие, но не решился. Присутствовал сам. Учительница принимала у Саньки домашние задания. Санька мало тренировался, и она это чувствовала.

— Сыро! — говорила она. — Ты слышишь, как сыро?..

Санька головой кивал, соглашался, да, мол, слышу. А когда вышли на улицу, спросил:

— Папа, чего она все про погоду говорила?..

Как всегда, смех и слезы соседствуют. Санька принес в тетрадке первую двойку. Странная двойка, на мой взгляд. Решил все примеры, но «записал не в два столбика». Плачет, лежа на полу.

Мы с Галкой его поднимаем.

— Ничего!.. Исправишь!..

Ни слова не сказали в осуждение. И правильно сделали, как я думаю…

Саша завел было дневник. Торжественно записал, как его зовут и сколько ему лет. Показал нам с Галкой первую запись. И… на том пока что дело кончилось. Не от неразвитости, не от нерадивости — от того, что ему некогда. От того, что он загружен по уши и практически не имеет свободного времени. Он долго делает уроки. Он занимается музыкой. Ему хочется поозорничать с Алешей. Ему хочется мультик посмотреть. На «литературные дела» — на дневник — времени не остается…

Другие дела приключаются — не менее литературные… Подписались на «Ленинские искры». Читаем Саньке газету вслух. Самому еще трудно — «буквы мелкие».

Вдруг он захотел написать статью. И написал с кучей ошибок. Написал, как они гуляли с мамой и построили снежную крепость. У нее была зубчатая стена, и на стене — зайка из снега. На другой день пошли к ней, а крепости нет, одни обломки. «Ребята, не ломайте красоту!» — так закончил Санька статью.

Я исправил ему ошибки. Он сел переписывать. И наделал новых ошибок. Мы решили с Галкой послать как есть. Запечатали в конверт. Опустили в почтовый ящик. Вернулись домой, и тут Санька вспомнил, что забыл подписать свою статью…

От восьми до девяти

Подарили Саньке блокнотик — чтобы учился планировать предстоящий день. По вечерам он старательно вспоминает, что предстоит завтра.

— Первое: зарядка… Второе: завтрак… Нет, завтрак не буду записывать… Потом школа. После школы — третье: музыка… Четвертое: уроки… Пятое: делать кораблик…

Он удовлетворенно разглядывает запись. Перечитывает вслух. Спохватывается:

— Забыл про баловство! Шестое будет — побаловаться…

Как-то разговорился с женщинами-врачами — своими коллегами — о семье, об отцовстве, об увлеченности ролью папы.

— Да нет таких мужчин, для которых отцовство главнее всего! — сказали коллеги. — Хорошие отцы в книгах спрятались, между страницами засушены! А в жизни все лежит на женщине, и тянет семью только женщина. И вы все на жену сложили, Сергей Иванович, мы уверены! По-другому не бывает…

Поразительная и твердолобая убежденность. Нет отцовского призвания — есть лишь материнское. Не может мужчина стремиться к семейным делам, сознательно их на себя взваливать. Нет таких мужчин!

Я заспорил было, загорячился. Они стояли твердо, переубедить и не мечтай.

Вдруг подумалось отстраненно: чью бы сторону приняла Галка, будь она здесь? Их поддержала бы? Или меня? Конечно, за меня бы вступилась, уверен! Однако тень сомнения промелькнула… Ай да твердолобость — как сильна!

Какое глубокое расслоение семьи проглянуло в позиции женщин. Деловитая хозяйка — волевая, цепкая, расчетливая. И недеятельный мужчина, ушедший в глухую защиту, в оборону, — чтобы не потревожили, чтобы не «запрягли».

Но разве может мужчина быть недеятельным? Ведь именно он изначально запрограммирован на действие, на поступок.

Насколько же, значит, все перевернулось с ног на голову, насколько все извратилось в семье, если пассивность и расслабленность стали характерными для мужчины, если именно этого от него ждут.

Но не мужчин я обвиняю. Нет, женщин! Они оберегают своих сыновей от трудностей, от поступков, от действий. Они растят для семьи «созерцателей». И они же потом страдают. И проклинают свою «тягловую» долю. И нормальный мужской настрой на деятельность кажется им выдумкой, позой, очковтирательством, раздражает их. «Не может этого быть! Потому что быть этого не может!..»

Прививка женственности удалась… Прививка «мужчинства» тоже… Два пола поменялись ролями. И кто доволен? Кто рад? Кто счастлив?..

Только те, что остались на «исходных позициях» — в рамках своего пола. Только те, что остались естественными. Так я считаю…

Из школы Санька пришел усталый. Пообедали и отправились гулять с ним. И загулялись. Так славно было на майской улыбчивой улице.

Домой явились уже с другим видом усталости — блаженно утомленными от беганья, игранья, хохота, крика.

Сели за уроки. Математику и русский сделали со скрипом. Оставалась литература — учить стихотворение.

И вот тут Санька забастовал.

— Не буду учить! Проклятое стихотворение! Не нравится оно!..

Слезы в глазах… Безмолвный вопль: пощади! Не заставляй!.. Человек на пределе. В нем почти не осталось резервных мощностей.

Надо было отступиться. Надо было не учить. Пусть бы двойку получил. Что в ней страшного?

Но я не отступился. Мягко и непреклонно принудил его вызубрить. Читал вслух, а он повторял — путаясь, отвлекаясь. В его голосе было отвращение. Покорное отвращение подневольного…

Записываю и ужасаюсь. Я сам, своей волей укоренял это в Саньке. Не хватило смелости на нешаблонный поступок. На разрешение Саньке не учить. Только сейчас понял, с пером в руке, как навредил сыну своей настойчивостью.

Проклятая взрослая «непонимательность»! Как она мешает! Как она обидно подводит!..

К концу дня сложилось так — Санька загружен, Алеша свободен. Приближается ночь. Алеше хочется успеть наиграться. Алеша томится, ждет Сашу.

Санька доделывает уроки, садится за пианино. Пока он повторяет старые вещи, пока разбирает новые, Алеша ждет.

Тут я зову спать. Алеша пускается в отчаянный рев. Ничего не могу понять. Собираюсь рассердиться.

Слава богу, Санька выручает — объясняет, как долго и терпеливо ждал Алеша.

Отменяю отбой — отодвигаю на полчаса. Ребята играют самозабвенно. Алешины слезы мигом высыхают…

Ракета — интересная игрушка. В нее надо накачать воздух, а еще перед тем — налить воду. Потом — открыть замок-держатель, и она стартует. Взлетает высоко-высоко. Выше проводов, крыш пятиэтажек и самых высоких тополей…

Мы запускаем ее с ребятами. Поначалу не ладится. Повторяем снова и снова.

Подходит большой мальчик с маленьким братиком, присоединяются, обсуждают вместе с нами «технологию», участвуют в запусках.

Пошла, родимая!.. Научились мы защелкивать неподатливый замок. И вот она взлетела. Покорила самую высокую точку неба. Угодила точно в зенит…

Воплей, прыжков, ликованья — на десять окрестных домов. Подходят еще ребята. Всем даем попробовать запустить. Никому не отказываем.

Подходят мамы с малышами. Одного — лет пяти — мама оставила, а сама удалилась, некогда было…

Ракета летает старательно и красиво. Я бегаю домой, приношу воду в пластмассовой емкости.

Вечереет. Наступает время расходиться.

Радостная общность, горластое приятельство распадаются. Ребята неохотно, оглядываясь, растекаются в разные стороны.

Ведем к дому все вместе — Алеша, Санька и я — оставленного нам малыша.

Мама его открывает дверь и удивляется, что мы его привели, что вот так — с рук на руки…

Мы снова на юге в Евпатории. Идем к пляжу. Неторопливо беседуем.

— Смотрите, там пожар! — кричит Санька.

Через дорогу, в сквере, действительно огонь. Сухая трава занялась.

— Там люди! — говорю. — Потушат!..

Слежу за веселыми курортниками. Сейчас они отвлекутся от смеха. Вон как их много — дружная компания!

Но люди проходят мимо огня. Только один мужчина покосился было и отвернулся.

— Почему они так? — удивленно спрашивает Санька.

— Не знаю! — говорю на ходу.

Семья моя спешит через улицу вслед за мной.

Огонь выжег большую дыру в сквере. Черная мертвая дыра — дымки пляшут над ней, как злые змейки.

Рядом языки пламени — рыжие завоеватели. Врубаются в траву, схлестываются — только треск стоит.

Кузнечики отпрыгивают от огня. Отскочат на полметра и спокойно пасутся — будто вне опасности. Мелкая живность спешит — прочь! прочь! — переползает, перелетает с травинки на травинку…

— Нам, пожалуй, не справиться… — говорю неуверенно.

Галка, не отвечая, начинает вытаптывать огонь босоножками. Я встряхиваюсь, глядя на нее, и тоже бросаюсь. Быстро-быстро, на пределе возможной скорости, топчу рыжий жгучий частокол. Тяжелая пляжная сумка, набитая едой и питьем, пляшет на правом плече, ее ремень шваркает по мне, как напильник.

Огонь под ногами опрокидывается, пытается вывернуться, укусить. Но не успевает.

Я его вдавливаю, вдавливаю во тьму пепла. И он вздыхает, укладываясь, глаза смыкая, проваливаясь в сон, в небытие…

Так мы с Галкой идем по кругу в разные стороны, а когда встречаемся — с облегчением вздыхаем.

Галка дотаптывает самые сильные дымки — не выбился бы снова рыжий.

Вижу, какой Санька чумазый — лоб и нос в саже. В руке резиновая тапочка — он ею шлепал по огню, помогал маме.

— Папа, ты почему запыхался? — спрашивает Санька.

Смеюсь. И тут замечаю второй очаг пожара — метрах в пятидесяти. Он поменьше. Возле него скачут несколько малышей.

Бежим туда. Снова топчем ногами, снова пламя пытается извернуться, ужалить. Снова запыхиваемся…

Малыши сердито рассказывают, что подожгли какие-то подростки.

— Гады они! — выкрикиваю сумбурно. — Бороться с ними надо!

Малыши глядят благодарно. За что благодарят? Не за то ли, что мы помогли им не разувериться во взрослых?..

А я-то хорош!.. «Нам, пожалуй, не справиться…» Так, наверно, думали все те, кто мимо прошел…

Галке спасибо, что начала, не пожалела босоножек… Идем к пляжу, и ребята, возбужденные, снова и снова переживают то, что случилось…

…Пошли втроем убираться в классе перед началом учебного года. Тихо и гулко. Летние месяцы осели на парты бархатистой пыльцой.

Снимаем выцветшие газеты с окон. Вешаем постиранные и поглаженные шторы.

Обтираем тряпками парты и подоконники. Выметаем мусор из-под парт и из проходов.

Саша сидит за пианино, я — на диванчике. Повторяем прошлогодние любимые мелодии.

Шторы раздернуты, за окном две высокие усталые березы.

Листья не шелохнутся, тонкие ветви поникли.

Сырые серые облака липнут к березам и к окну. Жаль, не раздернуть их, как шторы.

Саша играет изящно. Строгий, подтянутый, отрешенный, перебирает звуки, перекидывает их с ладони на ладонь. Или начинает их разбрасывать по стенам, как солнечные зайчики. Или — капелька за капелькой соединяет их в ручеек.

Скучное небо, словно подражая, заводит волынку затяжного дождя. Саша играет и смотрит в окно.

— Дождик любит музыку! — говорит, не отрываясь. — Для него березы — как рояль.

Я отворачиваю голову от Саши — гляжу на улицу. Дождь оживил, озвучил усталые березы. Листья вздрагивают, ритмично колышутся, возвращаются на место. Они и впрямь похожи на клавиши.

Заглядываюсь, отвлекаясь от Саши. И музыка из-под его пальцев переносится под пальцы дождя.

Они играют на равных — мой сын и тот невидимый, что за окном. Они играют на равных. Музыка их заполнила мир…

И наступило первое сентября. И опять был дождь — точно такой же, как и год назад. У ленинградской погоды строгие стандарты.

Праздник в этом году не состоялся. Видно, памятной осталась для устроителей прошлогодняя толкотня в спортивном зале.

Ребята добрели под зонтиками до школы и сразу разошлись по классам. Так что День знаний был сугубо внутриклассного размера.

Только сейчас, видя жадную тягу Саньки к фантастике, видя, как он легко манипулирует сложнейшими категориями — «параллельный мир», «нуль-транспортировка» и так далее, — я понял, что провожу самый настоящий эксперимент. Пытаюсь ускоренно развить Санькин мозг, стимулировать его, будоража фантастическими историями. Никаких ограничений не придерживаюсь. Читаю, рассказываю любую фантастику, не адаптируя, не подлаживая под Санькин уровень. Санька, желая понять, желая объяснить себе то, что так динамично, увлекательно, сам адаптирует, сам приспосабливает невероятные истории к своему восприятию, сам раскладывает их по полочкам. А если «полочек» не хватает, он быстро новые приладит. А мне только этого и надо — чтобы новые да новые «полочки» появлялись у него в мозгу…

Саньку долго тиранил хулиганистый Павлик. Финал классного тиранства, эпилог истории с Павликом был таков. Павлик толкнул Виталика на перемене, стал его валить на пол. Тут налетел Санька, вцепился, покатились втроем, волтузя друг друга. Павлик оказался на лопатках, дружба сильнее тиранства. На другой день Павлик еще попробовал драться, но снова был побежден. Это его удивило, и он стал проситься в друзья к Саньке и Виталику. Верх невероятного — пришел к Саньке в гости, и они вдвоем играли мирно, смеялись. А я тревожно вслушивался из соседней комнаты — все ждал подвоха со стороны Павлика, все не верил, что поладят…

И еще одно недоверие вселилось в душу — полуоформленное недоверие к учительнице.

Брал Саньку с уроков — водил к окулисту. Привел назад. Сказал учительнице.

— Ему назначили носить очки постоянно….

— Так вы это ему скажите, а не мне! — Учительница улыбнулась обаятельно и прошла мимо.

Она была права: наверное, не ее дело приглядывать, носит очки ребенок или нет. Но все-таки что-то меня укололо, зацепили меня ее вежливые равнодушные слова…

Хочу поднять голос против школьной бессмысленной жестокости. Хочу быть услышанным.

Ее самое зримое проявление — после того, как с Павликом уладилось, — дежурные старшеклассники. Санька о них не может спокойно говорить. В первом классе называл их фашистами. И сейчас проблема осталась. Сегодня пришел сам не свой.

— Они надо мной издевались. К стенке прижали и били по лицу, за уши таскали. Антона за руки поднимали. Павла швыряли на пол…

Я киплю, слушая Саньку. Строю планы: завтра же на первой перемене опознать дежурных, отвести к директору или завучу, возмутиться, потребовать, чтоб наладили, устранили и так далее.

— Может, Санька и другие сами виноваты? — не соглашается Галка. — Спровоцировали старших: бесились, носились.

— Вы бегали перед этим? — спрашиваю Саньку.

— Бегали. Только тихонько. Никого не толкали. Играли в «паровоз». Антон — локомотив, а мы — вагоны…

Вот и реши, кто прав, кто виноват. Но даже если второклассники играли, разве имели право дежурные так их унимать? Ошибешься разве, если назовешь действия старших садистскими?

Мы сели с моим второклассником за письменный стол,

обсудили поведение дежурных и пожалели их. И написали стишок-обращение. Санька собрался его размножить, как листовку, и вручать мучителям из рук в руки.

Что, дежурный, ты стоишь
На паркете башней?
Я перед тобой — малыш,
Я — твой день вчерашний.
Ты с «порядком» пристаешь,
Схватишь, обзовешь, толкнешь,
Руки вывернешь, прибьешь —
Причинитель боли!
Ты не мучь меня, не трожь!
Я на бабочку похож.
Я порхаю — ну и что ж!
Я люблю на воле!
Твой «порядок» — это ложь,
Это дикий злой дебош
В нашей доброй школе!

Леша, приходя из детского сада, спешит к Саньке. Выпытывает у старшего брата школьные новости. Слушает, раскрыв рот. Оценивает Санькино бытие:

— И я буду так! А я так не буду!..

Саньке нравится вещать и поучать. Рядом с Лешиным нетерпеливым любопытством он переживает первое упоение своей значимостью.

Впрочем, его серьезности хватает ненадолго. Побыв оракулом, он с удовольствием срывается в привычную стихию самозабвенной игры.

Они так хорошо дополняют друг друга. Ловлю себя на мысли, что иногда их воспринимаю как единое живое существо. Хотя какие к тому основания? Ведь не близнецы — три года разницы…

Поехали на мототрек всей семьей — смотреть Всесоюзные соревнования по мотокроссу. Мест на трибунах было достаточно. Леша умостился на коленях у мамы, Санька сидел рядом со мной.

Организация была неважнецкая. Объявлены в заезде четверо — выходят только двое или трое. Трое стартуют — финиширует лишь один. Двигатели глохнут на первых же метрах — машины слабо подготовлены.

Из тринадцати заездов интересными и драматичными были два. В первом из них спортсмен повел себя неэтично — таранил машину побеждающего соперника, и у той отвалилось колесо. Во

втором шла острейшая борьба между двумя спортсменами, двое других были статистами. Один «статист» ехал на спущенном колесе — почему не сошел? Почему не освободил трассу?..

Фаворит — спортсмен из Эстонии — догнал его и «поцеловался». Машину фаворита выбросило из колеи, развернуло поперек, из нее обильно забил пар. Соперник эстонца вырвался вперед, победил в этом заезде.

Зрители, все разом, бросились на трассу, облепили машины и не расходились до прибытия «технички». Как нашествие муравьев, был этот зрительский набег…

Санька оказался азартным болельщиком. В начале заезда договаривался, за какую машину буду болеть я, за какую — он. Следил за борьбой, напрягаясь, подпрыгивая, и вопил во весь голос.

— «Единица», давай!.. Ну! Ну!.. Скоре-е!..

Огорчался, если выигрывала «моя» машина. Ликовал, если побеждал «его» экипаж. Думаю, в ушах у соседей в такие минуты изрядно звенело. Впрочем, соседи сами, и не менее буйно, выплескивали эмоции.

Алеша поглядывал на Саньку с интересом, но сохранял молчание.

После трека ребята были по-хорошему возбуждены, и до конца дня не проходила светлая приподнятость.

Прекрасная стоит осень. Безоблачное небо, яркое солнце. Если бы не листопад, смело можно посчитать — лето на дворе…

Много и весело гуляем. Я беру книжку, стою в сторонке, чтобы не мозолить ребятам глаза…

Санька и Алешка играют с девчонками — подкрадываются, нападают, гоняются.

Однажды девчонки предлагают более разумные игры. Нужно думать, играя, догадываться.

Санька и Алеша увядают на глазах, отказываются. Чтобы не подводить нашу фамилию, берусь играть с девчонками я.

И увлекаюсь. И девчонки увлекаются. У нас хорошо получается. Настолько хорошо, что даже Санька, переборов стеснительность, подключается и начинает угадывать слова и ставить хитрые вопросы…

Сидим на трибунах возле дворового стадиона, играем, хохочем. Алеша, хоть и не участвует, слушает в шесть ушей…

Исчерпав сидячие игры, замолкаем. Я предлагаю поиграть с мячом. Посылаю Алешу домой. Он приносит резиновый, звонкий, прыгучий…

Вспоминаю игры своего детства. Выбивалки, штандер и

другие. Девчонки предлагают свои. Учим друг друга. Кричим, шумим. Полстадиона заняли. На второй половине мальчишки незнакомые скучно пинают свой мяч, поглядывают на нас, но подойти не решаются.

Предлагаю девчонкам позвать этих неприкаянных.

— Да ну их! — отмахиваются девчонки.

У них, видно, есть отрицательный опыт общения.

У входа на стадион откровенно концентрируются степенные бабушки с внучатами да гордые мамаши с младенцами. Они поглядывают в нашу сторону. Нет, они приглядывают. Нет, разглядывают…

Что там за дядька странный? Носится вместе с маленькими ребятами, шумит, громко дышит, вытирает пот со лба…

Чувствую токи неодобрения, исходящие от них. Стараюсь не замечать наблюдателей. Это тем более легко, чем более захватывает игра…

Подходит Виталик, Санькин дружок. Мы как раз наигрались в мяч и начинаем в пятнашки с приседом. Это хитрая игра. Если тот, кого догоняешь, успевает присесть, пятнать его нельзя…

И вот я вожу, бегаю, настигаю, но все они успевают присесть. Мной овладевает спортивный азарт. Мне хорошо, я забыл про возраст. Мчусь за Виталиком. Один шаг остался… Полшага… Он начинает приседать…

Я прыгаю, в прыжке его пятнаю, падаю, перекатываюсь на спину. Очки улетают вперед. Вскакиваю, напяливаю их на нос. Целехонькие!..

Публика у входа поворачивает головы друг к дружке, разевает рты. Думает небось — дядька пьяный. Как иначе объяснить его беготню с ребятами. Надо бы остановить его. Да лучше не связываться…

Ах, как легко побывать в детстве! Только решись! Только забудь себя… Только себя вспомни…

От утра и до обеда — словно пять минут. Такой прекрасный выходной…

Я уже говорил как-то, что основная мысль этих отцовских записок, сквозной сюжет, сверхидея — попытка сделать сыновей бойцами против зла. Не «теоретиками» добренькими, а практиками Добра.

Практик — тот, кто делает. Вот мы и начали. Увидели перевернутую скамейку — поставили, как надо. Увидели крышку, сдвинутую с люка, — водрузили на место. Увидели пешеходную дорожку разрушенную — починили.

Помогали разным бабушкам, у которых силы истрачены на

детей да внуков, а на себя не осталось. Выступили против школьных жестоких дежурных — послали в детскую газету письмо и стихотворение. То и другое напечатали. Санькины одноклассники шумно одобрили выступление.

На юге ежегодно тушили пожары. Навсегда запретили себе рвать цветы на природе и ломать ветки кустов и деревьев. Дома приучили себя следить за светом и водой — не тратить напрасно.

Да мало ли можно вспомнить и наперечислять!

Мы — прады, вот наша суть. «Практики добра». Изобретенный нами внутрисемейный термин.

Есть у нас герой, идеал. Это доктор Гааз. Он жил в прошлом веке. Был богатым, преуспевающим. Лечил царскую семью. Потом увидел в тюрьме каторжников, и «душа страданьями народными уязвлена стала».

Сделался тюремным врачом. Осматривал всех осужденных, высылаемых по этапу. Добивался оставления на месте больных. На свои деньги покупал уходящим что-то нужное, всякие «частички жизни».

Ежедневно, скромно, не напоказ. Окруженный непониманием, злобой, клеветой. Годы и годы. Все свое состояние отдал несчастным. Будучи сам смертельно больным, продолжал принимать своих специфических пациентов и облегчать их страдания. Когда умер, за упокой его души молились во всех тюрьмах российской империи…

Мы — прады. Мы будем делать добро. Пусть маленькое, но конкретное.

Может быть, Санькины да Алешины приятели тоже захотят?.. Постараемся, чтобы так было…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
(Записки врача)

Дом без родителей

Ирочка решительно вошла в медкабинет, ведя за собой воспитательницу.

— Ты мой папа?

— Нет, милая… Я папа двух мальчиков…

— И мой тоже!

— Не упрямься! — сказала ей воспитательница. — Дядя — доктор, а не твой папа!

— А где мы найдем папу?

Воспитательница промолчала.

— В магазине? Тогда пойдем в магазин!

— Сейчас, Ирочка, только доктор тебя послушает, и пойдем. Закашляли мы, доктор, — обратилась уже ко мне женщина. — Пришли вот к вам провериться.

Пока девочка раздевалась, воспитательница успела меня предупредить шепотом:

— Она у нас помешана просто на поисках папы. Чуть не каждый день умудряется убегать в магазин. Это я ей сдуру сказала как-то, что папу в магазине можно купить. Теперь мучаюсь. А она все бегает. Ее в магазине все продавцы знают. Но вот пап туда не привозят. Редкий товар…

Осматриваю девочку. Над правым легким выслушиваю пневмонические хрипы. Пишу направление в больницу.

— Где же папа-то? — спрашиваю потихоньку воспитательницу, когда девочка выходит в коридор.

— Кто его знает, — говорит воспитательница. — Гуляет где-то…

Брожу по спальному корпусу нашего детского дома. На каждом этаже дверь налево, дверь направо, дверь прямо. Тихо. Ряды вешалок. Ряды умывальных кранов. Ряды кроватей, застланных одинаковыми застиранными покрывалами.

В спальнях девочек на некоторых постелях куклы. В спальнях мальчиков пусто. Только на подоконнике забытый кем-то самодельный лук.

Беру лук, пробую натянуть веревочную тетиву.

— Дяденька, это мой, отдайте!..

Оборачиваюсь на умоляющий голос и вижу мальчишку. Первоклашка или второклашка. Пылают оттопыренные уши, просвеченные солнцем. Подрагивают всклокоченные соломенные волосы. Пузырится рубашка, небрежно заправленная в спортивные шаровары.

— Здравствуй, двоечник!

— А вы откуда знаете?

— А я, может, волшебник!

— Тогда наколдуйте, чтобы мама поправилась!

— Она больная? Потому и отдала тебя в детдом?

— Доктора велели меня отдать. У мамы астма.

— А папы нет?

— Он к другой тете ушел. И у них другой мальчик. А меня тетя запретила брать.

— Видать, не очень хорошая тетя.

— Я не знаю.

— И давно ты в детдоме?

— Второй год.

— Мама приходит?

— Домой меня брала на выходные. Пока совсем не разболелась.

— А папа?

— Не-а…

…Дверь открыл симпатичный мужчина в расцвете сил.

— Вам кого? — спросил приветливо.

— Наверное, вас, если у вас есть сын в детдоме.

— Петька? Ну, есть! — На смену приветливости пришла настороженность.

— Я врач. Недавно работаю в этом детдоме…

— Что-нибудь не в порядке со здоровьем у Петьки?

— А вы когда там были?

— Не был и не собираюсь! У меня семья!.. — Он сделал неопределенный жест рукой в глубь квартиры.

— У вас новая семья. Но ведь сына не зачеркнешь.

— Почем я знаю, мой ли это сын! У его мамы много мужей было.

— Неужели никакой памяти о нем?

— А чего беспокоиться! Пристроен: сыт, одет, обут. Не пропадет!..

Еще месяц назад я заведовал детским отделением в нашей больнице. Пять палат, ординаторская, процедурная, буфет.

Жизнь текла по хорошо накатанной колее. Неожиданностей особых не было.

Наш поселок в часе езды от Ленинграда. Трудных больных обычно увозили в райцентр, в город. Наши же пациенты были спокойными — среднепростуженными, среднестрадающими. Мы их лечили по схемам: добросовестно, от альфы до омеги.

Среднелечащий персонал.

Детдом был у меня в нагрузку. Районное начальство обязало присматривать. Ходил туда каждый день. Вылавливал больных. Добирал с их помощью план по койко-дням…

— А я одну девочку мамой называю! — говорит мне первоклассница.

— А почему ты ее так называешь?

— Не знаю. Просто так…

— Сергей Иванович, посмотрите в деле, как мое отчество? — просит пятиклассник.

— А ты не ведаешь?

— Кажется, Евгеньевич…

Все детдомовцы душевно травмированы, все с покалеченной психикой. Они учатся, играют, бегают, визжат, дерутся. А внутри страх. Так мне представляется.

Правда словно пропасть, в нее ребята инстинктивно стараются не заглядывать. Правда в том, что они не нужны дома, не нужны семье, не нужны отцу и матери.

Но такая правда разве возможна? Разве она может укорениться в детском сознании? Нет, нет и нет! Не может этого быть! Ведь живет на свете папа, живет мама или оба сразу. Сам факт, что они живы — уже защита, уже спасение для детской души, брошенной в огромный перепутанный мир. Пусть они таковы, каковы есть, но их можно изредка увидеть, потрогать, обнять, ощутить не просто людское соседство, а **родство** — самую крепкую привязанность, самую теплую, самую нежную близость…

Оказавшись во внесемейном пространстве, почти все дети пытаются походить на взрослых. Получаются, конечно, карикатуры. Но, мне кажется, это способ самозащиты. Изобразить себя сильным и бывалым, громким и зубастым, чтобы никто не успел заметить, какой ты тихий и нежный, как легко тебя задеть, легко сделать больно…

Бросается в глаза их педагогическая запущенность. Понятий о внешнем приличии, об этикете у многих нет и в помине. Заходят, например, две девочки в мой кабинет и, ни слова не говоря, начинают рыться в медицинских картах, берут со стола мой стетоскоп и начинают им играть, лезут в шкаф с медикаментами. Наблюдаю заинтересованно. Спрашиваю:

— Зачем вы пришли? У вас что-то болит?

— А ни за чем! — отвечают девочки и, как ни в чем не бывало, выплывают из кабинета…

Почему я бросил отделение? Там было уютно, спокойно.

Но, во-первых, детдомовцы постоянно перед глазами. То одни, то другие.

Я был им больше нужен, чем пациентам домашним. Представлялось, что я больше могу, чем просто назначать лечение. Ко мне всегда тянулись ребята. Даже когда сам был школьником…

Там, в детдоме, буду делать свою медицину — добрую, неформальную, построенную на движениях души, а не на движениях пишущей руки. Представлялось, что там-то, в детдоме, я что-то реально смогу изменить…

Из детдома какие-то мальчишки звонили в поселок по домашним телефонам. Если голос отвечающего не нравился, говорили что-нибудь подлое. Одной женщине сообщили, что у нее сын умер, и ее с сердечным приступом отправили в больницу.

Кто звонил, узнать не удалось. Приходил здоровяк милиционер, беседовал с ребятами. Никто никого не назвал…

Я подошел к Алене Игоревне, пухлощекой, пухлогубой девушке лет восемнадцати. Язык не поворачивался причислять ее к педагогическому персоналу.

Она часто дежурила в спальном корпусе — потому, собственно, к ней и подошел.

— Мне кажется, надо съездить в больницу, извиниться перед этой женщиной.

— Вы что, виноваты?

— Детдом виноват. Наверно…

— Вот именно. Доказать не могут, а лезут. Милиция!..

— Думаете, не надо извиняться?.. Может быть, мне отправиться?

— А вы-то тут при чем? — Она, прищурившись, посмотрела на меня. — А правду говорят, что вас выгнали из больницы?..

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Сколько новостей сразу. Что я тут «ни при чем»… Что меня «выгнали»…

— Старухам скажите, которые тут по сто лет воспитывают. Пускай они извиняются.

Интересно, кого это она к «старухам» отнесла?..

Сходил на переменке в школьный корпус. Проверил, как проветриваются классы. Учителя смотрели на меня, как на муху надоедную. Только «трудовик» поговорил немного. Он обтягивал стены вестибюля мешковиной, а на мешковину приклеивал огромные — в два человеческих роста — зеркала.

— Зряшная работа! — бросил мне. — Кому это нужно!

— Так не делали бы!

— Директор приказал. А мне отказаться нельзя. Иначе не даст комнату…

Девочка-пионерка (пятый или шестой класс?) остановилась, пробегая мимо, и включилась в нашу беседу.

— Зеркала проклятые! — выговорила со злостью. — Все наши деньги теперь на них уйдут!..

— Глас народа — глас божий! — с иронией произнес «трудовик».

— Чего она так негодует?.. — Я проводил убегавшую девочку взглядом.

— А разве это первостепенно?.. — спросил он, и зеркало дрогнуло в его сильных руках. — Разве нет ничего более важного?..

Как-то неуютно. Как-то зябко… Упал, словно камень, в детдомовскую жизнь. Волны пошли. А что, почему — не пойму…

Думал, мне будут рады. Взрослые, в первую очередь. Воспримут как единомышленника.

Но какое тут единомыслие. Директор есть — и «трудовик». Алена Игоревна — и «старухи»… И ребята — как посторонняя сила, чуждая взрослой суете…

Я привык воображать детдом как братство-содружество, где забота всех обо всех.

И вдруг будто бы я сам по себе. Будто бы никому тут не нужен…

…Он аккуратно одет, широкоплеч, курнос. Глядит прямо и вроде бы насмешливо.

— Я слышал, о чем вы с Аленой Игоревной…

— Ну и что?

— Я знаю, кто звонил… Ну, этой бабке, что попала в больницу…

— Скажи, если знаешь…

— Зачем вам? Настучите?

— Настучу. Дело-то подлое…

— А может, они отомстить хотели!.. Те, что звонили!..

— Неуловимые мстители, да? Благородные разбойники?..

— Да разве вы поймете!..

— Ну, расскажи!.. — пробую его разговорить.

— А почему опасно курить «план»? — вдруг меняет он тему разговора.

— Ты пробовал, что ли?..

Он кивает. Я начинаю с жаром повествовать о наркотическом

пристрастии. Так знакомлюсь с Димкой-восьмиклассником…

Еще один знакомец — пятиклассник Сережа. Он прижился в моем кабинете: помогал приводить в порядок документацию, доставал и ставил на место медицинские карты.

Но вот он заболел, я положил его в изолятор и в первый же «изоляторный» день почувствовал в нем нервозность.

— Что с тобой, Сережа?

— Я так хотел пить! Так хотел пить! А мне не принесли кефир, который был на полдник!..

Он заплакал, да так горько, что поразил меня. Для глубокой печали повод был слишком уж мелкий.

«Невропатичные, разобщенные…» — подумал я.

Стал его утешать. Но он не пожелал меня слушать, ушел к себе в изолятор…

Явились мальчишки-восьмиклассники, ворчливые, как деды. Только Димку знаю среди них.

— Сергей Иванович, скажите директору, чтобы он нам отдал телевизор! Он по всему детдому их забрал и запер. Говорит, жизнь надо без телевизора интересной делать. А себе оставил. Разве честно? Если уж у всех отобрал, так и сам сидел бы без телевизора. А то для него одно, а для нас другое — какая же тут справедливость!..

Они смотрят выжидающе. Уверены, что я буду ходатаем. И эта уверенность мне приятна…

Что касается Димки, мне его удалось приоткрыть. Увидел в школьном корпусе стенгазету. В ней большой его рассказ о турпоходе. Я сообщил автору, что читал его «эпохез», похвалил, стал расспрашивать о продолжении, ибо оно было обещано в стенгазете.

Димка спрятался за грубостью, но было видно, что ему приятен мой интерес. С этого «литературного» разговора он стал откровеннее со мной…

Познакомился и с одной из «старух».

Зинаида Никитична работает воспитателем с давних пор. Ей уже за пятьдесят. Говорит она чуть нараспев. Словно причитает. Седые волосы. Позолоченные очки. Строгое лицо… Внешность предрасполагает к дистанции. Но ребята не замечают этого. Хлопочет она над своими, как наседка.

— …Что же это за матери да за отцы такие, Сергей Иванович! Не рожайте, раз не можете ребятишкам добра сделать! За что же их обездолили? Разве дети виноваты в родительской глупости?..

Мы тихо переговариваемся в огромной спальной. Ребята снуют по ней, как муравьи, шумят. Сбившись в кучки, шушукаются. То один, то другая подбегают, спрашивают о чем-то, и Зинаида Никитична быстро и точно отвечает.

— Взять хотя бы Веру. Вон ту, зеленоглазую, — показывает она. — Девочка хорошая. Мать у нее гулящая, мужиков только и меняет. Так Вера первых трех, которых помнит, папами считала. И полюбить их умудрилась. Не забыла до сих пор…

А здесь к ней один малец начал свататься. Верка, говорит, давай поженимся. Я дома, говорит, всегда рядом с сестрой спал — теплее. А Верка в ответ: зимой, говорит, поженимся, пока тебе холодно, а летом разженимся? Нет уж! Я, говорит, женщина серьезная, не то, что некоторые. Мать свою, наверное, помянула… Так этот малец теперь Верку защищает, никому в обиду не дает…

Зинаида Никитична задумывается:

— Как они умудряются хорошими, светлыми оставаться при таких родителях? Уму непостижимо! Это их чудо, которого нам никогда не понять!..

Здесь очень радуются возможности побывать в выходной день у кого-то из воспитателей. Что так тянет детей домой к педагогам? Что они надеются там увидеть, найти? Мне кажется, они остро чувствуют дефицит общения со взрослыми, неполноценность такого общения внутри детдома. Здесь они встречаются только с людьми, состоящими на официальных должностях. Нужно быть талантливым педагогом, чтобы дети не видели в тебе лицо официальное. Нужно быть сердечным человеком. Потому так и рвутся ребята домой к воспитателям — надеются понять, что такое дом и что такое взрослый, который не на работе, а дома…

Димка-литератор просит освободить его от физкультуры. Говорит уверенно. Над верхней губой — чуть заметные усики.

— Хочется побыть одному, я честно говорю. Мог бы что-то придумать. Голова болит или еще что. Но я хочу без вранья. Нужно побыть одному, подумать. Школа думать не дает, школе надо, чтоб запоминали готовенькое. Надоело мне тут. Ничего своего. Казенные дети, казенный дом. Хоть бы мыслить не мешали по-своему. В мыслях — свобода. Если задуматься — будто тебя тут и нет, будто ты взрослый и вольный. Освободите на один урок, а?..

Я смотрю на него с удивлением. Поражает, как серьезно он произносит слово «мыслить» — без кокетства и позы…

Думаю, Димка человек одаренный. А одаренность всегда

предполагает повышенную впечатлительность и внутреннюю раскованность.

От физкультуры я Димку освобождаю на неделю…

Моя семья в Ленинграде. Жена и два сына. Семья для меня — это… Да что говорить… Может, потому и оказался в детдоме, что не мог понять, представить, как же так, без семьи?.. Воображения не хватало.

Все причины сработали. Те, о которых уже говорил. И эта — недоверчивое любопытство…

Здесь в поселке у меня мама. Старенькая, деловитая, бесконечно добрая…

Если бы мама тут не жила, я бы, конечно, работал в городе, поближе к семье. Не ездил бы каждый день в электричке…

После работы надо забежать к маме. Прибраться в квартире. Принести дров из подвала. Слетать в магазин. Просто посидеть, поговорить…

А потом — на поезд. Развернуть книжку и «повышать культурный уровень»…

А потом, уже во тьме, к своему очагу… Един в трех лицах: и отец, и сын, и детский врач…

Иногда кажусь себе макаронинкой, попавшей в огромный кипящий котел. То вынырнет макаронинка, замрет на секунду, то снова ринется в гудящие недра, где ждут ее головоломные пути…

…Вижу одного воспитанника. Через минуту является целый класс. Потом маячит кто-то из персонала. За ним вельможно и вальяжно вплывает какой-нибудь проверяльщик.

В кабинете. В спальнях. На кухне. В кладовой. В учебных классах. В кабинете директора…

Встречи, разговоры, сценки, фрагменты. Водоворот, коловращение, беличье колесо. Ежедневная пестрая мозаика…

Разговаривал с двумя девчонками у себя в кабинете.

— Я бы, наверно, был очень груб с теми, кто отдал детей сюда! — сказал к слову. — Я бы говорил им нехорошие слова!..

— Не имеете права! — вдруг бурно возразили девчонки, которые до того спокойно рассказывали про своих матерей-пьяниц. — Может, родители и не хотели отдавать своих детей, да их заставили!..

Я вспомнил Петьку-первоклассника. Его мать, больную астмой. Его благополучного папу…

Какая-то правда была в словах девчонок. Но не вся правда… Современный детдом не сравнишь с послевоенным. Тогда в

детдоме были сироты. Теперь дети при живых родителях.

Допускаю: большинство родителей действительно не хотели отдавать детей. Одни, потому что любят, но болезни, физическая немощь вынудили. Другие просто прикрывались детьми, держали их «про запас», знали, что из-за них будут к ним милосерднее. И если органы правопорядка и общественность настаивали на определении ребенка в детдом, лишении родительских прав, то можно не сомневаться — это самые крайние, запущенные случаи.

Но дети, которых отбирают от родителей, понимают одно — их насильственно разлучают с близкими. Детдом, в их представлении, место принудительного пребывания.

Почему государство платит за содержание детей в детдомах? Почему люди, которых лишают родительских прав, живут себе после этого в волюшку и в ус не дуют? По-моему, сбыл с рук ребенка, так плати за него, работай на него, чувствуй хотя бы так свой долг перед ним! Может быть, эти деньги лишний раз заставят вспомнить своего ребенка? Может быть, дрогнет когда-то их душа от этих ежемесячных напоминаний?..

Разве правильно, что, родив ребенка, человек может полностью отказаться от него, как бы забыть! Нет, если не хотят участвовать в воспитании сердцем, доброй волей своей, пусть, на худой конец, участвуют хоть деньгами!..

Написал и подумал: а ведь есть такие, что дают деньги и уверены — больше от них ничего не требуется…

Едем в электричке: директор, я и радиомастер, который занят в детдоме вопросами связи.

— Сегодня новая собака на территории появилась, — говорит директор.

— Колли? Я ее заприметил. Красивая! — говорит радиомастер.

— Что, взять хотите? — спрашиваю я.

— Нет, шапка из нее была бы знатная! — говорит радиомастер.

— Да, шапка хорошая! — соглашается директор…

А я-то ждал, что он возмутится. Какой же он, официальный детдомовский лидер? Что из себя представляет? Присматриваюсь… Наполнен доброжелательным любопытством…

Он бородатый, некрасивый. То ли волосы растрепаны, то ли прическа такая… Представил его мысленно в бархатной куртке с пышным бантом на шее — этакий романтический тип художника или поэта начала века.

К словам он относится вполне «поэтически». Я спросил, как

удобнее подключиться к общей работе со своими медицинскими проблемами. Он вдохновенно объявил, что педсовет каждый понедельник. Я пришел в очередной понедельник — педсовета не было. Пришел в другой понедельник — опять не было.

Спросил у директора, когда большой сбор. Он очень удивился, что я этим интересуюсь.

— Знаете, непредвиденные заминки… Я уезжал… В этот понедельник обязательно…

Пришел снова — и опять никакого педсовета. Больше не ходил. И приглашений не получал.

Подумал о педагогах с досадой, как о замкнутой касте.

Но однажды в спальном корпусе стал свидетелем стычки Зинаиды Никитичны и Алены Игоревны. Эта стычка многое прояснила.

В воспитательской был телефон, а мне надо было позвонить в СЭС. Потому и влез в самый разгар «крупного» разговора.

— …Вы директорские рабыни, — говорила Зинаида Никитична. — Что вы в рот ему смотрите! Нет бога, кроме директора? Так ведь он не про вас — про себя думает!

— Он нам дело дал! Он нас жить научил! — У Алены Игоревны красивые «яблочные» пятна на щеках. — А вам бы только простыни да наволочки считать!

— А вам бы только к высотам призывать! Пусть спят ребята на голых тюфяках!

— Да, мы любим романтику! А вы зарплату получать!

— Мы за порядок, а ваша «романтика» — от беспорядка. Нельзя возводить сказки в принцип воспитания. Сейчас детдомовцам внимание, льготы — всё так. Но это не значит, что им лучше здесь, чем тем, кто в семье. И не надо ребят на это ориентировать. Это, простите, юродство. Это страх перед правдой…

— Скользкие вы, старики!.. — сказала Алена Игоревна. Зинаида Никитична что-то ответила. Но я не слышал. Удалился в свой кабинет.

Почему такое разделение на два лагеря? Директор в детдоме недавно. Пришел месяца за два — за три до меня. И привел гвардию свою. Ударную силу. Я думал, они студентки пединститута. Но оказалось, нет…

Порядки, конечно, с его приходом изменились. Кое-кому из «стариков» это не понравилось. Вот и бурлят страсти.

Ну а я? К какому из лагерей примкну?..

…Я занимался своими делами. Но вопрос этот, как некий маячок, то и дело напоминал о себе.

Я слишком мало знал о положении в детском доме. Директор говорил, что дом был в тупике. Что он и его энтузиастки-педагогини оживили, сделали интересным бытие ребят.

Наблюдаю придирчиво. Вступаю в разговоры с детьми.

Убеждаюсь, что директор говорит обоснованно. До него были только школьные классы и после них воспитанники как масса. Теперь появились отряды — «Квазар», «Стрела», «Парус» и другие. Каждый отряд по какому-нибудь направлению организует досуг ребят. У каждого отряда своя «пресса» — стенды, стенгазеты, лозунги. Сплошные бодрость и оптимизм. Не удержался, переписал такие строки:

Будем гордыми, как небеса!
Будем твердыми, как паруса!
Будем, как мачты, пря́мы!
Пускай по нам плачут мамы!..

Такие отряды, конечно, не бог весть какое новшество. К педагогическим открытиям их не отнесешь. Но это действие, это дело. И нравится ребятам.

Хотя и не всем. Восьмиклассники разделение на отряды не приняли. У них психология последнего года — знают, что скоро уйдут из детдома, и торопят время. Переломить их психологию директор уже не может. Да он и не ставит перед собой такой задачи. Он словно забыл про восьмой класс, отвернулся от него. Так и остался выпускной «оппозиционным», «недовольным», «ворчливым» классом…

Встретил директора между корпусами, перебегая из одного в другой. Забросал вопросами о воспитателях, молодых и старых.

Директор остановился, глянул досадливо, тронул ремешок ручных часов, я не отставал.

— Знаете, как трудно энтузиастам! — сказал он. — Какого напряжения требует работа педагога! Целый день с детьми, необходимо каждую минуту рассчитать, заполнить, обратить на пользу воспитания. Выматываются ужасно! Их нужно понимать и поддерживать. Ошибки у них, конечно, есть. Но прежде всего их все-таки надо поддерживать, ободрять. Не охлаждать придирками. Не давать угаснуть энтузиазму…

Про себя директор не говорил, но как-то так получилось, что вроде бы и себя он похвалил не меньше, чем своих энтузиастов. А на мои вопросы так и не ответил…

Что я мог понять из спора Зинаиды Никитичны и Алены

Игоревны?

Обнаружились две позиции. Одна, казалось бы, приземленная — «синица в руках». Другая «романтическая» или скорее «болтологическая» — «журавль в небе». Правда, по-моему, — в синтезе, в разумном слиянии позиций…

Надо присмотреться к педагогиням, понять, почему директор для них — кумир… Чем он привлек их?..

Вдруг я прав насчет «божка»? Тогда «старикам» должна быть объявлена война. Тогда их должны выживать — всеми силами, любым методом…

Чтобы остались только «свои»… Чтобы «володети и княжити»… И никакого сора из избы…

Неужели я прав?..

Мне надо госпитализировать восьмилетнюю Таню. Веду девочку, держу за руку, слушаю ее историю.

— …Бабушка у меня все время пьяная. И мама тоже пьяная. Бабушка с мамой дерется. А мама меня бьет. А папа у меня добрый. Он меня от мамы защищает…

Заведующей детским отделением оставляю направление, передаю конфеты для другой нашей — Иринки. Когда собираюсь уходить, Танюшка бросается ко мне, обвивает руками, плачет и не отпускает.

Потрясенный, пытаюсь не показать этого и говорю с бодростью в голосе:

— Ну что ты, дочура! Поправишься! Позвонишь мне по телефону, и я приду за тобой!..

— Вы как многодетный папаша!.. — вздыхает заведующая — женщина средних лет с лицом морщинистым, словно печеное яблоко. Говорит и движется она чуть суетливее, чем надо…

Я усаживаюсь и намереваюсь начать с ней задушевный разговор. Поделиться мыслями о том, как лучше обходиться с нашими детдомовцами. Но тут заходит главный врач.

Докторица расточает ему приветствия. Смотрит умиленно. Соглашается с каждым словом. И напрочь, наглухо забывает про меня.

Отсекает как объект, недостойный внимания.

Остолбеваю… Потом шумно встаю… Никакого эффекта… Выхожу на улицу. Вспоминаю, как воевал с главврачом. Совсем ведь недавно было…

Не он ли пустил слушок, что меня «выгнали»?.. Нет, зачем ему…

А Танюшка-то какова… Бросилась, обняла… Почему судьба их так терзает, этих малышек?..

Оглядываюсь: к стеклу прижалась, нос расплющила Иринка… Та, что папу в магазине искала…

Димка дождался моего возвращения…

— Мне интересно знаете что? — сказал спокойно, когда я открыл кабинет. — Не закон ли это жизни? Вашей взрослой… Маши хвостом перед сильным, тявкай на слабых. Мы ведь всегда в страхе: как бы старший не задел! Как бы без лишних слез! На малыше обиду выместишь — вроде полегче. А на тебе другие вымещают…

Димка помолчал, сглотнул слезу. Он волновался, пытался справиться с собой. Я ждал, смотрел доброжелательно. Мелькнула мысль, не скажет ли он, кто все-таки звонил по телефону тогда в поселок. Ведь лежит в больнице женщина. Должна же быть справедливость!

— Это всеобщий закон рабов, — сказал Димка твердо. — Нельзя так жить, не протестуя! Грубость — протест. И водка. И наркотики тоже…

— Неправда, Димка! Это самые глухие тупики. Самое жуткое рабство. А ты зовешь это протестом!..

Разговор наш вышел долгий, основательный. На бумаге его передать невозможно… Но о том, кто звонил, Димка так и не сказал…

Положил в изолятор Петьку-первоклашку. Его оттопыренные уши, просвеченные солнцем, самодельный лук были среди первых моих детдомовских впечатлений.

К нему приходит шестиклассник Ваня. Как я понял, он дружит с Петькой и опекает его. Ваню я про себя назвал «артистом». Не шагает, а изображает, не говорит, а декламирует. Любит передразнивать. Мимика выразительна, движения — пластичны.

Ваня ходил три дня, а на четвертый устроил мне сцену.

— Выписывайте немедленно Петьку! Мне надоело сюда ходить!

— Еще рано выписывать. Он еще больной!

— А я не уйду отсюда, пока не выпишете!

— Не уйдешь — выведу.

— Ну конечно! Ведь я же не человек! Не человек ведь я!.. — сказал Ваня горько и ушел сам из изолятора.

И эта недетская горечь вдруг приоткрыла трагичность его жизни, которую он так остро ощущал…

Петька — хитрый человек. Таблетки старается не есть. На

уколы приходит последним — авось иголки кончатся.

— Чего спешить поправляться! И так пройдет, без лекарства. А поправишься и снова — учись, учись. В изоляторе хорошо…

Скажет и смотрит, какое действие возымели его слова. Будто кот, играющий с мышкой.

— Если вы меня погулять отпустите, я другим ребятам сказки расскажу.

— Если вы мне компотика еще нальете, я баловаться не буду.

— Не выписывайте меня! Что вам, помощник хороший не нужен?..

Я смеюсь.

— Да тебя, наверно, недолго ждать назад!

— Конечно, я скоро приду! Я ведь с умом живу, а не просто так. Просыпаюсь утром и коплю в себе кашель. Воспитатель придет, я посмотрю жалобно, а потом как начну кашлять!..

— Ну и симулянт, — говорю я. — Ну и симулянт!..

Петька жмурится — слышит симпатию в моем голосе… Про Ваню он со мной не говорит никогда. То ли не хочет пускать в свои личные дела, то ли, по всеобщему детскому свойству, прилепляется душой лишь к тому, кто рядом, в пределах видимости…

Сережа стал моим «внештатным» сотрудником. Отболел свое, отлежал в изоляторе.

Теперь приходит каждый день как на службу. Я готовлю для него какое-нибудь занятие. Перебирать медицинские карты, подклеивать анализы и выписки, раскладывать лекарства в шкафчиках…

Он молчаливый. День за днем, неделя за неделей отделывается короткими репликами.

И вдруг спрашивает однажды:

— А вы всегда хотели врачом быть?

— Нет. Сначала хотел быть корреспондентом, в газеты писать.

— Напишите про меня в газету!

— Там не про всех пишут, а про самых интересных. Чем же ты интересен?

— Не знаю. Очки ношу. Единственный в классе…

— А кто у тебя из родных есть?

— Не знаю. Сперва в Доме ребенка был, потом в Сиверской, в Ивангороде — там хороший детдом. Потом сюда привезли…

Я молчу, потом говорю:

— Я напишу про тебя. Пусть люди знают, что ты есть.

— Спасибо!.. — По нему видно, как рад моему обещанию…

Директор словно специально ускользает от общения. Словно хочется ему, чтобы медицинские дела его не касались, не отвлекали. И чтобы я, в свою очередь, не лез в педагогические и хозяйственные проблемы. Как будто можно выделить в чистом виде медицину, хозяйство, педагогику…

— Воспитателям удобно было, — объяснил он мне, почему забрал телевизоры. — Посадил детей к «ящику» — и вроде бы они при деле. И у воспитателей хлопот никаких. Очень меня это раздражало. Хотелось их заставить работать, а ребят — просто-напросто расшевелить, предложить им жить осмысленно. Терпел я некоторое время, и «ящики» орали на всех этажах. А однажды захожу к восьмиклассникам и вижу: телевизор музыкой исходит, на нем сетка. Нет изображения. А ребята словно не видят. Уставились на экран и не шелохнутся. Обалдевшие какие-то. Меня это испугало. Выключил телевизор и унес от них. И все другие телевизоры отобрал…

Я не против того, чтобы они смотрели. Но ведь не всё же подряд! Пусть фильм хороший или программу «Время». Я разрешу. Верну «ящики», когда жизнь в отрядах наладится, будет полнокровной, интересной. А сейчас еще не пришло время. Дела надо делать, а не в телевизор утыкаться…

Тут я вспомнил о недовольстве восьмиклассников. Разве справедливо, что себе он все же «ящик» оставил?

Он поглядел на меня с неудовольствием. Скривился. Сказал убежденно:

— На директора нападать нельзя!

— Почему?..

Но собеседник мой уже пропал…

Вытаскиваю конфету из кармана и даю Петьке.

— В честь чего это? — Он отстраняется (не в настроении, что ли?).

— Будем считать, что тебе ее папа принес.

— Папа? Митя Пронин?.. — Похоже, Петька принимает мои слова всерьез.

— Ага! — подтверждаю, хотя помню, что его отца звали совсем не так…

— А разве вы его тоже знаете?

— А ты думал, ты один знаешь.

— Но он же волшебный, — шепчет Петька.

— Вот этого не знал, — говорю серьезно. — Думал, он обычный человек. Ты мне можешь открыть его волшебные дела?

— Могу. Раз вы его знаете…

Петькины ресницы трепещут, ему хочется рассказать.

— Вчера ночью, — начинает Петька, — Митя Пронин принес ко мне скафандр. Я его надел. Митя Пронин застегнул молнию на спине, и мы полетели.

— Куда? — шепчу я.

— Конечно, на Луну. Там живет Баба Яга. На дне самого глубокого вулкана. Туда космонавты не залезали, и никто ее не видел. У нее есть зеркальце такое, называется «лазырь». На кого лучик от этого зеркальца направит, тот будет больным. А если лучик отведет — человек снова здоровый. Митя Пронин мне и говорит: надо нам с тобой разбить это зеркальце! Я согласился, и мы спустились на дно. И тут на нас напали огненные пиявки. Мы выхватили водяные пистолеты и — бац! бац! — по ним. Капля воды попадет — и сразу пиявка мертвая. Всех перестреляли. И вдруг увидели Бабу Ягу. Она свои зубы вынимать стала и в нас кидать. Упадет зуб и, как бомба, взрывается. Я хотел испугаться, да Митя Пронин защищаться научил. Только Баба Яга зуб кинет, мы сразу двигатели включаем, которые в скафандрах. Прыг — и мы над взрывом. Баба Яга увидела, что не справиться с нами, да как завоет. Мы уши зажали. А в это время одна огненная пиявка, которая уцелела, прыг на папу сзади. И скафандр ему прожгла… Я его скорей на плечи взвалил, включил двигатель и на Землю. Прямо в больницу. Ему рану зашили и домой отпустили. Так мы и не успели в тот раз противное зеркальце разбить. Оно ведь на маму нашу направлено. Разобьем зеркальце, и мама здоровой станет… Митя Пронин сказал, что скоро мы опять полетим.

— Обязательно полетите! — подтверждаю я. И вытаскиваю из кармана еще конфету…

Что это? Фантазия? Или для него придуманный папа живее, чем настоящий?..

А если бы он знал, что я съездил к его отцу домой, рассказал бы сегодня эту историю или нет?..

Зинаида Никитична зашла взять санитарную книжку — ей пора ехать на медосмотр, получать очередную порцию штампиков-допусков. Хотя дурость, по-моему, ездить за этим в райцентр и день тратить на формальную процедуру.

Ребята в кабинете азартно измеряли ручным динамометром свою силу. Друг на друга орали, нетерпеливо дожидались очереди.

— Директор вас невзлюбит, — глядя на ребят, сказала Зинаида Никитична. — Он хочет быть единственным и обожаемым, главным центром притяжения. А у вас тут, похоже, свой центрик наметился. Не простит он вам этого…

— Что вы! — обиделся я за директора. — Чем больше теплоты здесь, тем лучше!

— Поживете — увидите! — вздохнула Зинаида Никитична. — Что не похвалит он вас, это уж точно!..

Тут же произошел пустяк, случай, который подлил воды на мельницу Зинаиды Никитичны…

Директор сидел в учительской и жаловался своим педагогиням.

Когда я вошел с бумагой в руке, про которую нужно было доложить, он хотел было прерваться, но не прервался, а продолжал по инерции.

— …Это кошмар какой-то. И ходят, и ходят. Стучат, гогочут за дверью, звонят. Придут и какую-нибудь ерунду скажут. Какую-нибудь чепуху. А слышимость какая! Какая ужасная слышимость!.. Надо куда-то удирать! Надо отдыхать от всего этого! Но как?.. Но куда?..

Я вклинился в паузу, сказал про бумагу и вышел. Педагогини сидели с вежливым вниманием на лицах, смотрели директору в рот.

Доложил директору о задуманных новациях. Поймал его прямо в «берлоге», то есть в его кабинете. Рассказал, что хочу широко использовать физиотерапевтические процедуры для профилактики болезней, ввести «трехминутки бодрости» в конце каждого урока, каждому воспитаннику выдать на год «паспорт здоровья», где бы он сам отмечал все, что касается его здоровья. Не забыл про аутогенную тренировку перед сном, проводимую по внутренней радиосети. Обязательную лечебную физкультуру для хроников. И так далее…

Директор все выслушал и одобрил. Но выглядел он озабоченным.

Очередной обход моих пациентов в изоляторе.

Петька последний. Заметил, что я не спешу, и стал рассказывать об отце совершенно по-новому:

— У всех папы есть, правда? А у меня вдруг ушел. Значит, он не настоящий был. Его попросили побыть, пока настоящий в отлучке. А про настоящего мама не говорила. Значит, она скрывает нарочно. Потому что про это нельзя говорить. Потому что мой папа разведчик. Как Штирлиц. Сидит где-то и про меня думает. А я про него. Я про него часто думаю. С тех пор, как догадался, где он. Как ему там живется без меня и без мамы? Плохо, наверное… Я бы с ним хоть разик поговорил бы, обнял бы,

а потом долго вспоминал. Могли бы мне рассказать про него. Я ведь не болтун. Или хоть в щелочку дали бы на него поглядеть. В малюсенькую-малюсенькую…

Петька смотрит мимо меня. А я оглядываюсь и вижу — у дверного косяка, скрестив руки на груди, стоит Ваня-«артист». Видно, появился, пока Петька рассказывал. Брови нахмурены, а глаза поблескивают чересчур влажно.

Никто в палате не произносит ни слова.

Снова оборачиваюсь к Петьке. И вдруг такое чувство, словно впервые его увидел. Цыпленок. Волосы на голове что пух, брови, ресницы — все желтое. Даже глаза светло-коричневые и те желтизной отсвечивают…

Какого папу он придумает себе завтра?..

Детдом состоит из двух корпусов: учебного и спального. Из корпуса в корпус ребята перебегают раздетые — упорно не желают облачаться в уличную одежду. Я встал в вестибюле учебного корпуса и занялся наблюдением. Ребята выбегали на улицу, даже не взглянув в сторону вешалки. Один первоклассник понесся в осеннюю распутицу в войлочных тапочках — я еле удержал его. Но не только ребята — воспитатели тоже выбегали на улицу, игнорируя вешалку. Не здесь ли причина высокой заболеваемости детей? Не здесь ли резерв их оздоровления?

Поделился с директором наблюдениями, высказал идею о крытом переходе между корпусами. Директор выслушал и заявил, что уже думал об этом, и строительство такого перехода запланировано. И не просто перехода, а с зимним садом внутри…

Такая уж у него манера, я заметил. Берет чью-то конструктивную мысль, украшает ее «завитушкой» (в данном случае зимним садом) и выдает за плод собственных размышлений…

В учебном корпусе много разных плакатов, призывов, стенгазет, стендов. Больше, чем в спальном. Разноцветное веселое разнообразие.

Прочел плакат о соревновании между отрядами. Поморщился. Показалось, чересчур удалой тон у этого плаката. Как приз отряду-победителю обещана поездка в Москву. Видимо, поэтому плакат кончается «купеческим» возгласом: «Поезжай в Москву — разогнать тоску!»

Мимо как раз проходила Алена Игоревна. Я подозвал ее, извинился и высказал свои соображения. Она выслушала, посмотрела на меня свысока.

— Вам-то что до этого! Глядите лучше на градусники!.. —

сказала и пошла дальше по коридору…

Я посмотрел ей вслед, и вдруг озарила диагностическая догадка. Видимо, у нее комплекс неполноценности. Но только ли у нее? А у остальных педагогинь?.. Не этот ли «ключик» использовал директор, собирая их вокруг себя?..

Иринка (та, что покупала папу) выписалась из больницы, но в спальню идти не торопится. Рассадила маленьких куколок на столе.

— Это будет школа!..

Сама превратилась в учительницу. Поджала губы, посуровела.

— Сиди прямо!..

Изменила положение одной куклы.

— Держи ручку правильно!..

Взяла руку другой куклы и показала, как надо писать.

— Поднимай руку, когда хочешь спросить!..

Через день-другой я снова обратил внимание на Иринкину школу. И увидел, что ситуация изменилась.

— Сиди прямо! — обращается Иринка к одной кукле. И сама же, изменив голос, отвечает:

— Не хочу!..

— Напиши букву «а»! — говорит другой кукле. И сама же отвечает:

— Не могу!..

— Расскажи стихотворение! — предлагает третьей кукле. И сама же отвечает:

— Не буду!..

— Ты что, с учительницей поссорилась? — интересуюсь.

— Она меня обманула! — сообщает Иринка. — Обещала стиральную резинку принести и не принесла!..

Димка пришел черный как туча. Дождался, когда мы остались одни в кабинете.

— Это мы по телефону звонили, — сказал без всяких предисловий. — Мы втроем. С кем — не скажу. Из-за нас та женщина в больницу попала. Мы по голосу решали, хороший человек отвечает или плохой. И «плохим» говорили что-нибудь злое. Она ни в чем не виновата. А мы вот так… Значит, правильно нас спихнули в детдом? Значит, правильно от нас отказались? Мы подлые, да, Сергей Иванович?

— Сам суди! — говорю я жестко.

Димка долго сидит, сгорбившись. Приходят первоклассницы, тараторят, как сороки, а сами косятся на него. Их надо осмотреть, и они важно требуют, чтобы Димка вышел.

— Сергей Иванович, пойдемте вместе к ней!.. — не говорит, а взывает он.

Я извиняюсь перед девочками и предлагаю им снова наведаться через час-полтора.

…В больничной палате Димка сидит рядом со мной и молчит, изучая крашеный пол. Иногда взглядывает на полулежащую на подушках женщину. Ей за пятьдесят. Лицо простодушное, круглое. Широкий нос. Жидкие волосы. Глаза ввалились.

Я говорю ей, что мы из детского дома, хотим извиниться за тех «звонарей». Кладу на тумбочку пакет с апельсинами, их мы купили по дороге.

— Ой, да что вы! Зачем!.. — Она смотрит на нас с жалостью. — У меня сынок есть, приедет скоро, ничего не надо…

Постепенно она начинает разговор о собственных бедах. Сын третий раз женился, да пьющую взял. Сам с ней попивает.

— Жадная у него эта, нонешняя, — жаловалась женщина. — Вот невезенье. Думает, у меня денег много. Натравливает сына, чтоб отыскал их да взял. Да откуда ж у меня большие-то деньги. Кабы не эта, завтра бы со сберкнижки последние ему… Так и сказала. Но он разве меня послушает…

Женщина еще долго говорила. Я слушал вежливо и рассеянно, думая о предстоящих делах. Димка же сидел сам не свой, красный, растерянный.

— Почему она его так любит? За что? — спросил меня, когда мы вышли на улицу.

— Потому что мать…

Молчим до самого детдома. Там Димка исчезает. А меня обступают первоклассницы…

Обобщаю данные углубленного медицинского осмотра. Много больных. С нарушением осанки двадцать человек. Зрения — пятьдесят шесть. А всего в детдоме двести ребят. У некоторых ребят по четыре диагноза сразу. Как их лечить? Как оздоравливать? Помогут ли задуманные новации? Я их спланировал еще до того, как прошел осмотр. А теперь появились сомнения. Может, зря влез в этот водоворот, в этот вечно кипящий котел?…

Приехали на медосмотр из города узкие специалисты. Невропатолог, окулист, хирург и другие наметили сразу, какой электричкой обратно, и гнали ребят потоком, чтобы успеть к сроку. Карточки не перелистывали, в предыдущие записи не смотрели. Халтура.

Но выход нашелся. Забегая вперед, скажу: на следующий

медосмотр я вызвал специалистов уже не бригадой, как всегда делалось раньше, а поодиночке. Приезжает, например, окулист, показываю ему всех, кого считаю нужным. Потом приезжает хирург. И так далее… Сроки осмотра, конечно, растягиваются, но работать удобнее. Каждый приезжий не торопится, и я могу тщательно учесть все рекомендации…

Все в детдоме непросто, из всего возникают проблемы. Вот надо постричь детей — и никак. Парикмахерша из местного Дома быта отказалась наотрез.

— Они там у вас все вшивые!..

Я хотел пойти к начальнику орса, пожаловаться на парикмахершу. Но вдруг нашелся иной выход. Девчонки-воспитательницы пригласили своих знакомых из парикмахерского ПТУ. И появились будущие «куаферши». Ребята, ожидая в коридоре своей очереди, высмеивали прически друг друга…

Скажу тут же несколько слов о вшивости. Это наш бич. Вычесываем из волос гниды, обрабатываем головы. Но очистительный эффект исчезает, стоит ребятам в конце недели уехать к своим родным. Они привозят из дома «гостинцы» в виде новых гнид и вшей… В конце концов с помощью СЭС мы обработали всех поголовно самым удачным, на мой взгляд, препаратом — «Ниттифором». А в СЭС представили список адресов родных, к которым ездят ребята…

Сережа тяжело заболел. У него резко выраженное напряжение затылочных мышц. Подозрение на менингит. Началось все с того, что девчонки накормили его снегом. Лежит в постели почерневший Сережа и постанывает.

Выявив симптомы болезни, я помчался звонить в больницу, вызывать машину.

— Машины в разъезде! — сказала по телефону старшая сестра. — На одной главный врач уехал в город, а другая увезла больного в райцентр!..

Что делать? Ждать, пока вернутся машины? Такой диагноз промедления не терпит.

Побежал к учителю труда.

— Помогите, пожалуйста! В спальной мальчик тяжелобольной. Давайте на руках его отнесем в больницу!

Учитель сразу согласился. Я помог Сереже одеться. Потихоньку мы вывели его на улицу и усадили на наши сцепленные руки. Прошли совсем немного. И вдруг я увидел, как заворачивает за угол мужчина с пустыми санками.

— Постойте секунду! — попросил я учителя. — Попробую

достать санки!..

Побежал. Запыхался, пока догнал прохожего.

— Извините, пожалуйста! У нас больной ребенок! Не поможете довезти его до больницы?..

— Ну конечно, конечно…

Мужчина пошел со мной.

Я усадил Сережу на санки, поблагодарил учителя за помощь, и мы вдвоем с прохожим потянули санки к больнице.

В детском отделении переполох. Заведующая заявила:

— Я такого тяжелого ни за что тут не оставлю! Отправлю дальше!..

Напомнил ей про инъекцию антибиотика, которую необходимо было сделать сразу же, до отправки.

— Конечно, конечно!.. — раздраженно откликнулась заведующая.

Договорившись позвонить на следующий день, я простился с Сережей. «Поправляйся. Все будет хорошо…»

Петька прибежал с улыбкой до ушей. В глазах чертики. Большая радость у человека.

— Меня переводят в другой детдом!..

— Тебе хочется уезжать отсюда? — спросил я.

— Хочется!.. Вдруг там друзей будет больше!..

— А здешние друзья? Ваня?

— Писать письма будем. Никогда писем не получал!

— Что же тебе подарить на память?

— Книжку про зверей… С картинками…

Я угостил Петьку витаминами, и он умчался. На другой день он получил от меня книжку.

Ждал, что подойдут ко мне за медицинскими бумагами мальчика. Но обошлись и без меня — из шкафа папку с его историей развития забрали, и все… Будто и не было Петьки…

Зимой темнеет рано. Иду мимо пустого учебного корпуса, угадывая тропинку. Тороплюсь к маме: сегодня надо пол помыть, пропылесосить.

И вдруг звон стекла… И от стены сквозь кусты прямо на меня несется чья-то фигура. Я ловлю нарушителя. Он барахтается. При свете звезд и огней спального корпуса узнаю Ваню-«артиста».

Он, видимо, тоже меня узнает. Затих.

— Ты чего? Зачем стекло разбил? — спрашиваю.

— А они чего?..

Ваня стряхивает с плеч мои руки, отступает на шаг, замирает. Вид у него недобрый.

— Кто они?

— Они!.. Петьку услали!.. Гады!..

Вижу: его трясет. Он сейчас или на меня с кулаками может броситься, или разрыдается…

— Напиши ему… Он будет рад…

Жду какой-нибудь резкости, колких слов.

— Ничего вы не понимаете…

В голосе Вани отчаяние. Зябкая волна заставляет меня передернуться. Ваня, отвернувшись, медленно уходит. К спальному корпусу, огням, голосам…

Хочу рвануться за ним, поговорить неторопливо. Но мама ждет. Потом… Знать бы, что никакого «потом» не будет. Что ни разу больше не пробьюсь через замкнутость этого мальчика…

Раз в неделю, перед баней, каждый отряд является на осмотр в медкабинет. Воспитатели вечно торопятся, редко дожидаются своих до последнего. Перекинутся со мной двумя-тремя фразами, и нет их.

Только Зинаида Никитична задерживается. И всякий раз пытается начать серьезный разговор. И я всякий раз внимательно слушаю.

А сегодня она вдруг решила объясниться:

— Вы уж извините, Сергей Иванович… Как-то так вышло… Поговорить-то не с кем… Только вот с вами…

Она смотрит на меня с напряжением, с опаской. Словно боится, что прерву. Убедившись в моем терпении и внимании, продолжает:

— Вы уже почувствовали, я из простых. Мать и отец — крестьяне. Педагогики той, которую когда-то учила и зачеты сдавала, не помню. Какая в моем возрасте педагогическая теория… Лишь бы день прошел… Но мысли, конечно, копятся. Не запретишь им там шевелиться… Тем более теперь, когда такое в стране оживление…

Она машинальным жестом поправляет свои золоченые очки, свои седые волосы. И я думаю, что облик ее — в противоречии с ее словами. Выглядит она интеллигентной и не «простой»…

— Воспрянула я на старости лет, Сергей Иванович… И некому высказать себя. С мужем разошлась. У дочки свои интересы. А тут, в детдоме… Директорские девчонки не станут слушать — от гордыни пропадают. Сверстники мои — «старички» — в текучке по уши, на раздумья не хотят отвлекаться. Вроде бы все разрешено, все можно обдумать и выговорить. Распирает меня эта свобода. Вы терпеливый, вам и слушать меня, пока не надоем…

Она улыбается, воплощенная доброта и доверчивость. Она чувствует, что симпатична мне…

Ежедневно появляется первоклассница, тощенькая, жалкая, с застывшим на лице испугом, и жалуется, что у нее живот болит. Показал ее хирургу, обследовал — обнаружили глисты. Лечил ее, но она все ходит и ходит. Ее визиты превратились в обязательный ежедневный ритуал.

— Ну что, голубонька, все то же?..

Я ее привлекаю к себе, глажу по голове. Она кивает и жалобно смотрит на меня. Утешаю девочку, уверяю, что все пройдет, и она тихо уходит. Мне кажется, что живот ее сейчас не беспокоит. И приходит она не за таблетками, а за этими самыми утешениями…

Окриков детям достается немало, а вот ласки, доброты явно не хватает. Взрослые застегнуты на все пуговицы.

Некоторые ребята тянутся ко мне, и с ними чувствую себя совершенно свободным, раскованным, не обремененным никакими целями и задачами воспитания. Расправляю воротнички, вытираю носы, приглаживаю лохматые волосы, стыжу за незастегнутые пуговицы, то есть делаю самые незамысловатые, самые элементарные домашние дела. И это, видимо, их притягивает, как-то согревает души…

Не хочу сказать, что воспитатели намеренно сухи с ребятами, — упаси боже! Но они если и приласкают — так «воспитуя», со сверхзадачей…

— Ваша правда — мы, воспитатели, самые несвободные люди! — сказала Зинаида Никитична, когда привела своих осматриваться на педикулез и я ей высказал свои мысли. — Мы самые зажатые, нам ли думать о творчестве. Пишем бесконечные планы, бесконечные конспекты, бесконечные объяснения. Так поставлено… По молодости-то все пытаются бунтовать, хотят изменить что-то. И… упираются в стену. Многие уходят из школы, как только эту стену чувствуют. Скажу даже так: самые талантливые уходят. Остаются те, кто может приспособиться, переломить себя. В школе хорошо средним педагогам и средним ученикам. Если совсем уж откровенно, школа пока еще к бездарности повернута, на бездарность настроена. Все это дико, если вдуматься. Но вдумываться некогда. Бумаги надо писать. Все свои душевные движения планировать… Иногда думаю: может, лучше совсем без них, без душевных движений? Спокойнее будет…

Девчонки аккуратнее выглядят. А на мальчишках курточки вечно помятые, жеваные… Спросил, почему так, и выяснил, что стирать-то им одежку стирают, а гладить сами ребята должны. Девчонки, как более прилежные от природы, занимаются глажением. А мальчишки ходят так. И вид у них ужасно казенный. Самый настоящий сиротский, приютский вид…

Ощущение казенности усиливает обслуживающий персонал. По утрам уборщицы шуршат своими швабрами, громыхают ведрами и «охотятся» за ребятами. Если кто-то забежит в учебное время в спальный корпус, на него обрушиваются окрики.

— Ты зачем сюда?

— Ты куда?

— Нечего тут!

— Иди отсюда!..

Бабки-уборщицы кажутся мне тогда ужасно злыми. А ребята — ужасно несчастными. Детдом словно казарма…

Сережа после больницы стал как дед. Зайдет в кабинет, сядет у окна и сидит с отсутствующим видом. Или брезгливо бранит малышей, если его задевают.

От крыльев носа к углам рта морщины пролегли. Под глазами тени. Что за думу думает?..

Поначалу молчал. Но Сережина загадочность быстро надоела.

— Что ты «лишнего» человека из себя строишь? — спрашиваю напрямик.

— Вы живой — вот и живите…

— А ты что — не живой?

— А я мертвый. Вы ни разу не умирали? Знаете, как это легко!

— Да ты о чем, глупый? О чем?

— Все о том же! О папочке родном! Он у меня, оказалось, в двух часах езды отсюда. Случайно адрес узнал… Стал мечтать, что съезжу. Бутылки собирал, чтоб купить билет. Ребята еще добавили. Сел на автобус. И приехал…

Сережа глядит растерянно. Он разговорился незаметно для себя.

— Нашел его дом. Но его не было. Соседка мне говорит: кто ты ему? Я назвался — сын. А она не верит: сын у него умер в Ленинграде, он сам говорил. Заболел и умер… Мне даже интересно стало: ну, папа! Ну, врать горазд!..

А потом как с ума сошел. Стал звонить во все двери и спрашивать: есть у вашего соседа сын? И все сказали: был да умер. Тогда я повернулся — и на обратный автобус…

У Сережи прыгают губы. Мальчик никак не может с ними

совладать. Слышал лишь тихий шлепающий звук: па-па-па, па-па-па… Этот звук невозможно выносить. Бегу к шкафчику, наливаю в мензурку валерьянку.

Сережа пьет лекарство и затихает. Снова сидит у окна с отсутствующим видом…

После нашего похода в больницу Димка-восьмиклассник меня избегает.

В личном деле нашел скупые сведения о его родителях. Отец неизвестен. Мать отказалась от ребенка еще в роддоме. Кто она такая? Сколько ей лет было, когда появился Димка? Почему решилась на такой шаг? Ответов на эти вопросы я не нашел.

Есть в личном деле документ: «Я, такая-то и такая-то, отказываюсь от своего ребенка такого-то. Не возражаю против его усыновления любым гражданином Советского Союза»…

Сережино «личное дело». Мать работает кассиром в каком-то магазине, ведет аморальный образ жизни. Отец неизвестен. Вместо отца во всех документах прочерк. В четыре с половиной месяца ребенок, доведенный до истощения, попал в детское отделение в больницу. Там пробыл полгода. Из больницы был направлен в Дом ребенка. Спустя некоторое время его оттуда забрала бабушка. Откуда появилась? Почему не взяла сразу из больницы? Или запоздало родственные чувства взыграли?..

В актах проверок неоднократно указывалось, что бабушка уезжала куда-то и мальчика брала с собой. Оказалось, в электричках просила милостыню. А внука с собой водила «вышибать слезу»…

С трех лет Сережа в детском доме. С семи лет — в нашем. Откуда же он взял адрес отца? Да и его ли это отец?..

На младших особенно угнетающим образом действует время, в которое они предоставлены сами себе. Начинается оно сразу после уроков. Кончается с приходом воспитателей.

Дети бродят по детдому, лица их грустные. Они не знают, куда себя девать, что делать. Некоторые забредают в медкабинет. Просто так. Посидеть. Поговорить. Большинство рассказывают, как попали в детдом.

Вот Эдик. Его папа убил маму и теперь отбывает срок. Почему так случилось? Эдик не помнит, не знает — мал был. Говорит об этом спокойно, как о чем-то незначительном.

Он рос в больнице, в детском отделении. Потом в разных детдомах…

Другая история. Мужчина остался один с маленькой дочкой на руках. Родных не было, девочку оставить было не с кем. Он

написал заявление, в котором просил взять девочку в детдом хотя бы на два-три года…

В детдоме девочка вот уже восемь лет. Что случилось? Женился отец снова и забыл про дочку? Или запил, опустился?

Девочка его уже не ждет. Не надеется, что ее возьмут…

Алеша — толстячок-бодрячок, розовенький, гладенький — единственный, кто в детдоме «по собственному желанию». Как он говорит, «сам попросился, чтобы отдали». У него есть мать, сестра и брат. Алеше нравится в детдоме.

Слушал я Алешу, как он расхваливает детдом, и думал: не так просто, видно, у него дома. Не пошел бы он сюда, если бы на руках мамы не было троих, если бы в семье был отец…

Нет ли у него чувства, что его любят в семье меньше других, потому и отдали?..

Привели с воспитательницей первый класс в больницу на физиотерапию. Назначил курс УФО с профилактической целью. Пока шли от детдома до больницы через весь поселок, ребятишки наперебой рассказывали все о себе. Им нравилось держать воспитательницу или меня за руку, они отталкивали друг друга, чтобы пробиться к нам.

Возле физиокабинета первоклашки устроили настоящий кавардак. «Семейные» дети робко поглядывают на наших «дикарей». На лицах врачей укоризна: «Тоже придумали мороку!..»

В холле спального корпуса большой щит — «Путешествие в незнаемое». Выполнен он как настольная игра. Кружки, внутри которых цифры, соединены длинной извилистой лентой. В ее извилинах — разные сказочные сценки. Сбоку пояснение: «Отряд, получивший на уроке знак „пятиугольник“, продвигается на один шаг вперед. Знак „круг“ — остается на месте. Знак „квадрат“ — возвращается на один шаг назад. Все результаты суммируются в конце дня».

Как мне пояснили ребята, знаки эти выдаются учителями каждому классу после каждого урока. Собирает знаки представитель учкома. Вечером учком подводит итоги дня прошедшего…

Еще стенд: «Говорят локаторы». На стенде названия отрядов и три конвертика — «завтрак», «обед», «ужин» — под каждым названием. Внизу конверт «Лучший отряд за неделю».

«Локаторы» — это те, кто следит за порядком, чистотой, поведением в столовой. Они оценивают каждый отряд. Лучший,

по их оценке, премируют воскресной поездкой в Ленинград…

Димка после долгого-долгого отсутствия наконец зашел. Поздоровался и заговорил так, будто только вчера расстались.

— Я корешам моим все объяснил. Они не сразу поняли. Но я объяснил. Больше звонков не будет. А к той женщине я еще раз ходил. Конфет отнес. Она опять про сыночка рассказывала. Как он ее бил раньше. Представляете? Бил!.. А конфеты хорошие, красивые. Я их на кухне спер. Все равно только комиссии угощают. Хотел попробовать одну. Но нельзя, раз виноват…

Листаю медицинские карты ребят, и вдруг какая-то бумага остановит взгляд, сердце наполнится болью. Вот одна из таких бумаг. «Родился… Поступил в Дом ребенка… (в возрасте двух лет). За время пребывания в Доме ребенка мальчиком никто не интересовался, не навещал, не писал, местонахождение матери неизвестно. Главный врач (подпись)».

Составляю план прививок и слушаю, как ребята мимолетно прикасаются к списанному роялю, стоящему в коридоре, торопливо отщелкивают что-то, словно на пишущей машинке. Чаще всего барабанят «собачий вальс»… А сверху доносятся звуки другого рояля — сильные, красивые…

Приезжает дамочка из СЭС — ходит со мной по детдому, неодобрительно качает головой. Все ей кажется плохим: убирают плохо, кровати застланы плохо, одежда хранится плохо. И вообще, все плохо, некрасиво, казенно.

Я хожу с ней и чувствую, что она права. Шторы повешены чуть кривовато, ковровые дорожки замусорены, у некоторых тумбочек оторваны дверцы…

…Сережа пришел с гитарой.

— Вы песни сочиняете, Сергей Иванович?

— Случается.

— Спойте свою хоть одну.

— Давай.

Беру гитару. Пою…

— Ничего. А мою хотите?

— Хочу.

У Сережи лицо делается отрешенным, что-то взрослое проступает в нем. Он играет на одной струне. Получается хорошо, с чувством.

Ель по-женски прямо
Стыла над водой

И была как мама,
До корней седой.

Отчего вы обе,
Добрые, белы?
Кто рубил по злобе
Свежие стволы?

Отчего у мамы
Вьются по лицу
Не морщины — шрамы! —
Саблей по венцу…

И застыла мама
Над водой веков
Горделиво-прямо
Посреди волков.

Под морозным бегом
Доброты и зла —
Будто ель под снегом,
Ждущая тепла…

— Ничего, — говорю, когда он кончает. — Слова твои?
— Одного парня знакомого…
Вижу, он разочарован. Видно, другой реакции ожидал…
— Спой еще! — прошу.
— Неохота, — говорит Сережа. — Пойду к ребятам…
Не получилось у нас разговора…

Алеша, тот, что говорил, будто по собственной воле в детдоме, болен. Предлагаю отправить его в больницу, но мальчик, смущаясь, просит:

— Разрешите, я домой поеду! Дома вылечусь!

— Поезжай.

— А вы напишите маме записку, что я болен. Напишите, что надо вызвать врача. Она вызовет…

Я пишу записку, и Алеша уезжает. По нему видно, как он рад этому…

Пришел в четвертый класс во время урока. Извинился, сказал, что ревизорше из райцентра нужно осмотреть волосы у ребят…

Урок вела Алена Игоревна.

Едва уселся за заднюю парту, а ревизорша пошла по рядам, как ребята забыли про Алену Игоревну.

Одна, другая, пятая, седьмая головы стали поворачиваться ко мне. Ребята улыбались, что-то спрашивали — сначала шепотом, затем все громче, затем в полный голос.

Вот один встал из-за парты, подошел ко мне. Я на него шикнул, отсылая назад. Но уже другая поднялась. Потекли струйками. Облепили мою «камчатку». Заговорили весело, перебивая друг друга.

Глянул на Алену Игоревну — та свекольной краской покрылась. И такая злость на лице, что я испугался.

Ревизорша поглядывала с любопытством, выискивая вшей у немногих оставшихся на местах. Потом подошла к нашей «буче, боевой и кипучей»…

Позже в коридоре умилялась, что дети ко мне тянутся. А я думал, как, наверное, жестоко и зло отчитывает ребят Алена Игоревна. Беспомощность и самоуверенность, категоричность и закомплексованность — и все под одной оболочкой…

Зинаида Никитична стала своим человеком в медкабинете. Мне не хватает разговоров с ней. Невольно сравниваю ее с молодыми и прихожу к парадоксальной мысли: молодые педагогини застыли, закостенели, они догматичны на свой псевдоромантический лад. А Зинаида Никитична способна к развитию, она растет, она ищет правду и смысл, она способна к поиску.

Зинаида Никитична рассказывает:

— Я все время думаю, что у нас происходит в педагогике? Если появляется новатор типа Макаренко, Сухомлинского, то мы его канонизируем. Отрываем идеи большого мастера от конкретных условий его деятельности и придаем им характер универсального рецепта. Но едва мы эти идеи возводим в абсолют, как они… перестают работать. Потому что, пока мы их бальзамировали и лакировали, изменилось время, изменились люди и старые идеи уже не соответствуют новому мироощущению. У Макаренко, например, в его трудах нет ничего о богато одаренной, нестандартной личности, стремящейся самоопределиться за счет обособления, отделения от коллектива. А сейчас, по-моему, как раз время таких личностей. Дети сейчас духовно богаче, разностороннее, талантливее, внутренне свободнее, чем были мы в их возрасте. Они сплошь и рядом

перерастают насильственно коллективистскую логику, потому что они личности. Им тесны усредненные мерки, которые прикладывают ко всему коллективу. Им нужно, чтобы их оценивали, исходя из масштабов их личности, их внутреннего мира. Потому и тянутся подростки к неформальным группировкам. Вся наша работа предельно заформализована, в ней нет по-настоящему познанных, подлинно работающих законов, в ней нет науки. Хорошие педагоги берут своим обаянием, силой своей интуиции. Но хороших меньше, чем средних. А подростки — тоже интуитивно — чувствуют сухость нашего педагогического древа. Они идут к «солиднягам», «псевдо» или «мажорам», «битникам», «панкам», «рокерам», «металлистам», «митькам», «ватнягам» и как там еще. Самое хорошее, если они занимаются брейк-дансом, самое безобидное…

— Ну, «солиднягами» нам никогда не стать! — сказал Димка, когда я навел разговор на молодежные неформальные группировки. — Они носят все самое дорогое. Тысячи на две-три надето на каждом. В «псевдо» или «мажоры» тоже не пробиться — из-за нехватки капиталов. Да и неохота мне жизнь тратить на фарцовку. Есть «псевдо-Америка», «псевдо-Франция», «псевдо-Италия», «псевдо-Финляндия». Каждая группа носит все только «своей» страны… «Битники» неинтересны, их мало, они почти исчезли. Как мамонты… «Рокеры» — страшные, я их боюсь. Хотя меня к ним тянет. Это ночные всадники, живут с двенадцати ночи до семи утра. Разделились на рокерские «семьи» и носятся стаями на своих мотоциклах. Двигатели у них форсированы, глушители сняты. Разбиваются они часто. Ну их!.. «Панки» — просто неумные, так я считаю. Выстригают на головах «петушиные гребешки», татуировки делают, серьги носят. Или, например, плечо и щеку цепью соединят. Зачем? Они наркотиками балуются. Я и сам раз попробовал. Разве это жизнь!.. «Металлистов» я тоже не люблю — за их злость. Если тебе нравится определенная музыка — на здоровье! Но зачем считать ее единственной и плевать на все остальное! У них вот есть «кровавые металлисты». Если ты, например, очистишь краску с металлического круглого значка, а голую бляху повесишь на грудь, значит, ты причисляешь себя к поклонникам «хэви ме́тал рок». Увидят такого «кровавые металлисты», подойдут на улице и попросят назвать пятнадцать групп, играющих «ме́тал». Назовешь только четырнадцать — побьют. По-моему, дикость… Кто мне всех симпатичнее, так это «митьки» и «ватняги». Они скромнее всех. Никакой особой выпендрежки. Одевайся, как хочешь. Лишь бы среди прочего на тебе были тельняшка или ватник. Я, наверное, к тем или другим пристану. Вот только выйду из

детдома…

Наташа пришла лечиться от кашля. Я ее обследовал, дал лекарства и направление на физиотерапию. Потом заговорили просто так. Жили ее родители тихо-мирно, и вдруг все началось…

— Я теток не люблю, которые к чужим папам лезут! — рассказывала девочка. — Если бы водки не было и таких теток, жить было бы хорошо. Прилипла к папе одна такая, и он стал пить, на маму кричать. И мама стала пить. Жалко, не знала я, где эта тетка живет. Не то бы отравила ее, честное слово. Насыпала бы в кастрюлю какой-нибудь гадости — подавись, проклятая! И мама бы тогда жива была…

Наташа ерошит челку, глядит доверчиво и беспомощно. У нее огромные глаза, толстые губы, повышенная упитанность. Ну прямо телушка, да и только…

Почему один эпизод снова и снова поднимается из глубин памяти? Почему тревожит меня?..

Пришел на вызов. Дверь открыла девчонка с заплаканными глазами.

— Ты чего? — спросил сочувственно.

Она не ответила, ушла в комнату, шмыгнув носом.

Я разделся, помыл руки, вытащил из сумки стетоскоп. В комнате на диване лежал небрежно запеленутый малыш. Подошел к нему.

— Так он же мокрый!

— Ну и что?

— Как тут не болеть!

— Ну и пусть!

— А взрослых-то никого нет? Мама его где?

— Я мама.

Девчонка прошептала эти слова и снова заплакала.

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать… — Она ладошкой размазывала слезы по лицу.

— А папе сколько?

— Пятнадцать.

— Кто пеленать-то научил?

— Мама…

— Вот это весомо звучит. Когда она придет?

— Вечером…

Тут рыдания усилились. Надо было успокоить ее. Но как? Погладить по голове? Или, наоборот, сказать что-то резкое?

— Ну а ты-то что? Совсем беспомощная?

— Не умею ничего…

— Ну так учись, мамаша!..

Я сказал это неприязненно и стал осматривать ребенка. Попутно пытался растолковать матери правила ухода. Но она, по-моему, ничего не слышала…

Не в нашем ли детдоме теперь тот ребенок?..

Почему бы нам не перенять полезный опыт братских стран? Почему мы такие неторопливые там, где не мешало бы поторопиться?.. Трудно, что ли, организовать Дома матери и ребенка, где бы мамы-отказницы могли провести с ребенком первый год его жизни? В Болгарии так сделали и говорят, что не раскаялись. Если родившая женщина за год не осознает себя матерью, она уходит из жизни ребенка навсегда, и его может усыновить другой, кто захочет. Но в том-то и дело, что многие женщины в течение первого года привязываются к своему ребенку и уже не расстаются с ним.

Не верю, что нам не под силу такая работа с мамами-отказницами…

Девчонки рассказывают, перебивая друг друга:

— Как мы Новый год встречали весело! В десять вечера начали и до утра. Сперва концерт был… На нем каждый выступал, кто хотел… Потом за стол сели. Сколько было сладостей, еды… Кушали-кушали… Потом на улицу пошли, костер зажгли. Большой костер… Нам бенгальских огней дали, хлопушек. Сколько хочешь! По две пачки в каждой руке! Мы их жгли, жгли. Так здорово! Потом опять кушали за столом. Опять сладости… Потом стали призы выигрывать. На столе целая куча призов. Если ты что-то придумаешь, выступишь и все захлопают, значит, тебе пятьдесят очков. Сколько наберешь очков, на столько призы можешь выбирать. Там книги, игрушки, игры… Потом мы телевизор смотрели. Очень было хорошо!..

Так рассказывали эти девчушки из самых «ненужных». Две трети детей на Новый год разъехались — по папам и мамам, бабушкам и дедушкам, дальним родичам и просто знакомым. Новогодняя ночь была устроена для оставшихся. Что ж, возможно, они встретили Новый год веселее тех, кто к своим непутевым родным отправился…

Опять Алена Игоревна дежурит в воспитательской. А мне опять нужно позвонить в СЭС…

Она едва кивает на мое приветствие. Глядит мимо.

Поговорив по телефону, шагаю к двери. И вдруг вырывается,

будто кто тянет за язык:

— Алена Игоревна, а правду ребята говорят…

— Что? — вскидывается она.

— Что вы их убеждаете, будто в детдоме лучше всего… Лучше, чем в нормальной семье с папой-мамой…

— Больше слушайте стариков! Их скоро тут не будет!

— Знаю: выжить хотите. Чтобы только вы, молодежь, да ваш директор…

— Они как цепи. Висят и мешают. Забывают, что их время кончилось. Нужно уступать место!

— Так-таки ни на что не годятся?

— Почитайте Стругацких. У них почти все герои в интернатах вырастают. Не в семье… Семья — морока и помеха. Мы вот музыке учим бесплатно. А родителям за своего надо платить каждый месяц. И немало. Не всякий сможет… А наши поездки по стране! Экскурсии! Разнообразный досуг!.. Если посчитать, сколько уходит на каждого ребенка, — детдом больше тратит, чем любая семья! Этот детдом, может, зародыш будущих интернатов. Таких, как у Стругацких… А семья отомрет. Уже отмирает. Потому и детдомов так много. Мы в семью не верим.

— «Мы» — это вы?

— Не только я. Все наши, молодые. Мы принципиально против семьи. Нам семья не нужна.

— Зато детям нужна, — вздохнул я и вышел…

Дурость какая-то. Объявлять детдома — уродство, боль, стыд наших дней — зародышами будущего. Переворачивать все с ног на голову. Считать черное белым. Ничего не скажешь, так можно легко и просто ответить на сложнейшие вопросы. Но кому от этого легче?..

Сережа пришел с просьбой:

— У вас нет сумки какой-нибудь? Мы уезжаем с воспитателями в Воронеж. Мне вещи не во что сложить.

Я ему отдал свою рабочую сумку — выгреб из нее стетоскоп и ручки, печать и бланки рецептов, записную книжку и медицинские карточки.

Сережа взял сумку и ушел, довольный. Даже спасибо сказать позабыл.

Поездкой в Воронеж их отряд премирован за хорошую учебу…

Дениска появился в кабинете вместе со стайкой первоклассников. Они все жаловались на кашель, а у Дениски для разнообразия был еще и насморк. Я всех осмотрел, назначил каждому, что нужно, и напоследок стал выслушивать стетоскопом

Дениску. Он выглядел самым слабым среди ребят: тоненький, как спичка, тени под глазами, бледный, будто фарфоровый.

Погладил его по голове, когда кончил выслушивать. Это был машинальный жест взрослого человека. Но Дениска вдруг переменился. Он словно проснулся — посмотрел на меня с удивлением, благодарностью и с жадностью. Ему нужна была простая человеческая ласка. Ему не хватало обычной ласки. Мой рефлекторный жест был для него откровением, благодатью.

Меня это поразило. Более того — потрясло. Я положил руку ему на голову и — теперь уже осознанно — погладил его.

— Эх ты, воробей! — сказал ему тихо.

И Дениска вдруг подался вперед и прильнул ко мне, уткнулся лицом в мой халат.

Остальные говоруны-первоклашки вдруг затихли, как по команде, и серьезно смотрели на нас с Дениской.

Я растерянно гладил мальчика по голове, и мне хотелось плакать.

— Ты папу и маму помнишь? — спросил у него мягко.

— Нет, не помню, — сказал Дениска.

Я сидел и боялся пошевелиться.

Димка ворвался в кабинет, как буря. Часто дышал.

— Вы телевизор вчера смотрели?

— Смотрел. А ты?

— У нас транзисторный. Родичи одному подарили… Видели бегемота?

— Который антилопу спасал? От крокодила?

— Ну!.. Это же документальные кадры! Это же правда!

— Конечно, правда.

— Значит, есть доброта в природе? Милосердие, как вы говорите. Даже у животных?

— Значит, есть.

— И у людей оно должно быть! У всех, без исключения! Как уши, нос, глаза…

— И что тогда?

— Тогда те, кто без него родился, без милосердия, просто инвалиды, калеки. Вроде безруких-безногих. И их можно только жалеть. Не нужно на них злиться…

— Зачем же злиться на калек?

— А я их ненавижу… Ненавидел… До вчерашнего дня…

Димка успокоился и ушел. Какую-то душевную опору обрел он в этих телевизионных кадрах…

Явился Дениска с пораненной пяткой. Где он умудрился,

бегая по дому, вогнать себе в ногу осколочек стекла? Ни стонов, ни слез от него не было. Сидел и задорно улыбался.

— Стойким ты будешь! — сказал я уважительно и стал ковыряться в Денискиной пятке. Моим инструментарием была длинная инъекционная игла. Я осторожно манипулировал ею, но, конечно же, это было не безболезненно. Однако Дениска молчал. Молчал и улыбался. Тут как раз пришла Зинаида Никитична. Я при ней кончил «операцию», вручил герою конфету, погладил по голове. Дениска положил конфету в рот и с достоинством удалился, прихрамывая.

Мы с воспитательницей переглянулись, я молча поднял большой палец правой руки…

В этот же день пришел мальчишка из шестого класса, и я вздрогнул, увидев его. Это был выросший Дениска. Это был герой Александра Грина — открытый, ясный, светлый, озаренный. Не мальчишка, а птица, распростершая крылья и готовая взлететь.

— Что у тебя? — спросил я.

— Вот! — Он поднял рукав рубашки и показал фурункул, зреющий на локте.

— Сейчас!..

Я сделал мазевую повязку, наложил на фурункул, забинтовал и сказал, когда прийти на перевязку. Он кивнул и ушел. Никаких посторонних разговоров. И все-таки мне стало хорошо, как после самой задушевной беседы…

На перевязку он явился, не поздоровавшись. Только чуть улыбнулся в знак приветствия. Улыбнулся — и озарил кабинет. И я подумал, что в свое время был похожим на него…

Третья перевязка не понадобилась.

— Все прошло, — сказал он.

— Да, все прошло, — согласился я…

Иногда я встречаю его в детдомовских коридорах. Он улыбается своей быстрой, как зарница, улыбкой и бежит мимо.

Листаю диспансерный журнал. «Болезни сердца» — пустая страница. «Ревматизм» — пустая страница. «Бронхиальная астма» — пустая страница. И еще целый ряд пустых или мало заполненных страниц.

И вдруг открываю «Болезни нервной системы» — здесь черно от записей. Множество фамилий, множество диагнозов. Самые частые из диагнозов: «задержка психического развития» и «ночной энурез». За каждой строчкой в журнале встает лицо. Что-то есть общее во всех этих ребячьих лицах. Но что?.. Я вспоминаю лица своих сыновей — они безоблачны. А лица детдомовских

ребят омрачены. На каждом из них тень, даже на самых улыбчивых.

— Никуда мы не пойдем! — заявили мои посетительницы хором. — Тут будем сидеть!

Одна забилась под стол, другая залезла за шкаф, третья кривлялась и кричала:

— Мы некультурные! Мы некультурные!..

Я их поодиночке переловил и вывел за белы рученьки в коридор. Дверь закрыл на задвижку, и, пока одевался, чтобы уйти, они ломились в кабинет, выкрикивая что-то свое — задорное и глупое…

Что за бес в них вселился? Видимо, приняли доброе отношение за проявление слабости и тут же распоясались, почуяв «слабинку»…

У Наташи нос красный, щеки шелушатся.

— Тебя где так обветрило? — интересуюсь я, смазывая ее лицо мазью.

— В лесу, — радостно говорит она.

— Что там делать сейчас? Не пройти, не проехать!

— Я на опушке, Сергей Иванович. Лес-то вовсе не мертвый. Я его слушать хожу. Снег робкий, он все время извиняется. А льдинки все время ссорятся. Одна сосулька билась-билась о другую, грубой стала. И вдруг солнышко. И у сосульки родилась капелька. А когда ветер пройдет, сразу десятки голосов кричат. Каждое дерево звучит по-своему. И каждая ветка. И каждый куст. Они торопятся самые лучшие мысли передать ветру. Ветер будто газета для тех, кто в лесу растет. Все новости сообщит и все выслушает… А еще снегири со мной дружат. Я приношу хлеб и крошу под кустами. Они мне песенки поют. Я отхожу, и они клюют крошки. Красивые. Как лучики от солнца. Мне к ним надо ходить, вы не запрещайте. Не то они погибнут…

Я и не запрещаю. Намазываю ее нос и щеки. И думаю о том, что на территории детдома природы нет. Ни огорода, ни сада, ни парка. Упускается возможность совместного труда, совместного удовольствия. А до леса детдомовцу добраться — это какое желание надо иметь, какую смелость…

Сережа вернул мою сумку — заляпанную и подзакопченную. Весь его рассказ о поездке свелся к тому, что им давали по рублю и можно было покупать что хочешь. Этот факт, видимо, оставил самое большое впечатление. Мимоходом добавил, что они были в музее, в театре и еще где-то. А возле вокзала видели

замечательный кинофильм. И он принялся пересказывать его содержание…

У наших ребят повышенная тяга к зверушкам. Навыки доброты и душевности, которые им не пришлось получить в семье, они получают при общении с «братьями меньшими».

Сейчас в умывальной комнате одного из отрядов живут сразу две синицы. Ребята уверяют, что они пострадали от кошкиных зубов. Ребята выпросили у меня широкий бинт. Сказали, что для птичек. Санитарные правила запрещают держать этих синиц в умывальной. Но за стеклом сейчас минус тридцать. Я промолчал, понадеялся, что никто не поедет к нам с проверкой по такому морозу…

Ленку, как и Танюшу, мысленно называю доченькой. Танюшку перевели от нас, едва выписалась из больницы, — беспрерывно идет эта чехарда перемещений. А Ленка, вот она… Учится в пятом классе. Прямые волосы до плеч. Аккуратно одевается. Когда ни увидишь, она словно на праздник нарядилась.

Приходит ко мне, и мы разговариваем о жизни. У нее есть брат, он сейчас на лечении — токсикоман. Родители пили, и суд лишил их родительских прав.

Ленка часто расспрашивает, где я живу, какая у меня семья, о сыновьях. Несколько раз она оставляла для них угощение — конфетки-горошки. Я приносил ей конфеты от моих ребят.

Ленка хвастала подружкам, что я «позвал ее в гости». Торжественно подтвердил ее слова — чтобы никто не усомнился в ее правдивости…

Димка философствует, по-моему, только в медкабинете. Философия требует неторопливых размышлений и сосредоточенных слушателей. Поразмышлять в детдоме еще можно исхитриться. А вот со слушателями туго.

— …Мне вот кажется, что мы, подростки, живем какой-то «параллельной» жизнью, не пересекаемся с обществом. А как устроено общество? Вы можете себе представить?.. Я представляю так. Вот гирлянда параллельных пластинок. Сквозь них продета нитка. На ней держатся все пластинки. Это и есть модель общества, так я думаю. Каждый на своей параллельной пластинке. Музыкант — на одной, где музыканты. Художник — с художниками. Рабочий — среди своих. Начальник — среди своих. А самая нижняя пластинка — мы, подростки. Мы еще не знаем, где наше место. Но всем нам не нравится эта разделенность, эта «пластинчатость». Каждый подросток стремится преодолеть

разобщенность. Одни понимают это, другие чувствуют подсознательно. Но смысл один — преодолеть разобщенность…

Некоторые приживаются на какой-то пластинке. Другие создают свой мир, свою ложную пластинку из тумана — она как бы висит в пространстве. А некоторые пытаются соединить параллельные пластинки и — сгорают, как от короткого замыкания…

— А ты где живешь, Димка? В чем твой смысл?..

Сказал так и прикусил себе язык. Не вижу, что ли, где он живет?

Но Димка лишь рукой махнул, словно отмел мои слова. Задумался о чем-то своем и вышел из кабинета…

Сделали «паспорта здоровья» и каждому ребенку раздали: имя, фамилия, физкультурная группа и группа здоровья. А дальше, предполагалось, сами будут выписывать все медицинские события, случившиеся с ними за год…

Но ничего не вышло. Уже через неделю от наших «паспортов» остались рожки да ножки. Не доросли ребята до такой идеи. Не поняли, не приняли задумку…

С аутогенной тренировкой перед сном тоже неудача. Я разработал план занятия, провел его вечером в одной спальной, в другой. Но записать текст на пленку в нашем радиоузле не удавалось — директор предлагал всё новые сроки. И наконец отложил до неведомых времен…

Пришла молодая женщина, попросила справки о состоянии здоровья двух девочек-сестричек из восьмого класса.

— Я их сестра. Оформляю над ними опекунство.

Я выдал справки. Одна девочка была здорова. У другой вегетативно-сосудистая дистония.

Женщина испугалась, прочитав про дистонию. Долго меня расспрашивала, что это за болезнь, проходит ли она, как ее лечат, какой должен быть режим, какая диета. Потом замолчала, задумалась. Наверное, засомневалась, брать ли девочек…

Зинаида Никитична втащила Дениску за руку. Дениска упирался.

— Вот вам беглец для осмотра!

— Кто это тут беглец?

— Вот этот, Денис разлюбезный!

— Куда ж ты бегал-то, лапонька, расскажи?

— А чего они… злятся!

— Экий фрукт! Через милицию его искали! Испереживались! И не рассердись!

— К деду ходил…

— Да какой дед! У тебя ни деда, ни бабки, ни папки, ни мамки!

— В электричке его встретил. Когда ездили на «Лебединое озеро».

— И что?

— Поговорили. Он хороший. В гости меня пригласил.

— Ну!

— Ну я и сбежал!

— Где он живет?

— На Васильевском острове. Дом номер один и квартира номер один.

— А улица? Улица какая?

— Васильевский остров…

— Больше ничего не знаешь?

— Нет.

— Не дошел бы ты по этому адресу. Неточный адрес.

— Но дед сказал так…

— Значит, не очень хотел тебя видеть.

— Но почему? Зачем врать?

— Не переживай… — Зинаида Никитична привлекает Дениску к себе и гладит, гладит по голове.

Потом мы вместе с ней его осматриваем, и она уводит мальчика. Тот не сопротивляется больше, идет покорно…

По результатам медосмотра выделил группу в восемнадцать человек, нуждающихся в коррегирующей гимнастике. Подошел к учительнице физкультуры.

— Я, конечно, буду заниматься с ними! — сказала та. — Но только если директор мне заплатит!..

Подал директору докладную, где перечислил всех, у кого дефекты осанки. Он прочитал и сказал, что учительница должна вести эту группу без дополнительной оплаты.

Через неделю снова подошел к учительнице.

— Ну, как идут занятия?

— А занятий пока не было.

— Почему?

— Директор мне ничего не говорит. И я молчу.

— Ну, тогда я поговорю с ним!..

Поговорил. Но директор был тверд. Без дополнительной оплаты — и точка…

Штришок наших будней. Одной хочется лишних денег, другому не хочется переплачивать. А дети потом. Дети не главное…

Делаем ватные шарики с Наташей и Леной. И вдруг Наташа выключается — замолкает и ничего не слышит.

Мы с Леной ждем, переглядываемся. Лена крутит пальцем у виска. Я качаю головой: не надо, мол, так…

Время идет. И вот Наташа «возвращается». Глядит удивленно: чего мы на нее уставились…

— Где ты была? — спрашиваю я.

— У себя в лесу. Мне там хорошо. Я как взрослая. Деревья меня слушают. И птицы. Никто не обижает. Я для них большая и умная. Я им нужна. Они мне верят и меня любят, как маму…

— Глупости! — перебивает ее Лена категорично. — Ты в детдоме живешь, а не в лесу!..

— Лес все равно мой! — упрямо говорит Наташа. Снова принимаемся за работу. Молчим. Будто и не было разговора. Будто и говорить не о чем…

Сережа снова пришел с гитарой. Я обрадовался.

— Молодчина, что с инструментом! У тебя песни хорошие.

— Хотите новую? Написал после каникул.

— После вашей поездки?..

Он кивает, садится на краешек стула, настраивает гитару.

Могут лица сверкать и злиться.
Могут лица выть, как шакал.
Эти лица — ах, эти лица! —
Королевство кривых зеркал.

В просветленном и злом угаре
Ты увидишь вместо лица
Волчьи морды, свиные хари,
Клюв кукушкиного птенца.

Приглядевшись, увидишь в профиль
Жаб и цапель, гадюк и ворон.
А иной с лица — Мефистофель.
А иной с лица — фон-барон.

А иной простодушно-весел.
А другой — потаенно-хмур.
Словно тысячи разных песен,
Вьются тысячи лиц и фигур.

И нужны до предела мысли,
Так как стрелки нужны часам,
А куда же себя причислить?
И на что же похож я сам?..

Мне нравится его песня.

— Молодец! — хвалю Сережу от души.

Он краснеет. Прошу повторить песню. Он смотрит на струны, смотрит в окно, кашляет и начинает петь снова…

Дениска-первоклассник проводил меня до уличных дверей.

— Ну, до свиданья, Дениска!

— До свиданья, Сергей Иванович! А вы куда сейчас? Домой?

— Домой.

— А где вы живете?

— Возле Пискаревки.

— Возле Пискаревки… — повторил он и вздохнул.

Я открыл дверь и увидел, уже с улицы, как он прощально машет рукой…

Сидел в электричке, читал. Вдруг подсели Наташа и Лена. Выяснилось, что первая едет в гости ко второй. А Ленка ездит каждую субботу к маме. Она хорошо рассказывала про маму. Как они поют вместе по утрам любимые песни. Как мечтают, что Ленка будет «звездой» эстрады и мама тогда будет жить у нее «в уголке». Как мама учит Ленку шить. Как у мамы болит желудок (и у Ленки точно такая же болезнь). Как они с мамой отправились гулять и потеряли друг друга, а мама заплакала от страха, что не увидит дочку…

Наташа слушала, переживала, ахала, завидовала Ленке. Я тоже сидел под впечатлением ее рассказа.

На десерт будущая «звезда» преподнесла нам весь свой репертуар. Пела она увлеченно, не смущаясь тем, что кругом люди. Наташа подтягивала…

Сошли мы на Пискаревке. Девочки пошли своей дорогой, а я смотрел им вслед и чувствовал глупейшее желание отправиться вместе с ними к Ленкиной маме…

Не хуже, чем родительское заласкивание, может развращать ребенка сознание того, что он лишний, ненужный, брошенный, что его обделили.

Как реагирует взрослый на сироту из детдома? Любой

нормальный человек прежде всего испытывает жалость, сочувствие, постарается сказать доброе слово ребенку, приласкать его, чем-то угостить. И это может оборачиваться вредом для «сиротки».

Вот стоит у меня в кабинете девчонка — красивая, злая. Она смотрит на меня холодными, наглыми глазами и требует:

— Дайте мне банку аскорбинки!

— Придешь в столовую и получишь. Вам же все отдаем!

— Нет, вы мне одной дайте! Мы с подружками съедим!

— А почему ты говоришь со мной… грубо?

— А потому что вы эти банки украдете!

— Они же большие, тяжелые. Нелегко мне уносить будет!

— Не смейтесь! Отдайте банку!

— Ты, может, заболела? Или обидел кто?

— Не ваше дело! Отдайте банку, и все!..

Это пререкательство длится, наверное, минут пятнадцать. У меня руки начинают дрожать. Не знаю, куда деться от этой маленькой фурии…

К счастью, в кабинет заглядывает Зинаида Никитична и выручает меня. И я, успокаиваясь, думаю о том, что девочка испорчена жалостью окружающих. Психология ущербности, обойденности возобладала над ней. В одной сказке жадный король к чему ни прикасался — все превращалось в золото. А эта о чем ни подумает — все оборачивается одним желанием — как бы себе урвать. Уверовала, что все ей должны, что она может требовать, может выколачивать из взрослых всякие блага и отказа ей не будет. Еще бы, она детдомовская, ее права неоспоримы. Железное нахрапистое юродство…

У двух ребят нашли вшей.

— Кто в этом виноват? Кого мы должны наказывать? — спрашивает директор.

— Вас нужно наказывать! — говорю я.

Он смотрит на меня удивленно.

— Я вас просил никого без медицинской справки после каникул не принимать, но вы забыли дать учителям указания. В результате ребята вернулись после каникул, минуя медкабинет. А воспитатели, видимо, не проверили тщательно головы…

Директора явно раздражал мой вывод, но возразить по существу было нечего. Он перевел разговор на то, что в кабинете у меня много лишнего барахла (санпросветплакаты, старая ширма), и на повышенных тонах потребовал все убрать…

На другой день я устроил «революцию» в изоляторе и медкабинете. Выбросил в коридор под лестницу старую ширму,

санпросветплакаты и стенды, тумбочки, бормашину, части от физиотерапевтических аппаратов, старый диван и матрас, шкаф и пенал. Сразу стало свободнее дышать. Директор моего радикального вмешательства не заметил…

Жила в детдоме девчонка. Убегала не раз. Приводила парней из поселка.

Последний ее побег был уже при мне. Скрывалась она больше двух месяцев. Потом объявилась у тетки — единственной своей родственницы. Та, уже предупрежденная, сразу позвонила в милицию. Девочку вернули в детдом. Попросили прежде всего показать ее венерологу и проверить на сифилис. Решили переводить ее в спецПТУ. Но не успели. Она снова исчезла…

— Сергей Иванович, я музыку сочинила!..

Ленка ворвалась ко мне в кабинет, подскочила ко мне, крутанулась волчком и начала напевать. Мелодия была простая и приятная.

— Слова нужны! — сказала. — Сидел на подоконнике воробей и головой вертел. И ветка в окно стучала. И вдруг вышла музыка.

— Хочешь, придумаю слова?

Меня подхватил ее порыв. Я почувствовал, что и сам вроде бы окрылился.

— Придумайте! — Ленка смотрит благожелательно.

Поспешно хватаю чистый лист бумаги, ручку. И… ничего не происходит. Вздыхаю, чешу ручкой в затылке. Ничего. Хоть бы строчка!..

— Не умеете вы, наверно! — говорит Ленка насмешливо и выпархивает из кабинета. Счастливая, светлая…

Прибежал Дениска. Оказалось, порезал палец в столовой о кружку, когда расставлял их перед обедом. Я обработал глубокий порез, забинтовал палец и пошел в столовую осматривать посуду…

Каждая третья кружка — со щербатым краем. Я велел шефу-повару все эти кружки выкинуть и тем создал серьезную проблему — посуды и так не хватало. Но шеф-повар решение одобрила: уж теперь-то завхозу придется приобрести новые.

Так и вышло…

Нужны ли мне именно эти ребята? Которые в этом детдоме?.. Нет, пожалуй!.. Свою потребность сострадания, сочувствия, помощи я бы мог утолить в любом другом детдоме — не только

здесь…

Что я могу им дать? Медицинскую помощь? Новации свои, половина из которых не состоялась?..

Но разве я в силах дать им здоровье? Заложено ли оно в их генетических программах? По крайней мере, я страстно пытаюсь реализовать их программы в корректных условиях, не вступающих в противоречие с окружающей их средой.

Страстными мои усилия должны быть обязательно, потому что эмоции появляются там, где недостает информации. А медицина изначально — работа при наличии неполной и зачастую недостоверной информации.

Взрослому рядом с детьми надо просто жить. Полнокровно жить и быть счастливым. В этом, может быть, единственный секрет успешного воспитания.

Разве я могу быть возле них целый день? И хочется, и рад бы, но так сложилось, что не могу…

Все вроде так, да не совсем так… Чем дольше работаю здесь, тем больше нужны именно эти ребята…

— Почему у нас мало цветов на территории? — спросила Наташа. — И сада нет?

— Да, почему? — подхватил я.

— Я их очень люблю.

— Любишь — посади.

— А где я возьму?

— Приди на экономический совет и поставь этот вопрос.

— Слишком много возни…

Я спрашивал у ребят об экономическом совете. Многие знают, что он есть, и только. Ничего конкретного, никакого личного отношения…

Хотя директор говорит, что он стал оказывать влияние на жизнь детдома. Получили, к примеру, дорогие зимние сапоги, и экономический совет постановил выдать их самому бережливому и опрятному отряду. Получает детдом деньги за склеенные ребятами конверты, и экономический совет постановляет, сколько от какого отряда «сминусовать» за тот или иной причиненный ими ущерб…

Когда я расспрашивал об этом одного из членов экономического совета, тот вздохнул:

— Отстаньте хоть вы от меня, доктор! Надоело все это!..

И я понял, что хозяевами здесь они себя не чувствуют. Ни в этом совете, ни в других…

Делаем прививки. На десять прививок — два обморока.

Мальчишка-пятиклассник трясется крупной дрожью.

— А со мной ничего не будет? А я не умру?.. — спрашивает боязливо. И теряет сознание…

Та же история с девочкой из седьмого класса. Она долго не соглашается на прививку, агрессивно отказывается:

— Я не буду! Ни за что! Я боюсь! Я убегу!.. — а после прививки вдруг бледнеет.

Даю им понюхать нашатырный спирт. Они отлеживаются и уходят…

Мальчик на другой день снова появляется в кабинете и тревожно расспрашивает, можно ли ему мыться в бане, не повредит ли прививка его здоровью. Я начинаю догадываться о его состоянии, спрашиваю, видел ли он умирающего, и он, помолчав, кивает: да, видел. Он готов рассказать. Я готов слушать…

Но тут раздается сигнал на перемену, и в кабинет вваливаются жаждущие таблеток и перевязок. Мой потенциальный рассказчик уходит.

А девочка не зашла. Никакие вопросы на второй день после обморока ее не волновали.

— Ну как, Наташа?

— Вы о чем, Сергей Иванович?

— О цветочках.

— Спрашивала. Обещали, что весной купят.

— Ну вот, посадишь, и будет красиво.

— А почему я? Все я да я! Пускай другие сажают!..

Я смотрю на нее и не знаю, что сказать. Если семейные дети считают, что все за них должны делать мамы и папы, — это испорченные дети, эгоисты. А если наши детдомовцы считают, что сами ничего делать не обязаны? Значит, они тоже испорчены? Но кто их испортил или что? Государство ли, которое выделило сто с лишним ставок на двести детей? Или персонал детдома, который делает все-все за них, даже то, что нужно бы оставить ребятам?

А может, виновата общая удовлетворенность? Ребята довольны, что их не трогают. Воспитатели — что никого трогать не надо…

Или я не прав?..

Директор ухватился за идею разновозрастных отрядов. Он усиленно рекламирует эту «находку». Мне рассказывали, что в редакции одного детского журнала он слывет чуть ли не новатором. По его мнению, совместный быт младших и старших

ребят в какой-то мере заменяет, «модулирует» внутрисемейные отношения. Старшие учатся вниманию к слабым, душевности. Младшие получают помощь и заботу. В отряде младшие подрастают и, в свою очередь, становятся старшими…

Слов нет, задумано, может, и хорошо. Но вот мы идем с Ленкой и Наташей по центральной улице поселка, и неожиданно узнаю, что думают девчонки по этому поводу.

— Мы очень недовольны, что сделали такие сборные отряды, — признается Наташа. — Зачем собрали маленьких и больших вместе? Только воспитатели говорят, что это хорошо. А на самом деле старшие нас бьют и о нас не заботятся…

Ленка перебивает ее:

— А меня хотела мама забрать. Я так рада была. Но директор не дал. «У нас и так мало детей, а она музыкальная, ей надо быть здесь!..» Разве он прав?

— Если мама серьезно захочет, она тебя заберет…

Мы заходим в книжный магазин, и я покупаю им по книжке. Давно обещал и вот выбрал момент…

Чудовищно! Оказывается, есть родители, которые считают «выгодным» определить ребенка в детдом. У них одна мысль доминирует: не надо содержать ребенка — государство воспитает. А то, что такое избавление от расходов равнозначно предательству, до них не доходит. Меня в недоумение и бешенство приводит сам факт существования подобных людей.

Одни беды, одни потери от них! И калечат они души детей. Какой милиции пожаловаться, что ограблена душа ребенка? Как достучаться до этих каменных родителей, как доказать им, что истинная ценность — улыбка ребенка, а не хрустящие дензнаки? Почему я испытываю чувство вины перед их детьми, а им — этим родичам — хоть бы хны?..

Сейчас многие кивают на период «застоя» — он, мол, виноват во всем плохом. Но разве сам человек не должен отвечать за то, каков он есть? Разве сам он не способен, если захочет, остаться человеком в самых нечеловеческих ситуациях? Разве сам человек не виноват в том, что озверел, оскотинился?..

Зинаида Никитична привела своих осматривать перед баней, и я ей высказал наболевшие мысли:

— Да, мне страшно об этом думать, — сказала она. — Что делается с людьми? Не понимаю. Такое чувство, что они дичают, звереют. Кричим о культуре, а ее все меньше. Может, потому и кричим? Взорвали свои храмы, а новых построить не удалось… В наши-то сытые годы сирот в три раза больше, чем после войны. И

каждый год добавляются еще тысячи. И ведь это при живых родителях.

Вот спохватились, Детский фонд образовали. Правда, сомнения тут же появились. Может, он и не изменит ничего, этот фонд? Ну, денег смогут больше на ребят отпускать. Пусть даже больше, чем на семейных. Так ведь разве в деньгах только дело! Им душа нужна, этим несчастным детям. Только любящая душа способна спасти их обиженную душу. Разве сможет хоть какой фонд выделить по взрослой душе на каждую детскую? И потом, они ведь беспомощны, наши злючки. Они могут рычать, быть наглыми, неблагодарными. Но они беспомощны, как слепые котята перед жизнью. Сколько стоит буханка хлеба? Как включить газ на кухне, вскипятить чайник?.. Для семейных это пустяк, для наших — китайская грамота…

У меня в кабинете Сережа и Лена. У Сережи под мышкой книга «Таис Афинская». Я хвалю. Сережа удивляется.

— Разве она хорошая? Ребята говорят: зачем ты такую взял? Смотрите, что тут есть!..

Он быстро листает страницы и находит рисунок обнаженной женщины.

— Ну и что? — говорю я. — Любовь к женщине — самое прекрасное чувство, самое сильное в жизни мужчины.

— Ну да! — удивляется Лена. — Такая гадость!..

Я чувствую, что за ее словами тяжелые впечатления, полученные, видимо, в семье. Говорю о любви, говорю взволнованно. Спасаю любовь от той пошлости, грязи, которой она уже облеплена в ребячьих душах.

Лена слушает недоверчиво, но благосклонно. А Сережа стоит с открытым ртом и не шелохнется. Видимо, только теперь (а он в пятом классе) ему впервые довелось услышать о значении любви для человека. Видимо, до этого никто при нем хорошо о любви не говорил…

— Вы чьи бумаги пишете? — спрашивает Димка.

— Люды… — Я называю фамилию нашей беглянки, не отрываясь от писанины.

— А-а, понятно, — Димка хмыкает. — Она вас в сарай еще не приглашала?

— Зачем?

— Ну, как мужчину… Как мужика…

— Чего ты несешь? — Я отрываюсь на секунду, смотрю на него и снова пишу.

— А меня приглашала… — Димка, разговаривая, берет со

стола рулончики пластыря, отрезает липкую ленту и приклеивает себе на щеку.

— И что же ты?.. — Я оторвался от бумаг.

— Мало ли что!.. Сходите — узнаете!.. Мужики из поселка не раз приходили…

— Ладно, бог с ней! Чего пластырь-то налепил?

— А, это… — Димка дотрагивается до щеки. — Пусть подумают, что рана. Пожалеют лишний раз…

Лежит на кушетке маленький пластмассовый Чебурашка. Кто-то из ребят его тут оставил.

Ленка приходит, видит игрушку.

— Бедненький, — говорит жалостливо, — тебя тоже никто забирать не хочет! Никому ты не нужен в дочки-сыночки!..

Она возится с Чебурашкой. На меня — ноль внимания, словно никого нет в кабинете.

— А вот я буду твоей мамочкой!.. И никому тебя не отдам!..

И уходит с Чебурашкой на руках. И я молчу, не останавливаю, хотя мелькает мысль, что надо бы Ленку окликнуть, напомнить о том, что нехорошо брать вещи без разрешения…

Вчера было девять больных, и сегодня, в воскресенье, я не выдержал, плюнул на выходной и отправился на работу.

Детдом опустелый, тихий. Из девяти вчерашних больных нашел на месте только троих. Остальные разъехались по домам.

Прошел по спальням. Воспитателей нет. Несколько ребят сидят по углам, занимаются кто чем. Двое вывинчивают лампочку, поставив табуретку на табуретку и рискованно балансируя. Двое читают. Девчонки красят волосы. Какой-то мальчишка красится заодно с ними.

Удручающее впечатление произвела эта воскресная безнадзорность. Правда, ребята рассказали, что их отряд уехал на экскурсию…

Наташа меня заметила и подошла.

— Сергей Иванович, а что значит «надорваться»!

— Зачем тебе это?

— Бабки говорили, что мама надорвалась…

Я объясняю значение слова.

— Значит, она сама себе испортила сердце? Да лучше бы мы голодные сидели!

— Долго не просидели бы…

— Буду мамой, ни за что не умру, пока мои ребята не вырастут!..

Она морщит лоб и глядит на меня с непонятной укоризной…

В детдоме ЧП. Мальчишки-восьмиклассники избили девчонку-сверстницу. У той сотрясение головного мозга. Отправили в больницу.

Я поговорил с одним из мальчишек.

— Гадины они все! Нарожают детей — и в детдом!

— Но она-то тут при чем?

— А чего она сказала, что двух детей родит!..

Зинаида Никитична делится со мной:

— Удивительно, как они любят своих родителей! Как нежно говорят о своих забулдыжных папах и мамах. Их лишили родительских прав, но из детского сердца, их, видно, не вычеркнуть. Семейные дети хуже, по-моему, относятся к родителям, чем наши «подкидыши». Моя, например, дочка совсем не замечает меня, слова лишнего не скажет.

А их родители — ох и бестии! Пока детишки маленькие, родители про них не вспоминают. А как детишки в силу входят, вдруг объявляются папули-мамули со своими «чуйствами». И ребята им все прощают, никакого зла не помнят — лишь появись, лишь сделай видимость, что интересуешься дочкой или сыном…

Мальчишки-восьмиклассники, что избили девочку, оказывается, напились перед этим. Они еще на молодую воспитательницу напали, напугали ее.

Через день-другой узнаю: одного из восьмиклассников срочно выписали из детдома — обратно к матери-пьянице.

На мой взгляд, это действие совершенно непонятное и необъяснимое. И непедагогичное к тому же.

Детдом — учреждение, где собраны отнюдь не ангелочки. Это воспитательное учреждение. Произошла позорная, безобразная драка. Конечно, это ЧП. Оно должно обсуждаться, должны приниматься меры. Значит, неладно с воспитательной работой, с организацией досуга ребят, если подобное стало возможным. Но отправлять мальчишку туда, откуда его забирали несколько лет назад? Какой в этом смысл? Кому это надо? К чему это приведет?

Разумеется, ни к чему хорошему!.. Можно, конечно, изобразить дело так, что вот, мол, была заблудшая овца — и нет ее. А все остальные в детдоме — прилежные херувимчики. Но это будет совсем как в старой песенке: «Все хорошо, прекрасная маркиза…»

Разумеется, я не педагог и гляжу на эти педагогические решения как бы со стороны — из своей родной медицины (в ней,

кстати, своих проблем немало). Но мальчишку жалко. Оступился, а его еще подталкивают — падай дальше! Какая же это педагогика! Скорее демонстрация полного бессилия, на мой взгляд. Разве он нужен своей непутевой матери?..

Я высказал свои соображения директору, но он никак не отреагировал. Только посмотрел совсем как Алена Игоревна: мол, знайте, свои градусники…

В детдоме всего двое медицинских работников: Полина — медсестра — и я. Полина только что кончила училище. Коротко постриженная. Очень «директорская» по духу. Всегда ходит в балахонистом свитерке и похожих на спортивные шароварах. Увидеть ее в белом халате — событие.

Но я ее почти и не вижу. Она в детдоме рано утром, когда меня еще нет, и поздно вечером, когда меня уже нет.

Считает, что имеет склонность к педагогике. По совместительству работает в отряде как воспитатель.

Медкабинет при ней был неухожен до тех пор, пока я сам не взялся за благоустройство. На мой упрек Полина ответила:

— Не умею я создавать уют! Не дано мне этого!..

Я подумал: не здесь ли разгадка молодых педагогинь, их сокровенная тайна. Они все как Полина.

В большинстве женщин выражено древнее, как мир, материнское начало. Такие бессознательно создают вокруг себя атмосферу «гнезда»: порядок, уют. Но есть женщины, которым своего «гнезда» не соорудить вовеки.

Из таких Полина. Для них «гнездо» — детдом. Не ими сотворенный, не им принадлежащий. Тут можно поддерживать существующий «статус-кво» и не надо изобретать того, что не дано от природы…

Неужели в них начисто отсутствует материнское начало? Неужели тяга к воспитательству — компенсация, заполнение пустоты, которой природа не терпит?..

Но почему нет в них этого праначала, первоосновы женской души? Не потому ли, что все они забалованные, заласканные, «маменькины» и «папенькины» дочки?.. Все им готовеньким подносилось. Никаких навыков жизни, никакой практики альтруизма. Только родительская готовность потворствовать им во всем. И вдруг реальность — внешний мир, который не желает их признавать. И переживание комплексов. Встреча с директором, возможность самоутверждения, обещание самореализации. Но какой ценой?..

Димка сел за стол и смотрел, как я работаю. Я принимал

первоклашек, обрабатывал их царапины, укусы, порезы. Ждал, когда Димка заговорит.

— Что вы меня не гоните? — спросил он. — И вообще никого не гоните…

— А зачем? С вами интересней!

— А меня рокеры с собой брали, — сказал Димка, и я услышал хвастливые нотки в его голосе. — Здесь, в поселке, две семьи рокерских.

— Что это за семьи такие?

— Семья — это несколько рокеров и их вожак, их «папа».

— И куда же они тебя брали?

— Гонять, конечно. Только директору не говорите, ладно?..

— Так и гоняли все время?

— Остановки делали. Пожрать-попить, отношения выяснить.

— Какие отношения?

— Ну, одна девчонка ушла от «папы». К своему же рокеру. «Папа» избил этого парня.

— И парень дал себя избить?

— Нет, он защищался. Но «папе» другие помогали.

— Всемером на одного?

— Вчетвером. Порядок же должен быть.

— Теперь понимаю, почему твои приятели девчонку избили. Тоже для порядка…

— Она сама виновата. Вредная и доносчица.

— Вот и получается, она вредная, а вы ее — для порядка — по мордасам…

— Да нет, это, конечно, неправильно.

Иду с уборщицей, проверяю чистоту в спальных, туалетах, коридорах. Она дышит тяжело, даже при спокойной ходьбе запыхалась.

— Я тоже в детдоме жила, — рассказывает мне. — Девять лет. Отец и мать от сыпняка в войну погибли. Голодно было, и босиком бегали. Все были без родителей. И все держались друг за друга. Были как братья и сестры. Картошку за лакомство считали. Она вкуснее была, чем нынешняя, точно помню…

Уборщица говорит о том, что читано-перечитано, видено-перевидено, и я слушаю ее вполуха. Потом простая мысль поражает: ею-то все это прожито! Разглядываю ее внимательно. Дряхлая какая! Зачем ей еще работа? И начинаю слушать осмысленно…

Делаю обход в изоляторе — осматриваю больных. Вдруг является Сережа и начинает меня передразнивать.

— Может, уймешься? — прошу я.

— Я тут уже был, — говорит Сережа серьезно. — Привезли меня в этот детдом и сунули в изолятор. А я три дня ничего не ел и стекла все побил. Теперь-то но-овенькие…

Он задумчиво смотрит на окна.

— Зачем же бушевал тогда?

— А просто так… В знак протеста…

Он снова начинает кривляться. Я не обращаю на него внимания. Так он и фиглярничает всласть до окончания обхода. Я ухожу, а он остается в изоляторе…

Ленка приходит с порезанным пальцем.

— Знаешь, я ведь придумал слова к твоей музыке!

— Какой музыке?

— Ну помнишь, воробей вертел головой, ветка в окно стучала…

Пытаюсь напеть мелодию, сочиненную Ленкой, но получается плохо.

— Не помню! — говорит Ленка решительно. — Забыла!..

— Как же так!

— Да ерунда! — утешает Ленка. — Еще придумаю!..

Занимаюсь ее пальцем. А в ящике стола лежит листок со стихами, которые не понадобились…

Пришла учительница за медицинской документацией на второго восьмиклассника, что участвовал в избиении девочки. Как я понял, его тоже хотят выпихнуть из детдома — на руки тетке или опекуну.

Учительница раздражена:

— Очень нездоровая обстановка в коллективе. Очень плохая обстановка. Она неизбежно должна сказаться на детях. Эту дикую драку породили наши педагогические распри. И главный виновник распрей — директор. Он набрал девчонок, прикрылся ими, как броней, и давит на нас, на старый персонал. Нам не дают работать, нас обвиняют во всяческих грехах, нас вынуждают освобождать места для новых директорских кадров. А сами они при его попустительстве замалчивают такие вещи, за которые с нас бы голову сняли. Вы знаете, например, что в ноябре нашу первоклассницу сбила машина? А, не знаете!.. Она три недели в больнице пролежала. А кто про это знал в коллективе? Никто! Замолчали, замяли… Мало достать новые кровати или вестибюль зеркалами украсить! Это еще не делает из человека хорошего руководителя. Ты сумей соединить, сплотить людей, чтобы они действительно товарищами были. Вот тогда ты директор!..

Она берет бумаги на мальчика и уходит. Я сочувственно смотрю ей вслед. Говорила она убедительно, и разве не слышал я того же от Зинаиды Никитичны, разве сам не видел и не понимал…

Для чего же директору нужна его нелепая, самовлюбленная гвардия? Может, именно как наступательная, штурмовая сила, обеспечивающая захват «плацдарма», то бишь детдома?..

А потом он пошагает дальше — в облоно, в Минпрос или куда там еще?..

А что, все выстраивается… Прибрав к рукам детдом, вычистив его от «посторонних», директор получает свободу маневра. Он может спокойно выдавать желаемое за действительное. Например, советы в детдоме существуют формально. Но их можно представить как решающий фактор внутренней жизни коллектива. Разновозрастные отряды слеплены без учета не только психологических характеристик, но даже привязанностей детей. А их можно выдать за большое гуманное достижение, чуть ли не замену семьи… Да мало ли как еще можно сманеврировать! Полуправда, поданная умным, энергичным администратором как правда в последней инстанции, да еще приправленная соусом его личностного обаяния, может производить ошеломляющее впечатление. Поблефовать так некоторое время, отводя глаза комиссиям да проверкам, — и вот ты выдвинут, замечен, шагаешь наверх…

А девчонки небось видят в своем директоре этакого романтического героя. Бедные девчонки! Закомплексованные, запутанные, они потянулись к жизни действительной, к жизни духа. Но очутились в болоте, воображая, что взлетают…

Сила директора в том, что он сумел использовать их стремление к жизни подлинной себе на благо. А благо для него — карьера, известность, почет…

У Зинаиды Никитичны красные пятна на щеках.

— Скорей, Сергей Иванович! Там Дениска лежит!..

Она побежала — неумело, одышливо, а я следом за ней.

— Где он? — спросил на бегу.

— Там! Где бутылки сдают!..

Я ее обогнал и, подлетев к пункту приема, который притерся вплотную к детдомовской территории, сразу увидел мальчика. Он лежал на пустых ящиках. Рот раскрыт, лицо белое-белое, глаза безумные. Водил руками перед собой, словно что-то невидимое ощупывал.

Никого больше не было. Только ветер, горы ящиков да грязь,

намешанная десятками ног.

Я взял Денискину руку и проверил пульс. Он частил. Подбежала Зинаида Никитична и встала, шумно дыша.

— Что тут было? — спросил я.

— Гады… Нюхачи проклятые… Лешка из пятого… И еще один… Из поселка… Те удрали… А этого бросили…

Зинаида Никитична тяжело наклонилась и подняла из-за ящика прозрачный пакет.

— Это с него сорвала… А клей унесли… Гады… Делайте что-то, Сергей Иванович!..

— Идите впереди меня! Открывайте двери!..

Я поднял Дениску на руки, понес к спальному корпусу…

В кабинете сделал ему два укола, дал нашатыря. Мальчик очнулся, и его тут же вырвало. Зинаида Никитична обтерла полотенцем его лицо. Потом взяла из-под раковины тряпку, вытерла пол.

— Только директору не говорите про это, ладно? — попросила. — Директор его сразу отправит отсюда, а парнишка хороший…

Выписываю рецепты из медицинских карт — готовлю заказ на очки для сорока четырех человек. Приходит семиклассница.

— Дайте мне рецепт на очки!

— Ты видишь, я как раз готовлю все ваши рецепты.

— Мне мама обещала заказать! Ваших очков мне не надо!

— Хорошо, сейчас выпишу. А из общего списка тебя вычеркну…

Она уходит, а я отвлекаюсь от списка, думаю, качаю головой. Ничего я все-таки не понимаю. Какое-то странное учреждение, современный детдом. Зачем он нужен? Для чего? Чтобы пьяницы спокойно пили в хороших квартирах, полученных на детей?..

Нормальные родители тратят силы и нервы, дни и ночи, тратят большие деньги, пестуя своих детей. А эти «кукушки» подкинули своих государству, а потом, глядишь, облагодетельствуют ненароком: очки закажут или игрушку подарят. А детдом растит для них работников да заботников…

Отправил Дениску в центральную районную больницу на обследование. Он там пролежал две недели. Обнаружились отклонения в работе почек. Дениске выделили путевку в санаторий. И уехал он от нас в лесную школу…

Наташа уже второй раз прибегает с жалобами на живот. Я ничего не нахожу из заболеваний. Сводил ее в лабораторию

больницы — сдали все анализы. Вернулась Наташа с полными карманами конфет. Это ее поразило. Она спросила:

— Сергей Иванович, как вести себя, чтобы всегда всем нравиться?

— Будь веселой и не унывай.

— Я и так не унываю. Давайте еще в больницу сходим!..

Лучше всего в детдоме тем, кто совершенно не помнит родителей. Даже среди первоклашек есть такие. Мне их особенно жалко, но они сами не считают себя несчастными. Они не знают, что потеряли. Не могут оценить. Люди без корней. Детдом — единственное, что им знакомо. Их мир, их естественная среда, их экологическая ниша.

— Хорошо бы в Ивангород перевели! В тамошнем детдоме интереснее было!..

— А я бы в толмачевский опять поехал. Там тетенька одна очень добрая…

Почти все дети скучают по родителям, о встречах мечтают. А для этих «мама, папа» — расплывчатый сон, который, может, снился, а может, нет…

Будут ли они способны сами потом создать семью, эти подобия перекати-поля? Смогут ли стать настоящими родителями? Добрыми? Человечными?..

Иду с этажа на этаж с утренним дозором. В руках санитарный журнал — собираю в него все свои замечания. Застаю мальчишек-восьмиклассников в их спальной. Димка среди них.

— Здравствуйте! Чего не на уроках? Сачкуете?

— Было нас шестеро, Сергей Иванович. А теперь вот четверо.

— Двоих отчислили, да?

— Мы и сами не знаем. Все втихомолку.

— Так узнайте! Подойдите к директору и расспросите. Спокойно, не повышая голоса. Почему перевели ваших товарищей? Директор объяснит…

Мальчишки повеселели после моих слов, подняли поникшие головы, переглянулись. Я им подсказал, как действовать, а им как раз этого не хватало — действия, поступка. Теперь они смогут защитить своих товарищей, смогут потребовать объяснений…

Увидел директора в столовой, подождал, пока он пообедает, и насел на него.

— От вас нужна помощь. В подвале стеллажи необходимо сделать более высокими — там лужи на полу от талых вод. И новые разделочные доски заказать на кухню…

Договорить не пришлось. Директор сморщился и прервал

меня.

— Это сложно. Не знаю, где взять материал…

— Да ведь и СЭС предписала!

— А-а, пусть!..

Директор махнул рукой и ушел. Как же так, украсить зеркалами вестибюль — это не сложно, а новые разделочные доски для поваров — никак! Может, потому, что зеркала — эффектны, а досками не похвалишься?..

Основной недостаток наших ребят — невоспитанность. Элементарных навыков культуры им не хватает, простых моральных норм. Заходя в кабинет, не скажут: «Здравствуйте!» И в дверь никогда не постучатся: «Можно ли войти?..» С порога выпаливают, что им нужно. Требуют помощи, а не просят. И уходя, конечно, не прощаются…

Мне кажется, правила вежливости — то, с чего воспитателям следовало бы начинать воспитание. И еще с привития навыков опрятности.

Говорю об этом ребятам — они вроде бы слушают. И в то же время думают, наверное, с усмешкой — чудит, мол, доктор. А воспитатели вообще чувствуют себя особой кастой и на мои слова не реагируют.

Приехали заведующий районо и председатель райисполкома. Директор водил их по детдому, был обаятелен, даже ослепителен. Дольше всего задержал гостей в вестибюле, где рассказал с юмором, как трудно было достать зеркала…

Уезжая, визитеры его похвалили, и директор целый день ходил с «парадным лицом».

«Вот наглядное действие „эффекта зеркал“», — подумал я. — Директор пустил пыль в глаза приезжим, очаровал их мишурой, видимостью, и теперь его превознесут на каком-нибудь совещании. А рядом с ним будут «неделовитые» коллеги, которые больше думают о новых разделочных досках, чем о зеркалах. И никто не похвалит этих непрактичных коллег…

Сережа и Лена сидели у меня в кабинете и задирали друг друга. Я заполнял медкарты и слушал их краем уха.

— Что ты умеешь? — говорила Лена.

— Играть на флейте! — говорил Сережа.

— А я — играть на учителях!

— Как это?

— Любой учитель сделает, что я захочу!

— Врешь!

— Флейтист! А ты соврал хоть раз?

— А зачем?

— Где уж тебе, лопоухий! Слушайте, а давайте так соврем, чтобы все поверили! Давайте сочиним рассказ! Про детский дом!

— Лучше сказку! — предложил Сережа.

— Давайте, — неуверенно сказал я…

Так родилась идея. Начать сочинять мы не успели, потому что прозвучал сигнал на обед, и ребята умчались. А я ушел в больницу…

Узнал, что отчислять мальчишек-драчунов запретили. Слава богу, нашлись умные головы!..

Того парнишку, которого уже отправили к матери-пьянице, вернули назад в детдом. Другого тоже оставили в покое. Восьмиклассники рады. Здравый смысл все-таки победил, вопреки нашим ретивым «педелям», «педологам», или как там их еще…

Каждый раз, когда Зинаида Никитична приводит на осмотр свой отряд перед баней, мы с ней разговариваем. Ребята идут мыться, а мы решаем проблемы. Много времени это не занимает. Не успеют ее питомцы головы намылить, как она уже снова возле них. Но за недолгую нашу беседу мы успеваем наговориться — и она, и я.

В этот раз она высказала интересную, на мой взгляд, идею.

— Ребята наши в основном не сироты. У них отцы-матери есть. И усыновлять-удочерять их поэтому нельзя. Хотя, по-моему, это неправильно. Ребята есть удивительно хорошие. И жаль, что они лишены нормальной семьи. Я думаю, почему бы не ввести такое понятие или звание, как духовные родители. Пусть бы они юридических прав не имели на детей. Пусть бы брали их к себе только на выходные или на каникулы. Все равно — сколько бы они сумели сделать полезного!.. Конечно, институт духовных родителей создать нелегко. Надо для этого радикально перестроить работу детдомов: превратить их из закрытых учреждений в открытые. Чтобы люди, решившие взять шефство над детдомовцем, свободно могли прийти, познакомиться, выбрать. Поначалу погулять вместе, в кино сходить, в театр. А потом уже брать к себе. Может быть, и надолго можно отдавать детей духовным родителям, а не только на выходные? Как считаете?.. Такое звание предполагало бы бескорыстие. Духовные родители не права и льготы получали бы, а только обязанности. Они бы полностью отвечали за ребенка, могли бы его воспитывать, отдавать свою теплоту и душевность. Хотя проблем

тут сразу возникнет куча, это я понимаю…

Ребята распотешились — утром я обнаружил на двери изолятора красиво вырезанные из синей бумаги и приклеенные буквы: «Дом отдыха». Хотел их тут же отскоблить, а потом подумал: пусть изолятор будет так называться. К середине дня мне это даже понравилось. Несколько раз выходил из кабинета и любовался на дверь. Жаль, насовсем нельзя оставить.

— Не вы ли «Дом отдыха» сотворили? — встретил я Сережу и Лену.

— Не мы!.. — Сережа посмотрел хитро.

— А может, и мы! — сказала Лена.

— Над сказкой подумали?

— Ленка думала. А я только поддакивал.

— Слушайте, Сергей Иванович, как я бы рассказала. Жили-были воробьишки: два брата и две сестрички.

— И был у них брат-кукушонок.

— Не перебивай!.. Они его дразнили, что он неродной им, что его подкинули. А кукушонок переживал. Однажды он отправился искать своих родителей.

— И встретил медведя.

— Не перебивай!.. Не медведя, а медвежонка! Тот посмеялся над кукушонком и послал его к лисе.

— Медвежата разве злые?

— Не перебивай!.. Лиса хотела съесть кукушонка, и тут вдруг его мама-кукушка объявилась. Кукушка прогнала лису, но не узнала своего сына.

— А он ее узнал разве?

— Да не перебивай же!.. Она улетела, а кукушонок расстроился и заплакал. И тут он услышал крики. Это кричал медвежонок, он попал в капкан.

— Кукушонок помог ему открыть капкан…

— Опять лезешь… Медвежонок от радости подпрыгнул до неба. А потом вспомнил, что по лесу летали воробьишки — искали кукушонка.

— Он позвал воробьишек…

— Правильно, у него голос громкий. Воробьишки прилетели и попросили прощения.

— Тут и сказке конец…

— Ну как, Сергей Иванович, понравилось?

— Ага!.. Слушайте, а давайте сказку придумаем с песнями! Песня воробьишек, песня кукушонка…

— Правильно!.. — У Сережи загораются глаза.

Лена ничего не говорит. Она глядит задумчиво. Мне кажется,

она уже сочиняет песни…

Наташа:

— Сергей Иванович, вы так хорошо про свою маму рассказывали! А моя мама все равно лучше! Она была больная очень, сердце не в порядке. Ей запрещали меня рожать, а она взяла да не послушалась. Очень хотела быть со мной вместе. Мы с ней хорошо жили, весело. В кино ходили, по лесу гуляли. Я от мамы научилась любить лес. А однажды купались — я тогда в детсадик ходила, — и я как закричу: «Мама, тону!..» Пошутить хотела… Мама на берегу лежала. Она села, когда я закричала. А потом снова легла. Я как закричу снова: «Мама, тону!..» А она даже не шевельнулась. Я вышла на берег, а она, оказывается, умерла…

Наташа глядит на меня безмятежными глазами. Ей пока что не приходит в голову страшный вопрос: не она ли убила маму?..

Утром в понедельник делаю обход помещений. Нет в детях наших стремления к порядку, к чистоте. Ну хорошо, убирать кровати их научили. Но почему же бачки для мусора переполнены? Почему на полу возле них обрезки и обрывки бумаги? Почему горы мусора за бачками, на полу? Неужели трудно подсказать ребятам, внушить простейшую мысль — самим вынести мусор? Но детдомовцы считают это зазорным. Я понял по их репликам, когда разговаривал с ними. Вот уж барчуки, вот уж неженки! Откуда в них-то потребительская психология: сори, сколько хочешь, — убирать не тебе! Ответ, видимо, один — сами так воспитываем. Сами выбиваем почву у них из-под ног. Сами лишаем реального шанса осознать свое достоинство…

Какое уж тут самоуправление! Все разговоры о нем — блеф, игра в бирюльки. Потому что нет элементарного самообслуживания. Если школьник мусор не может убрать за собой, не дорос до этого, то как он будет сам управлять детдомом? На мой взгляд, самоуправление реально тогда, когда является потребностью, необходимостью детского коллектива. А его подсовывают, как погремушку, — нате, позабавьтесь. Какая от него польза? Ребятам-школьникам предлагают управлять старухами-уборщицами — вот что такое самоуправление в нашем детдоме…

Приехала комиссия — два санитарных врача для плановой проверки детдома. Директор сам водил комиссию. А мы с завхозом ходили как свита. Ругал директор производственное объединение, которое было тут же, в поселке, и считалось шефом детдома. Оказывается, директор просил построить хоккейную коробку и спортплощадку, но ему отказали. Я подумал: не проще ли было сделать спортплощадку силами самих ребят? Но вслух свой вопрос при комиссии не задал. Ругал также директор председателя попечительского совета. Ругал своих предшественников и медиков моих предшественников. Мол, почему и те и другие не ставили раньше серьезных вопросов — и медицинских, в том числе, — решать которые надо сейчас. Меня бы, видимо, директор тоже ругал. Но я был тут же и стеснял его.

В результате всех его демаршей в воздухе выткался образ незаурядного человека, полного творческих планов, но опутанного цепями по рукам и ногам…

— Ну и прожектер ваш директор! — шепнула мне одна из санитарных врачей…

Сочиняем дальше с Леной и Сережей свою сказку.

— Давайте сову введем! Для нее будет хорошая ночная песня!

— Пусть она будет умницей! Все не спит, все думает и думает!

— И крот нужен! Он такой… Как некоторые папы: все тащит себе.

— А я для лисы начало песни придумала!

— Спой, светик, не стыдись!..

Ленка свысока нас оглядывает, встает в позу и поет «лисьим» голосом:

— Я рыжа, рыжа, рыжа. Я хитра, хитра, хитра…

— Зайцы ждут меня, дрожа. Ждут и птенчики с утра! — подхватываю мотив.

— Не птенчики, а курочки, — поправляет Сережа.

— А медвежью песню кто придумает?

— Давайте я!.. — предлагаю ребятам.

— Хорошо, Сергей Иванович! А я лисью песню закончу!

— Так, может, магнитофон завтра принести?

— Подождите, Сергей Иванович! Прорепетируем, как следует, — потом и запишем!..

Юная педагогиня мимоходом заглядывает и скрывается. Мы не обращаем на нее внимания. Передо мной лежит тонкая тетрадка. В нее записаны первые слова нашей сказки. Я читаю предложение вслух. Ребята меня поправляют…

Осматриваю седьмой класс. Мальчишки проходят быстро и деловито. С девочками начинается мучение. Хихикают, огрызаются. Сбились, будто овцы, кучкой посреди кабинета и ни шагу к столу.

Входит Люда-беглянка — накрашенная, веселая, — и ситуация резко меняется.

— Девочки, я припоздала. Вы меня ждете, да?

Ей что-то шепчут на ухо, и она заразительно хохочет.

— Глупые! Доктор почти молодой мужчина! И безопасный — по должности. На нем надо тренировать свои охмуряющие силы! А вы упускаете возможность!..

Она быстро раздевается до пояса. Плавным шагом, работая на публику, подходит ко мне.

Я проверяю осанку, слушаю стетоскопом, спрашиваю, нет ли жалоб на здоровье.

— Есть!.. — Она делает серьезное лицо. — Хочу убежать снова да погулять. А в левой груди колет. Где точно — не пойму. Как нажмете, скажу.

Я осторожно пальпирую ее развитую по-взрослому грудь.

— Нет… Нет… Не здесь… Очень уж вы слабенько… Тут забыли…

Опускаю руку. Гляжу на Люду.

— Я красивая, да?

— Да! — отвечаю ей в тон.

Другие девчонки начинают раздеваться.

— Хотите, я после этих дурочек снова приду? — говорит Люда. — Потренируетесь, может, и найдете, где больно…

Я не отвечаю, осматриваю других. Чувствую, что уши горят…

Самый частый вид болезни в детдоме — травма. Порезы, синяки, укусы — это вообще мелочи быта, о них и вспоминать нечего. Случаются сотрясения головного мозга. Вчера третьеклассница спрыгнула с крыши сарая и ударилась о землю спиной. Сегодня у нее боли в пояснично-крестцовой области. Я ее госпитализирую в больницу, выдерживаю при этом ее яростные слезы, ее «не хочу», «не буду», «не пойду». С ней дружит моя Ленка. Когда я говорю, Ленка мурлыкает лисью песню из нашей сказки. Когда я замолкаю, Ленка подключается к уговорам…

Мы написали нашу сказку. Мы высидели ее в моем кабинете. Мы сочинили, спели ее, записали на пленку. Нам она понравилась. И ребятам, которые случайно забрели на первое представление, тоже. Наша сказка задевает, будоражит зрителей. Они ее не просто слушают — они ее переживают. Песни запоминаются тут же. И не беда, что мы даем спектакли не на сцене, а в медкабинете, — мы говорим о важном и нужном для ребят. Вот она, эта сказка, столько времени, сил, надежд у нас отнявшая…

На уютной лесной опушке жила-была звонкая воробьиная семья. Папа-воробей и мама-воробьиха с утра до вечера летали по делам. А детишки-воробьишки играли, ссорились и мирились — в общем, занимались обычными ребячьими делами.

Мы — веселые девчонки.
Мы — веселые мальчишки.
Наши песни очень звонки.
Мы — малышки-воробьишки.
Мы с утра по веткам скачем,
Мы устраиваем драки.
Не умеем мы иначе,

Воробьишки-забияки.
Вкусных червяков и зёрна
Нам приносят папа с мамой,
Мы хватаем их проворно
С ненасытностью упрямой.
А потом опять хохочем,
А потом опять играем.
Так живем мы в доме отчем
Над лесным пушистым краем…

Звали воробьишек так: Чирик, Чивик, Чулик, Чивка, Чирка, Гук. Всё они облазают, всё высмотрят и обсудят. А когда устанут от беготни, начинают дразнить Гука, чтобы не скучно было. Гук — большой, неповоротливый, черный.

— Ты какой-то неправильный! — говорит Чирик.

— Ты, наверное, ворона! — говорит Чивик.

— Воробьи такими не бывают! — говорит Чулик.

— Все перья перекошены — как с чужого плеча! — говорит Чивка.

— Кто тебя полюбит, нескладеху! — говорит Чирка…

Гук и сам чувствовал, что не похож на других. Он молча слушал братцев и сестричек и не возражал. Когда ему совсем грустно становилось, он уходил в лес и пел свою песенку.

Я не знаю, кто я такой,
Каково мое имя?
На меня махнули рукой.
Кто всерьез меня примет?
А я, может быть, самый внимательный,
Самый щедрый и самый заботливый,
Самый ласковый, обнимательный.
Самый добрый и нерасчетливый.
Все хотят меня заклевать,
Но за что же, за что же?
Где отец мой и где моя мать?
Кто понять меня сможет?
А я, может быть, самый внимательный,
Самый щедрый и самый заботливый,
Самый ласковый, обнимательный,
Самый добрый и нерасчетливый…

Однажды Гук спросил:

— Что же мне делать? Как узнать, почему я такой?

— А ты сходи к сове! — сказал Чирик.

Говорят, она мудрая, — сказал Чивик.

— Своим клювом она любую тайну раскусит, — сказал Чулик.

— А глаза у нее большие, как Луна! — сказала Чивка.

— Она тебе все объяснит, — сказала Чирка…

Целый день искал Гук сову и только к вечеру нашел. Сидит она в чащобе на березовом пне и мурлыкает что-то. Гук прислушался и вот какую песенку разобрал.

Легко ли это — быть совой,
Быть вечно на посту,
Глядеть бессонной головой
В ночную темноту!
И все на свете понимать.
И видеть, что Луна,
Как будто ласковая мать,
Вниманием полна.
И сожалеть о тех, что спят,
Всей мудростью совы —
Они от головы до пят
Как будто бы мертвы.
Лишь умный ночью на посту.
Лишь умным не до сна.
И понимают красоту
Лишь совы да Луна…

— Здравствуй, сова! — сказал Гук.

— Ты кто? — спросила сова.

— Я не знаю.

— Зато я знаю. Сейчас вспомню… Ты — кукушонок!

— А что это значит?

— Это значит, у тебя никогда не будет своего дома.

— А мама с папой у меня есть?

— Твои родители — кукушки.

— А как их найти?

— Путешествуй, спрашивай…

Отправился Гук на поиски родителей. Идет и поет:

Пока смеюсь, в моей груди как будто в яркий сад окно.

Что? Неудача впереди? Разлука? Слезы? Все равно!
На небе мало ль было туч? Но побеждает солнца луч,
И ты таинственно могуч, как бог, пока тебе смешно…

Вдруг песенка прервалась, потому что Гук увидел кого-то белого и пушистого.

— Какой ты мягонький! — сказал Гук. — Тоже, наверное, птенец?

— Я заяц.

— А что значит быть зайцем?

— Это значит: бояться и смеяться. Бояться, что кто-то тебя съест. И смеяться над тем, кто хочет тебя съесть.

— А ты не знаешь, где мои родители? Они кукушки.

— Не знаю. Но если услышу про них, я тебя догоню.

— Спасибо, зайка! — сказал Гук и отправился дальше. Он шел и пел.

Пока смеюсь, в моей груди как будто в яркий сад окно.
Что? Неудача впереди? Разлука? Слезы? Все равно!
На небе мало ль было туч? Но побеждает солнца луч,
И ты таинственно могуч, как бог, пока тебе смешно!
А если в гневе голова и злые плещутся слова,
Глаза — как дохлая плотва, как ржавое веретено.
И думаешь: «Смеяться? Нет! Пускай смеется тот, кто сед!
Он видел свет прожитых лет, а у меня в душе темно!..»
Смех — пограничная черта… Но правит миром Доброта,
И у последнего крота найдется яркое зерно.
Один живет, как будто спит. Второй, как злой шакал, вопит.
А третий годы просидит за картами и домино…
Но улыбается малыш: «Ах, глупый мир! Ты так болишь!
Как будто, кроме трудных слез, тебе другого не

дано!
Засмейся, и любой вопрос, оттаяв, сделается прост,
И ты дотянешься до звезд, живя красиво и умно…»

— Кто тут хулиганит? — вдруг раздался голос из-под земли, и оттуда высунулся недовольный коричневый зверек. Он щурился и моргал, хотя вокруг была уже настоящая ночь.

— Ты птенчик? — спросил Гук. — Ты тоже кукушонок?

— Я взрослый и преуспевающий крот.

— А ты добрый?

— Мне некогда быть добрым! Мне надо преуспевать!

— Преуспевать — значит, быть одиноким, да?

— Какой ты глупый! Слушай и запоминай!

Я блаженствую в теплом жилище.
И пускай позавидуют мне!
Ах, как много одежды и пищи,
Ты ее не износишь во сне,
Ты ее не сжуешь и во сне!

Я все понял, всего я добился,
Я во всем в этом мире успел.
Не постился и не утомился,
Потихоньку до счастья дорылся,
От любых непогод уцелел.

Говорят о каком-то там «свете»,
О мерцанье какого-то «дня».
Я не слушаю сказочки эти,
Только норку родную ценя —
Ничего нет светлей для меня!..

— А моих родителей ты не видел? — спросил Гук.

— Какое мне дело до твоих родителей! — сказал крот и спрятался под землю.

Гук подождал — может, он появится, прилег под кустик и уснул. Утром он снова пустился в путь. Шел он,

шел и вдруг наткнулся на спящего зверя.

— Эй ты, — проворчал зверь, открывая глаза, — куда торопишься?

— Иду искать папу с мамой.

— А у тебя их разве нет? Вот бедняга!

— А у тебя родители кто?

— Они медведи. Я бы пошел с тобой, но медведь может дружить только с медведем, так меня учат.

Если ты силен безмерно
И при том несуетлив,
Значит, ты умен, наверно,
И красив, и справедлив.

Если ты силен безмерно,
Значит, ты умен, наверно!
При тебе любые звери
Тише солнечных лучей.
Для тебя открыты двери
Без отмычек и ключей.

Если ты силен безмерно,
Значит, ты умен, наверно.

Мы не любим всяких вредин,
Подхалимов, злюк, хитрюг,
Лишь медведь, дружа с медведем,
Знает, что такое друг!

Если ты силен безмерно,
Значит, ты умен, наверно…

— А про кукушек ты не слышал?

— Папа говорит, что они от зависти мешают чужому счастью.

— Будь счастливым всегда! Я тебе не помешаю!..

Гук долго шел, никого не встречая. И загрустил. Чтобы себя приободрить, он запел песенку.

Если дома папа, мама,

Лампа светит на столе,—
Это значит, самый-самый
Ты счастливый на земле.
Если братья, сестры рядом
Все с тобой до одного,—
Это значит, что не надо
В жизни больше ничего.
Только б знать родную дверцу.
Знать, что дом твой не вокзал.
Только б тот, кто дорог сердцу,
Никогда не исчезал!
Только б знать, что ты с друзьями,
Только б знать — с тобой друзья.
Над полями, над лесами
Светит звездочка твоя..

И тут он увидел рыжего зверя, который подкрадывался к нему.

— Ты чего? — закричал Гук. — Я маме скажу!

— У тебя мамы нет! Я все подслушала!

— Ой, кто там? — крикнул Гук. — Обернись!..

Лиса обернулась, и Гук спрятался за дерево.

— Что ты зря кричишь?.. Где, где ты?.. Забрался небось на дерево?..

Лиса уселась на землю и, подняв голову, стала ждать. При этом она напевала.

Я рыжа, рыжа, рыжа,
Я хитра, хитра, хитра,
Зайцы ждут меня, дрожа,
Ждут и курочки с утра.
И любой, кто не хитер,
Попадет ко мне на зуб.
Я как будто бы костер —
В нем сгорает тот, кто глуп.
Никому не одолеть
Сети, свитые лисой.
Я сильнее, чем медведь.
Я быстрее, чем косой.
Не сумеешь обмануть —
Не сумеешь победить.
Только в этом жизни суть,
Только в этом к счастью нить…
Я рыжа, рыжа, рыжа.

Я хитра, хитра, хитра.
Зайцы ждут меня, дрожа.
Ждут и курочки с утра…

— Ку-ку!.. — вдруг прозвучало с соседнего дерева.

— Кукушка, — крикнула лиса, — сосчитай мои годы!

— Ку-ку… — сказала кукушка и замолчала.

— И все?.. — спросила лиса с досадой. — Глянь-ка, нет ли там птенчика не ветках?

— Нет! — сказала кукушка.

— Вот негодник! Обманул! Пойду других искать!..

Лиса удалилась, напевая свою песенку.

— Мама, — крикнул Гук, выйдя из-за дерева, — это я, твой сынок!

— «Мама», «сынок» — непонятные слова! — сказала кукушка. — От них делается скучно!

— Мама, где твой дом? Пойдем туда!

— Еще одно непонятное слово! У меня нет дома!

— Тогда построим его, хорошо? И будем жить вместе!

— Я ни с кем не могу жить вместе! Я наблюдаю за временем, я им распоряжаюсь! Всякие мелочи не для меня!

На перекрестиях дорог сижу в засаде,
Я не жалею рук и ног — чего же ради?
Слежу за временем, связать пытаюсь нити,
Когда какая-то гроза разъединит их!
Есть у других и дом и сын, а мне не надо.
Отдам я годы, дни, часы другим в награду.
Мне не понять, зачем ругать мои вояжи!
Пусть я одна! Пусть я не мать! Но я на страже!..

Кукушка замолчала и улетела. Гук хотел броситься за ней. И вдруг услышал крики:

— Ой-ой-ой!.. Как больно!..

— Я сейчас!.. Я бегу!.. — Гук бросился на помощь. Он увидел между деревьями того медвежонка, с которым встречался раньше.

— Ой-ой-ой!..

— Что случилось?

— Моя лапа! Она попала в капкан! Папа говорил, что

надо быть осторожным! А я не послушался!..

— Сейчас!.. Я помогу!..

Гук попробовал разжать капкан, но ничего не получилось. Тогда он стал ползать вокруг капкана и разглядывать его. В одном месте он увидел маленькую дырочку и сунул в нее клюв. Он повертел клювом туда-сюда, и вдруг капкан, щелкнув, открылся.

— Не понимаю, как я это сделал! — сказал Гук.

— Ура! — закричал медвежонок. — Твой клюв стал ключиком, вот и все!

— Как это просто! — сказал Гук.

Медвежонок прыгал вокруг него и выкрикивал радостную песню:

Как хорошо скакать, бежать, вертеться, кувыркаться!
Как хорошо пройти, смеясь, по тысяче путей!
Как хорошо мальца-птенца любить, как будто братца,
Как хорошо любить всех-всех,
всех-всех лесных детей!
Как хорошо узнать о том, что сила не в почете!
Узнать о том, что доброта и разум всех сильней!
Найдите доброту в душе, и вы весь мир поймете!
Найдите в сердце доброту — и будьте вечно с ней!..

— А ты говорил, медведю нужны только медведи!

— Я спрошу у папы с мамой, почему меня учили неправильно!

— Будешь дружить со мной?

— Буду, конечно!.. Ой, слушай, а вдруг это тебя искали?

— Кто искал? Когда?

— Пролетали тут недавно воробьишки и звали Гука!

— Это меня! Меня звали!

— Сейчас я крикну их!.. У меня голос громкий!..

Медвежонок набрал воздуху в грудь, открыл рот да как закричит:

— Эй, воробьи!.. Гук здесь!..

— Где?.. Где он?.. — послышались голоса, и, откуда ни возьмись, появились братишки и сестренки Гука.

— Здравствуй! — сказал Чирик. — И не сердись! Нам без тебя было скучно!

— Ты наш братик! — сказал Чивик. — Пусть и не похож на нас!

— Мы были глупыми! — сказал Чулик. — Папа с мамой нам объяснили!

— Папа домой нас не пустит, если тебя не найдем! — сказала Чивка.

— А мама сказала, что мы никогда не сможем летать высоко, если ведем себя низко! — сообщила Чирка…

— Спасибо вам! сказал Гук. — Вы такие хорошие!..

Они запели песню воробьишек. И медвежонок пел вместе с ними.

Мечтаем. Сережа, Ленка и я.

— Устроим представление в детдоме. В актовом зале. Костюмы сами сделаем.

— Потом выступим по радио.

— Можно по всем детдомам проехать. Пусть все услышат.

— А вдруг по телевизору покажут?

— А что! Ведь интересно же!

— А деньги нам заплатят за это?

— Кучу!

— Круглый год буду есть пирожные!

— С лимонадом?

— Ага!

— Может, еще поработаем? Улучшим текст…

— Ну что вы!

— И так здорово!

— Молодцы мы все-таки!..

Мечтаем долго и упорно. Очень «вкусное» занятие…

Отметил, что детское отделение больницы стало работать хуже. Взять выписки — тут бог знает что! Я, как врач детского дома, ничего не могу узнать из тех бумажек, что сейчас выдаются ребятам. Там указано: лечился с такого-то по такое-то с таким-то диагнозом. И все! Что получал? Какие препараты? Какие процедуры? Какие проводились обследования? Каковы их результаты? Какие рекомендации может дать стационар?

Ответов на эти элементарные вопросы нет!

Сходил два раза к заведующей отделением, попросил указывать в выписках хотя бы результаты обследования — анализов крови, мочи и так далее. Но безрезультатно.

Тогда написал докладную главврачу больницы. Жду, как он

отреагирует…

Двадцать третьего февраля пришли девчонки, Ленка и еще две, поздравили с праздником и хотели мне подарить книгу — толстый томик русских народных сказок. Хорошо, что в кармане у меня были конфеты. Я отдарился ими и отказался от книги. Целая перепалка вышла, и девчонки, как мне кажется, ушли недовольные. Сережа в этот день не заглядывал, но зато двадцать четвертого я ему в свою очередь вручил книжку про пограничников…

— Счастье ваше, что вы не педагог, — размышляет Зинаида Никитична, пока я помогаю ей комплектовать отрядную аптечку. — Можете просто общаться с детьми. Без всяких «воспитательских комплексов». А нам, учителям, плохо. Мы ведь не учим, нет. Потому что учить — значит передавать определенный стиль жизни, стиль мышления. Мы информируем детей о том, о сем. Причем информируем узко и плоско. Ибо все у нас раздроблено, в нашем деле. Учителя разделены по предметам, которые преподают. Воспитание — самый неделимый на свете процесс — мы умудрились разрезать на виды: эстетическое, патриотическое и так далее. Будто они существуют и в самом деле, эти «виды»! Если я говорю о красоте архитектурных ансамблей, чем я занимаюсь — эстетическим воспитанием или патриотическим? Не дай бог, перепутаю, не тот ярлычок навешу, не в ту графу отчета запишу…

Где цельность? Где единство педагогики? По-моему, наша раздробленность от того, что мы имеем груду развалин, а не науку. Там, где мы говорим «узкий профиль педагога», «отдельный вид воспитания», можно проще сказать: «обломок», «осколок». Среди всеобщей разделенности нас гложет тоска по гармоничной общности, по гармоничному единству. Нашу систему воспитания надо менять. Она примитивна. Даже более того — она первобытна. Но на что ее менять?..

Димка просится в изолятор.

— Ну положите, Сергей Иванович! Ну что вам стоит! Ну хотя бы только на завтра!

— А что завтра? Контрольная?

— Нет, меня завтра бить хотят!

— Кто?

— Ну, та «семья» рокеров! С которой ездил!..

— За что бить-то?

— Да я с другими поехал. А в той «семье» решили, что я их предал…

— Конечно, ложись. Можешь не день — больше пробыть. Только следи за чистотой в палате, ладно?..

Три дня Димка пробыл «пациентом» и никакие рокеры его не беспокоили…

А я в это время усиленно думал о последнем разговоре с Зинаидой Никитичной. О том, что «нашу систему воспитания надо менять». И чем больше думал, тем больше понимал, что ее слова многое объясняют. Мы в медицине тоже привыкли к неправильному воспитанию — через окрик, через запрет, не иначе. Возможно, подсознательное желание «перемены системы» и подталкивало меня к перемене работы. Но осознал я это желание только сейчас.

Но ведь мало сказать, что нынешняя воспитательная система не устраивает. Надо что-то предложить взамен. Что-то придумать, изобрести, выстрадать…

Родные часто откупаются от наших детдомовцев, я заметил такую тенденцию. У одного на руке дорогие электронные часы, другой играет дорогими коллекционными машинками, у третьего в кармане еще какая-нибудь дорогая мелочь. Ребята лишены любви и доброты, материальных лишений они не знают. И все-таки, видимо, в каждом живет ощущение, что им недодали, которое так или иначе может прорываться…

Вот Сережа сочинял сказку, вот с удовольствием пел песню кукушонка — и вдруг утащил баночку поливитаминов и все их съел за один присест. Потом он маялся, чесался, покрылся красными пятнами. А я недоумевал, зачем ему нужна была эта кража? Ведь поливитамины и так дают им каждый день — всему отряду, в возрастных дозировках. Или это обычная детская логика: одно-два драже — малое благо, а целая баночка — большое благо? Или сработал комплекс ущемленности, обделенности, который есть в любом детдомовце? Дай-ка я компенсирую себе то, чего мало…

Я ни слова не сказал Сереже в осуждение, не бранил его, и он продолжал ходить ко мне как ни в чем не бывало…

Ленка прибежала, глаза большие.

— Сергей Иванович, у Наташи кровь идет!

— Откуда?

— Откуда, откуда!.. Все трусы в крови, неужели непонятно, откуда.

— Веди ее сюда…

Ленка исчезла и вернулась вместе с подругой. Я вспомнил

недавние Наташины жалобы, расспросил ее, подумав сначала о травме или почечном заболевании. Наташа себя чувствовала хорошо, и я быстро отбросил мысль о болезненной причине кровотечения. Девочке одиннадцать лет, и у нее впервые в жизни началась менструация. Поскольку мамы у Наташи нет, мне пришлось вместо мамы объяснять, в чем тут дело. Я ей рассказал о взрослении, о превращении девочки в девушку. Рассказал, как себя вести в такие тревожные дни.

— Значит, дети будут? Не хочу!.. — очень эмоционально воскликнула Наташа после моего рассказа.

И я ей терпеливо говорил о великом женском деле — рождении детей. И о любви.

Когда замолчал, увидел по девчонкам, что они прониклись полным доверием ко мне.

Ленка:

— Нам мальчишки говорили, что мы рожать будем. Но ведь это больно, когда из живота ребенка достают. Да, Сергей Иванович?

Наташа:

— Дети тогда бывают, когда мужчина и женщина вместе в постели? Да, Сергей Иванович? Или тогда, когда они поцелуются?..

И я снова говорил им о любви как о самом светлом чувстве. И думал о том, что детдомовских детей мещанская молва обычно представляет как «все познавших» и «испорченных». А они, в массе своей, просто дети, обычные дети, вопреки любой дурацкой молве…

Многие наши ребята — воришки и попрошайки, я неоднократно в этом убеждался. Они набиваются в кабинет с какими-то жалобами и не уходят после оказания им помощи. Один прилипает к стеклянному шкафчику с лекарствами и как бы невзначай заглядывает в него. Другая лезет в пенал, где опять же всякие медикаменты. Третья роется в бумажках на столе, четвертый вытягивает фломастер из карандашницы, пятый что-то отвинчивает от зубоврачебного кресла, шестой… — да где уж мне уследить за шестым.

Если я прикрикну, начну совестить, они делают послушные лица, но глаза их остаются лукавыми. Они начинают канючить, если видят, что стащить невозможно.

— Сергей Иванович, дайте мне эту бутылочку! Ну пожалуйста!..

— А мне — этот бинтик! Дайте, жалко, что ли!..

Бывает, я сдаюсь. Тогда они уходят довольные. Но если они

клянчат что-то невозможное (например, мой стетоскоп), тогда я, конечно, держусь. Но и они, если заведутся, остановиться уже не могут. Ноют и ноют, словно комары над ухом. Берут меня измором. В таких случаях я терплю долго, а потом, чтобы не вспылить, беру очередного попрошайку за плечи и мягко вывожу из кабинета…

Моя докладная главврачу больницы о неправильной выписке ребят из стационара дала хорошие результаты. Заведующая детским отделением не только стала присылать правильные выписки, но и переписала старые некачественные. Я рад и за себя — можно лучше заботиться о ребятах, — и за коллегу: ведь я посчитал было, что ей на это наплевать…

— Все меня ругают, — говорит Димка-восьмиклассник. — Но не такой уж я плохой! Меня даже усыновить хотели…

— А почему не усыновили?

— Очень старые были. Своих детей не завели, а я им понравился. А все отговаривать стали. Сказали, что они мучиться будут…

— Из-за этого не взяли?

— Из-за документов. Старикам сказали, что они выгоду ищут.

— Как это? И откуда ты знаешь?

— Да сами они говорили. Приходили извиняться… Одни сказали, что им надо квартиру побольше. Другие — что они себе домработника хотят. А третьим показалось, что старики из ума выжили. И направили их… ну, к этим врачам…

— К психиатрам?

— Ага. А им там справку, что они нормальные, почему-то не сразу выдали. Из-за этого дед в больницу попал. В сердечную. А бабка ухаживала за ним.

— А потом?

— А потом извиняться приехали. Мне костюм новый подарили. Красивый. Они вообще-то добрые…

Димка грустнеет на минутку и тут же стряхивает с себя грусть, снова становится бесшабашно-разболтанным.

А я думаю, почему не поверили в доброту стариков те, кто гонял их за бумагами? Почему искали корыстный интерес в бескорыстном решении бездетной пары? Разве доброта требует оправдания, обоснования? Разве нужно ее доказывать как некую сомнительную теорему? Разве так ее много, чтобы топтать ее и глумиться над ней?..

Наташино признание почти совпало с Димкиным. Закон

парных случаев. Вообще я заметил, что добиваться откровенности не надо, не надо напрашиваться на нее и вызывать ее искусственно. Ребячья откровенность всегда проявляется вдруг, невзначай, внепланово…

— Меня брали в дочки, — рассказывает Наташа. — Папа был директором магазина, мама — переводчицей. Они богатые очень. Все блестит, и ничего трогать нельзя. У меня в комнате гарнитур стоял. Я его взяла и обклеила любимыми картинками, которые из детдома принесла. Мама просила-просила, чтобы я их соскоблила, но я не послушалась. Потом стали ко мне девочки прибегать. Уроки делали, играли. У меня всегда друзей много. А маме с папой это не нравилось. К ним-то самим никто домой не ходил. Только в ресторане веселились… Я вообще-то непослушная была, это точно. Но разве можно сразу начинать их слушаться! Пусть бы сначала показали, что в самом деле меня любят! Они, пока ходили в детдом, были добрые. А как привели меня в свою квартиру, только распоряжались. Поди туда, принеси то, сделай это. Как в сказке! А я ведь свободный человек, правда?..

Наташа говорила агрессивно, готовая на меня накинуться, если хоть как-то возражу. Я слушал и словно бы видел ее за спиной всех детдомовцев. Они часто мне казались бездушными, колючими. Но их ли надо винить в этом? Они заледенели, они обросли не колючками, а сосульками. Терпение и тепло, тепло и терпение нужно им. Но легко ли дать это? Мы-то, взрослые, разве сами не позвякиваем на ходу? То ли это монетки звенят в наших кошельках, то ли льдинки — в наших сердцах…

Было назначено производственное совещание. Я немного опоздал. Уселся в переднем ряду и стал слушать. Незнакомая женщина зачитывала анонимное письмо, направленное против директора. В нем низменно трактовались отношения директора с педагогинями.

Сотрудники детдома слушали и молчали. Чтение закончилось — тоже молчали. Старые, от лица которых было написано… Молодые, которых задевали…

Я оглядел их всех. Ну, кто встанет? Кто возмутится? Кто возьмет на себя труд начать отповедь?..

Никто не начинал. Я уловил на лицах некую готовность. Они готовы были поверить — все-все-все — в то, что прозвучало. Если не поверить, то, по крайней мере, принять к сведению. Ведь «дыма без огня не бывает…»

Проклятая — знакомая и непостижимая — готовность! Чуть какой черный слушок… Чуть какая злая молва… И сразу

присловьице наготове — про дым и огонь… И сразу напрочь забываются миллионы оклеветанных безвинно. Загубленных без причины…

Ах, какой страшный дым, какая липкая плотная завеса бывает без огня! Нам ли не знать, россиянам!..

Я встал и возмутился. Почему мы должны слушать эту грязь? Почему должны обсуждать ее? Надо отослать анонимку в прокуратуру — пусть разберутся, кто состряпал…

После моих выкриков собрание оживилось. Выступила дама из роно. Выступил директор, у которого дрожали руки. Он сказал, что он хороший и никаких анонимок не боится. Выступили воспитатели — старые и молодые…

Не директора я защищал. Не в его поддержку говорил… Открытые навстречу мерзости лица — вот что не забыть, вот что страшно…

Сережа сегодня ненормальный. Бледный, вялый, растерянный.

— Сон плохой увидел, — говорит неохотно. — Будто я стою во дворе большого городского дома. Ночь. Небо такое чистое. Звезды. И где-то далеко-далеко словно комар пищит. А я знаю, что надо всех будить. Иначе будет так плохо, так плохо… И знаю, что уже не успеть, уже поздно. Стою во дворе, и слезы по щекам льются. А комар ближе стал, громче. И уже слышно, что это не один комар, а целая стая — звук идет со всех сторон. Сильнее и сильнее гудит. Мне ясно, что это не комар — что-то неживое, ужасное. Разеваю рот, хочу перекричать. А вокруг уже вой, нет сил его слушать. Это летит смерть…

Сережа оживляется, рассказывая. Розовеет. Будто сбрасывает с себя нелегкий груз увиденного во сне.

— А люди спят себе и спят. Все окна пусты и темны. Только луна — белая, как снег, — отражается в каждом окне…

И вдруг луч света метнулся. Какой-то прожектор включился, один-единственный. Я увидел в его свете, как падает сверху Смерть. Она была длинная, как змея. И много стеклянных глаз, и в каждом глазу тоже белая луна…

Все вспыхнуло беззвучно. И стены стали падать на меня. Они крошились, ломались, как льдины в ледоход. И за каждый обломок держался человек. Тысячи обломков и тысячи людей. И все падали на меня… И тут я проснулся…

Работая в детдоме сегодня, можно стать человеконенавистником. Можно, жалея ребят, возненавидеть мужчин и женщин, которых видишь на улице. Ведь среди них

гуляют папы и мамы наших воспитанников. Нет, не добрый взгляд на мир из нашего детдомовского окна. Это как наваждение, такие мысли, настроение такое. Надо головой потрясти, надо ущипнуть себя, чтобы наваждение рассеялось. Надо напомнить себе, что большинство людей нормальные…

Марина — девочка неприятная. Так мы считали с Зинаидой Никитичной. Внешне красивая — чернобровая, черноглазая, — поведением своим она не вызывала симпатий. Обижала малышей — дергала, толкала, причем старалась это сделать исподтишка. Взрослых не слушалась. Говори, убеждай, приказывай — она, как пень. Стоит, потупившись, разглядывает что-то у себя под ногами. Или начинает, высунув язык, строить гримасы…

Когда пришла женщина и сказала, что хочет удочерить девочку-сироту, никто не питал надежд насчет Марины. Но чем-то они приглянулись друг другу. Женщина стала регулярно появляться, всегда с подарками для «дочки». А Марина ждала «маму» и важно рассказывала всем, что та принесет ей конфет. «Когда не было мамы…» — стала говорить Марина. «Когда не было мамы, я была плохая…», «Когда не было мамы, птички не пели…», «Когда не было мамы, я ночью плакала…» Эти слова «когда не было мамы» — разделили ее жизнь на две части, обозначив подлинное ее начало, точку отсчета, от которой она все теперь мерила. На наших глазах она становилась ребенком, настоящим ребенком, а не тем колючим дикаренком, которого мы привыкли видеть…

А потом — не знаю, как сказать, — потом женщина, ее «мать», пропала, исчезла, перестала приходить. От Зинаиды Никитичны я узнал, что она «передумала».

Об этом бы надо написать большой и неторопливый рассказ. Надо бы написать и про «доброжелателей», которые сообщили Маринке, что «мама» ее бросила. Надо бы написать, как Маринка плакала, упав на пол… Надо бы написать, как мы ждали, что она снова превратится в неуправляемую дикарку. Но она осталась тихой и послушной девочкой…

Но пока не могу. Слишком все это свежо.

Семиклассница Люда сидит напротив меня, положив ногу на ногу. На ней дорогие сапоги, зеленый шерстяной костюм. На лоб спущена кокетливая челка.

Поскольку в начальных классах она училась не по одному году, по возрасту она, конечно, старше любой семиклассницы.

— Что вы меня разглядываете? — говорит она. — Хотите чего-нибудь? Так я пожалуйста!

— Ты со всеми… вот так?

— Нет, конечно! Стариков не люблю! А вы еще не старый!

— Зачем тебе все это?

— В этом мой талант! У каждого свой талант. У меня — вот этот.

— Неинтересный… «талант».

— Не врите вы, ради бога! Ни капли правды кругом!

— Что я тебе наврал?

— Да будто вам неинтересно! Я пальцем поманю, и вы за мной, как собачонка!..

— Оставь свой тон! Я тебя понять хочу.

— А чего меня понимать! Я вся тут!..

В ее глазах наглое торжество. Красивый упитанный звереныш…

Девочка из четвертого класса «на спор» присела сто раз, а потом ее тошнило, рвало, был понос, болели ноги, и я ее выхаживал в изоляторе. Другие девчонки вздумали закаляться, босиком бегая по снегу. Почему-то девочки активнее мальчиков в плане приобщения к жизни. Так мне сегодня кажется. Из мальчишек только Димка себя закаливает — уже почти год каждое утро обливается холодной водой в бане…

Поговорил с директором на повышенных тонах. Он стал пенять, что питание в детдоме плохое. Я не согласился. Он стал кивать на «Зеркальный» — вот там-де здорово. Я возразил, что «Зеркальный» — образцово-показательный лагерь. Там школа пионерского и комсомольского актива. Там штаты другие и не такие возможности, как у нас. Он сказал, что у нас должно быть так же. Я сказал, что у нас и так неплохое питание, а если кто его и портит, так только он сам. Я, например, запретил консервированные зеленые помидоры в пищу, а он разрешил. Я запретил зимой давать мороженое, директор разрешил…

Во время детдомовских праздников нет никакого контроля за едой. После Восьмого марта, например, я положил шесть девчонок в изолятор потому, что, по их же словам, они «обожрались» халвой. Нужны ли такие «лукулловы пиры»? Я не против того, чтобы доставлять радость нашим ребятам. Но радовать их надо с умом. Чтобы минутная радость на другой день не оборачивалась болезнью.

Директор стал доказывать, что он все делает для детей, а не для себя. Демагогия! Однако мы договорились, что запретов на пищевые продукты я самостоятельно делать не буду. Только после согласования с ним…

Наташа пришла жаловаться на Сережу:

— Повлияйте на него, Сергей Иванович! Он только с вами сейчас хороший, а больше ни с кем. После подъема не встает. Спит себе, как медведь, — портит нам показатели. Если мы вмешаемся, он ругается, да какими словами!.. А если воспитательница придет, он и ее не слушает. Даже обзывается. Совсем дикий стал. Каждый день у него по три драки, не меньше. Он не сильный, зато бешеный. Заведется — страшно делается. С ним никто из мальчишек связываться не хочет. Они, по-моему, рады, что он такой. Всё на него валить стали. Сами нашкодят, а он виноват. Вы поговорите с ним обязательно. Пусть он одумается…

Наташа не ушла, пока я не пообещал, что обязательно поговорю. В тот же день я попытался выполнить обещание, но едва начал пересказывать Сереже «обвинения», как он молча повернулся и покинул кабинет…

…— Они очень заземлены, — в очередную нашу беседу сказала Зинаида Никитична. Образно говоря, они смотрят себе под ноги. Им подавай все немедленно. Чтобы потрогать можно было. А еще лучше — скушать. «Бесплодных» усилий не признают. Что нематериально, невещественно — для них не ценность. А директорские девчонки пытаются их увлечь демагогией, розовыми соплями. Учат иждивенчеству, может, и сами не желая того…

Вы знаете, глядя на ребят, недавно поняла, что большинство людей всё еще дикари. Они даже не подозревают, что жить — значит отказываться от себя. Нет, современный дикарь думает лишь о собственной выгоде — урвал высшее образование, урвал узкую специализацию, машину, дачу, кучу книг и пластинок… Но все равно остается нулем в культурном плане.

Родители наших, конечно, попроще. Пьют, хулиганят — вот и вся их программа. Но дикари есть дикари…

После ее ухода я думал: «А не плодим ли мы сами таких дикарей своим технократическим воспитанием»? Гуманитарные программы уменьшаются, «усыхают» год от года. Литература, история оказались искусственно уже не на втором, третьем — на десятом месте. Мы обеспечиваем главенство наук точных, но тем самым подрубаем их же корни, потому что негуманные технари бесплодны. Техника мертва, если не стоит на плечах гуманистов. Совершенная техника требует совершенного человека… Культура не может быть торжеством разума сухого и холодного. Культура, по-моему, самообуздание тревожного, совестливого разума…

Захожу с обходом в спальню девчонок-восьмиклассниц. Одна из них жалуется на горло. Я ее осматриваю, вынимаю из кармана таблетки (у меня в халате целая аптечка), объясняю, как лечиться. Остальные девчонки обступают нас и обрушивают град вопросов. Выясняется, что многие из них собрались поступать в медучилище, с тем чтобы после попасть в институт. Просят рассказать об учебе в нем. Я сажусь. Им интересно слушать, мне — вспоминать. Им очень хочется знать, положены ли льготы детдомовцам при поступлении в вуз, но я об этом ничего не знаю…

Принес директору текст нашего «Кукушонка», предложил организовать в детдоме театр музыкальной сказки.

— А кто будет им руководить? — спросил директор.

— Могу я.

— Вся наша беда не в отсутствии репертуара, а в отсутствии режиссера. Режиссер придумает театральный ход, и все будет интересно. Вам такого не придумать. Ищите режиссера!..

Тем и закончилась попытка организации музыкального театра. Собственно, театр уже был, существовал. Но лишь внутри моего кабинета…

Ничего не понимаю. Все мои нравственные критерии расплываются. Все представления о добре и зле трещат по швам…

Начались весенние каникулы. И появились в детдоме родители. Важные, хорошо одетые. Они о чем-то говорили с воспитателями, и на лицах у них была заботливость. Их чада стояли возле них потупившись. Наверное, радовались — на целую неделю поедут домой.

Я разглядывал внешне преуспевающих, самоуверенных людей. Пытался в них что-то заметить — хоть какую-то черточку, детальку, отличающую их от нормальных пап и мам. Мучительно их разглядывал — даже в зоопарке так на зверей не глазеют. Но не выявил никакой аномалии…

Издавна ребенок на Руси воспринимался как награда, как радость и счастье. Почему сегодня для иных он стал обузой?..

Может, виноват привычный для нас лозунг «Все лучшее — детям»? Или отказываются от детей только эгоисты, не способные ничем поступиться? Или все сводится к пьянству — к деформации, извращению души, когда ребенок оказывается за чертой реальности? Или причина в сотворении ложного кумира, неправильно понятом престиже? Престижны самые дорогие вещи и самые дорогие развлечения. Ну а простые понятия — самоотверженный труд, правдивость, принципиальность, доброта

и дети не престижны.

Зашел шестиклассник с третью батона. Похвалился, что утащил с кухни. Я выразил неодобрение.

Тут ворвались еще ребята — целая стайка. Увидели «жратву» и стали шумно просить товарища, чтобы поделился.

Он отломил немного и дал ребятам — на всех. Пока они управлялись, он отошел в сторонку, прилег на топчан, набросил на лицо край покрывала, постеленного на топчане, и, давясь, торопливо жевал, жевал, жевал — доедал свою булку…

Отец приехал забрать сына на каникулы. Багровое лицо, опухшее от пьянки. Мужчина недоволен — не может найти воспитателя, который отпустил бы сына.

— Что за порядки такие! — выговаривает он мне. — Жди, понимаешь ли! Сколько можно! Распустились!..

Я говорю, что сам не имею права отпускать ребят.

— Ну, конечно, вы медицинский работник! Что с вас возьмешь! — В голосе папы снисхождение…

— Но ведь вы лишены родительских прав!.. — говорю наугад, но, видимо, не ошибаюсь. — Можно ли вам брать ребенка?..

— А ты мне не указ! Что важничаешь? Спирт иди допивай!.. — И он громогласно хохочет, довольный собой. Думает, видимо, что ловко отбрил «нахального докторишку»…

Снова передо мной Люда. Знаю, что раньше о ней были хорошего мнения. А потом вдруг сломалась, и понеслось…

Что стоит за этим «вдруг»? В чем причина?..

Она сидит, положив ногу на ногу. Щурит подкрашенные глаза. Я оформляю бумаги в спецПТУ…

— Почему ты стала такой? — вдруг вырывается у меня чуть ли не с ненавистью, и я пугаюсь своего выкрика, отвожу глаза.

Люда отвечает не сразу. Моя вспышка, видимо, ее удивила. Она словно бы только сейчас меня увидела…

— Когда я была как все, меня никто не замечал, — говорит она спокойно. — А когда стала плохой, все стали замечать…

И только-то? И все? Как просто и как жутко!.. Дорогая цена, чтобы тебя увидели, заметили…

Сколько же их, таких, как она? Которым очень нужно, чтобы их заметили!..

Делаю выписку из «Кодекса о браке и семье РСФСР». Статья 101 (Усыновление без согласия родителей) гласит: «В случаях, когда родители уклоняются от участия в воспитании ребенка,

усыновление в виде исключения может быть произведено без их согласия, если будет установлено, что они более года не проживают совместно с ребенком и, несмотря на предупреждение органов опеки и попечительства, не принимают участия в его воспитании или содержании и не проявляют в отношении ребенка родительского внимания и заботы».

В остальных же случаях (кроме тех, когда родители признаны в установленном законом порядке недееспособными или безвестно отсутствующими) необходимо письменное согласие родителей на усыновление ребенка.

Нашим детям этот закон вредит. Можно сказать сильнее: он калечит жизни детей, их судьбы. Я имею в виду тех детдомовцев, родители которых официально от них не отказались и на усыновление-удочерение другими не соглашаются. Такие папы и мамы временно оформляют ребят в детдом. Но это «временно» — на все время детства. Отличные девчонки и мальчишки — умные, здоровые, красивые, душевные — могли бы найти свое счастье в хороших семьях, готовых принять их. Но закон сильнее самой доброй воли любых усыновителей…

А у родителей, «временно» отдавших детей, все прекрасно. Им выделяется жилплощадь на всех зарегистрированных детей, независимо от того, где эти дети находятся. В милиции мне рассказывали, что бывает так: в просторной трехкомнатной квартире пьянствуют папа с мамой, а детишки их раскиданы по разным детдомам. Любит закон пьянчужек, прямо-таки поощряет их… А что, если бы так: детей отдал — и жилплощадь отдавай, которая на них получена?..

Бывает, что женщины многократно рожают от разных отцов и долгие годы нигде не работают на законном основании. А детишки их опять-таки по казенным домам, но записаны за родителями «на всякий случай»…

Да и как понимать формулировку «не проявляют… родительского внимания и заботы»? Особенно если ребенок находится в детском доме. Бывает, напишет раз в год мамаша такая записочку своим «кукушатам» — вот и зачтется ее писулька в качестве должной заботы. «Милосердный» закон…

Видимо, мы с Зинаидой Никитичной в чем-то родственные души. Иначе как объяснить ее раскованность, откровенность в разговорах со мной и то удовольствие, с каким я ее слушаю?.. Она то предвосхищает, то продолжает мои мысли, то перекликается с ними…

И не беда, что она не открывает ничего нового. Не беда, что излишне дидактична. Старый человек — вот и любит

морализировать… Главное, она душевно свободна, не закабалена…

— Хорошие дела, — сказала мне сегодня, — если за них берутся, не продумав все, могут превращаться чуть ли не во зло. Вот ввели льготы для женщин-матерей. Очень хорошо, казалось бы… Только почему для всех женщин? То есть для усредненных и безликих. Но женщины разные. От распущенной до самоотверженной матери — огромная дистанция. А им всем одни и те же льготы. Разве такое уравнивание правильно? Разве справедливо?.. Для хорошей матери льготы как поощрение. А для «кукушки»? Тоже поощрение?.. Нет, посмотрите, кому даете льготы, и тогда только их давайте. А не разбрасывайте их вслепую…

Женщина, которой по виду за пятьдесят, принесла детское пальтишко. Рассказала, что нашла его на улице возле детдома — оно валялось на мокром весеннем снегу. Пальтишко девчоночье. Значит, какой-то «красавице» стало жарко, вот и скинула его, а потом убежала, тут же про него забыв. Вот вам отношение к вещам. Вот вам опрятность и бережливость… Вот вам вариант забалованной родительской дочки — только роль родителя исполняет богатое и доброе государство…

Первоклассница — бледный заморыш с испуганными глазами — жалуется на насморк. При этом косится на кулак левой руки — что-то там спрятано, ценное для нее.

Я ей закапываю капли, даю направление на УВЧ.

— Что там? — показываю на ее левый кулак.

— Вот… — Она разжимает пальцы, и я вижу пульки для рогатки, сделанные из кусочков проволоки.

— Зачем тебе?

— Это не мне! Это мальчикам нашим!

— Просят собирать?

— Нет, не просят. Они меня не колотят, если пульки приношу.

— А если не приносишь?

— Тогда дерутся…

— Хочешь, я поговорю с ними? Чтобы не трогали тебя…

— Нет, не надо! Они рассердятся!..

Я молчу, и она, осторожно сжав пальцы, уносит свою добровольную дань…

Весенние каникулы. Часть ребят уехала в пионерский лагерь. Часть ребят разобрали родные. Часть ребят осталась в детдоме —

этим хуже всего.

Иду по детдому и вижу, как они маются, те, что остались. Некоторые сидят возле телевизора. Некоторые валяются в кроватях.

— Почему ты в ботинках улегся? — спросил у одного семиклассника.

— Подумаешь! — сказал тот. — Мое, что ли!..

Ситуацию он обозначил предельно точно. Действительно, к детдому как к чему-то своему, кровному, родному не относится почти никто. Детдом — это место принудительного и временного пребывания. Так воспринимают его сегодняшние воспитанники. Они часто не понимают, почему их оторвали от семьи. Или не желают понимать, придумывают самые фантастические оправдания для родителей, лишь бы убедить себя и собеседников, что они хорошие. Обвиняют комиссию или милиционеров, которые их «забрали». К родителям хотели бы все, но внешне, явно не все показывают это. Есть несколько вариантов публичного, внешнего отношения к родителям. Ребята-«нигилисты» начисто отрицают необходимость в них:

— Подумаешь!.. Ну их!.. Что о них говорить!..

Ребята-«христосики» оправдывают и прощают:

— У них ничего не получается!.. Их все обижают!..

Ребята-«себялюбцы» возлагают надежды на будущее:

— Вот я вырасту и все исправлю!.. Я покажу им, как надо жить!..

Ребята-«примиренцы», не прощая родителей, принимают их такими, как есть:

— Ну, пьют! Ну, дерутся! Ну, плохие!.. Все равно это папа и мама!..

Ребята-«мечтатели», словно бы забыв о настоящих, придумывают идеальных родителей:

— Вот бы мой папа был… Вот бы моя мама была…

Есть наверняка и другие варианты отношения к родителям. Но мне не довелось их обнаружить…

— Нам говорят: Родина, Родина, очень много разных слов о том, как она хороша. — Димка рассудителен и нетороплив. — А я один только раз почувствовал, что это такое. В прежнем детдоме. Там дружина имени одного партизанского комбрига. Письма ребята пишут, узнают адреса, ходят в гости к бывшим партизанам, слушают их воспоминания, собирают документы. Музей хороший сделали… А потом стали мы каждые каникулы, даже зимние, в походы уходить. В те места, где «наша» бригада воевала. До глухих-преглухих деревушек добирались. В

некоторых даже света еще не было. Заходили в избы, беседовали. В деревнях люди совсем по-другому вспоминают о войне, чем в городе. Проще и страшнее. Показывают, где фашисты стояли, где трупы лежали, где была комендатура, где виселица…

Однажды вошли мы ночью в деревню — темно, тихо, шаги наши шелестят. Собаки залаяли. Небо такое огромное, а дома к земле прижались. Я тогда словно задохнулся. А потом вышли мы на шоссе — оно пустое, теплое. Сняли рюкзаки, повалились на асфальт — век бы не вставать, спину так хорошо греет. Я на звезды гляжу, а сам чувствую, что все это рядом — и деревня спящая, и собаки, и ребята…

Димка вдруг шмыгает носом — совсем по-детски — и улыбается. И я улыбаюсь, но моя улыбка — лишь неяркий отсвет Димкиной…

Ко мне забрела Светлашка-первоклашка. Я ее угостил витаминками и углубился в писанину — отправляли ребят в санаторий. Потом поднял голову — она сидит на стуле сбоку от моего стола.

— Ты чего?

— Можно я тут побуду?

— Ну, пожалуйста. На тебе лист бумаги. Рисуй, а я поработаю.

— Я лучше письмо напишу. Бабушке.

— Давай…

Долго сидели молча, оба старались.

— А как «до свидания», вместе или отдельно?

— Ты уже написала? Можно я прочту?

Она кивнула и протянула мне листок. Вот что я прочел.

«Здравствуй, бабушка! Как ты там живешь? Я по тебе соскучилась. Ты знаешь ли, как там живет мама с папой Женей? Бабушка, ты можешь приехать домой и передать маме с папой, если они согласятся, тогда пускай приедут с братом ко мне. Я их очень жду. До свидания. Света».

— Брат младше тебя?

— Нет, старше.

— Его, значит, оставили дома, а тебя сюда отдали?

— Так вышло. Папа меня домой привел и в магазин ушел. А тут явилась милиция и меня забрала. А папа ничего не знал.

— А водку пили мама с папой?

— Водку редко, чаще — бормотуху.

— А бабушка где живет?..

Света молчит.

— Ну, куда будешь письмо посылать?..

Света снова молчит.

— Ты что, не знаешь ее адрес?..

Девочка молча кивает.

— Но ведь письмо твое не дойдет…

Света молчит, глядит на меня. О чем-то думает. Потом веселеет.

— Ну, тогда я пошлю в Ивангород, в мой бывший детдом — они передадут бабушке!..

Она просит у меня еще листик и старательно переписывает письмо. Освобождается от накопившейся грусти. Внизу, под своими словами, она рисует солнышко, домик, дерево — обычную детскую картинку.

В детдом вернули девочку. Говорят, удочеряли ее только для получения квартиры. А как переехали, «дочка» не нужна стала. Детдом будет возбуждать судебное дело против квартиродобытчиков.

Зинаида Никитична злая. Впервые вижу ее такой. Говорит отрывисто. Будто стоит у телеграфного аппарата и диктует приказ по действующей армии.

— Нужна, — говорит она, — юридическая ответственность семьи за здоровье ребенка. И не только за физическое. Но и за психическое. И за моральное. Пусть бы штрафовали плохих родителей. Сажали бы вместе с детьми-преступниками на скамью подсудимых. Пусть бы лишение родительских прав сопровождалось рядом экономических санкций. Скажем, у лишенных половину бы зарплаты отчисляли на ребенка. Отменяли бы по отношению к таким любые льготы, положенные матери. Отнимали бы жилплощадь, полученную на детей. Публиковали бы в газетах решения судов о лишениях родительских прав. Пусть бы о каждой плохой матери, о каждом плохом отце было известно. Пусть бы позором они были окружены. Отпуска им давали бы только зимой. Путевок — вообще никаких. Принудительно лечили бы от алкоголизма. И к усыновителям, если оказались гадами, нужны такие же меры. Тогда бы побоялись ради квартиры ломать ребенку душу!..

Из окна кабинета вижу, как слоняются возле школьного здания весенние «сачки». Пригрело солнышко, снег почти сошел, беззаботность расцвела. Кто-нибудь из педагогов появится, и «сачков» как ветром сдуло. Они ничем интересным не заняты, дети воли, они просто дышат, щурятся, глядя на солнце. В их подошвы проникают земные соки. Их волосы шевелятся, словно ветви, готовые зазеленеть. Они сейчас не люди. Они

превращаются то в деревья, то в ветры, то в лужи. А скучные взрослые зовут откуда-то издалека, из надоевшего придирчивого мира.

Вроде бы неудобно сочувствовать гуленам, но хочется. Потому что во мне тоже бродят весенние желания. Что выбрать, не знаю. То ли прорасти в землю, то ли улететь вслед за весенним быстрым облаком…

Послал в районную газету письмо, которое назвал: «Кто поможет детдому?..» Обрисовал его расположение, плохое санитарно-техническое состояние, необходимость капитального ремонта. Рассказал, как часто затапливают сточные воды подвал, где продуктовая кладовая. Неделю назад из-за этого было списано двадцать килограммов сахарного песка, четыре килограмма муки, триста пятьдесят килограммов картофеля.

В пищеблоке нет вентиляторов, в моечном отделении — черные стены, осыпается краска и штукатурка.

В бане нет душевых кабинок, стены не облицованы плиткой, отсутствуют смесители, из одного крана течет кипяток, из другого — холодная вода. Вместо вентиляции в потолке пробиты две сквозные дыры, зимой бывает холодно.

Ну и территория не огорожена как следует, не благоустроена, не освещена в вечернее время. О спортплощадках говорить устали. Рядом пункт приема посуды…

Высказался по всем больным вопросам. Отвел душеньку.

Я считал, что Наташа не отличается склонностью к рассуждениям. А тут вдруг она открылась с неожиданной стороны.

— Вы считаете, что в детдоме плохо. А мне, например, нравится, когда в детдоме плохо! Стены грязные — ну и что? Еще приятнее выйти на улицу. Из туалета льется в подвал? Ну и пускай! Вы бы не сказали — я бы и не знала. На кухне плохо? И слава богу! Скорее будут выдавать продукты, ничего не сворują. Баня холодная? В кранах вода не смешивается? Закалимся скорей, болеть меньше будем. Пьяницы ходят по территории? Так они добрые. Может, подарят чего-нибудь. Белье стирают паршиво? Пускай бы совсем не стирали. Может, нас бы домой тогда вернули. А то, что спортплощадок нет и сада-огорода своего — так наплевать на это! Спортзал в школе есть, а кушать и так дают, без огорода…

Она выпалила все это запальчиво, а в конце тирады вдруг смешалась, покраснела и убежала. А я подумал: вот как надо было писать в газету. Ее-то критика поживей моей будет…

Сидим с Ленкой, подклеиваем лабораторные анализы в медкарты. Заходит пятиклассник, широколицый, неразговорчивый, словно сонный. Попросил смазать йодом свежую царапину на ладони. Потом стал слоняться по кабинету. Вздыхает…

Мы с Ленкой работаем молча. Ленка время от времени косится на гостя. Хмурится…

Тот постоял возле шкафчика с медикаментами. Побарабанил тихонько по стеклу. Потом присел на топчан, который скрипнул, словно был недоволен.

— Чего маешься? — спросил я. — Помог бы нам…

— Не-а!..

Он отозвался хрипло, встал с топчана и пошел к двери. Деревянный, напряженный. Я заметил его скованность и удивился ей.

Вдруг Ленка ткнула меня кулаком в бок. Я подпрыгнул на стуле.

— Ты чего?..

Ленка повела глазами от спины уходящего на меня и снова на пятиклассника. Видя, что я «не секу», привстала, зашептала:

— Он полотенце ваше украл!.. У него за пазухой!..

— Правда?..

— Тюфяк, вы, Сергей Иванович!.. — сказала с непередаваемой интонацией.

И бросилась вон из кабинета.

Я вскочил и метнулся за ней.

В коридоре успел увидеть, как оглянулся пятиклассник и быстрее лани, быстрее зайца побежал…

Ленка за ним.

Тут и я скорее инстинктивно, чем осознанно, включил «третью скорость»…

Пятиклассник свернул к выходу из корпуса. Мы тоже… Он выскочил на улицу. Мы следом…

Обогнав помощницу, схватил за шиворот беглеца. Он рвался, хрипел, заставлял меня дергаться, пританцовывать.

— Где полотенце?.. — рявкнул я не очень, впрочем, уверенно и на Ленку оглянулся: она своим присутствием должна была обеспечить мое моральное право.

Пятиклассник придушенно зарыдал, перестал вырываться. Потом потянул из-за пазухи сложенное квадратиком вафельное полотенце. Полотенце развернулось и повисло, как белый флаг.

Ленка выхватила его и передала мне. Я взял и засунул в карман халата — затолкал, умял, не складывая.

Отпустил мальчишку. Тот рыдал обреченно, взахлеб, не прикрывая лица, не стесняясь Ленки. Жалкий, слабый, незащищенный…

— Ты зачем?.. — спросил я по инерции и замолк, не окончил вопроса.

— Мамка пустого домой не пустит!..

Он обратил ко мне лицо, и ни единой потайной мысли не было в нем сейчас, предельно распахнутом…

— Как это?..

— Да ворует он!.. — сказала Ленка презрительно. — И домой возит. Иначе родители на выходные не примут!..

— Так ты правда?.. Чтобы дома побыть?..

Мальчишка смотрел и не отвечал.

Я вынул из кармана скомканное полотенце, протянул ему.

— На!..

Тут между нами вклинилась, словно разгневанная фурия, Ленка.

— Нет уж!.. Пусть где угодно!.. Но не у вас в кабинете!..

Я глядел на них и видел столько злости в каждом! В мальчишке злость появилась внезапно, скачком, сию секунду. В Ленке бушевала с того момента, когда назвала меня тюфяком.

Он протянул руку — взять полотенце. Ленка ударила его по руке.

— Не лапай!.. — сказала басовито и грубо.

Я сунул полотенце в карман, пошел к спальному корпусу.

— Идем работать, Ленка!.. — позвал на ходу…

Люда-проститутка убежала в очередной раз, но недолго была в бегах. Ее крепко избили (кто? за что?), и попала она в Военно-медицинскую академию. Там ее долго лечили. Потом воспитательница съездила за ней и привезла в детдом. Люда стала молчаливой после этого приключения. Мне очень хотелось поговорить с ней, расспросить ее. Давнишнюю ее браваду в моем кабинете я помнил. Но была ли она искренней?..

Люда рассказывать ничего не хотела. Выпытывать же я не имел никакого права…

Девчонки уже в коридоре кричали, звали:

— Сергей Иванович! Сергей Иванович!..

— Что?.. — Мы с ними столкнулись в дверях кабинета.

— Ира себе руку кусает! И кричит: «Не хочу жить! Не хочу жить!..»

— У нее кровь течет!..

— Ира? Не может быть!

— Пойдемте с нами!..

Ира-первоклассница сидела на кровати и растерянно смотрела на правую руку. Из прокушенной руки текла кровь.

— Ирочка! Ты что?.. — Я хотел поднять ее и унести. — Пойдем со мной!..

Она не далась. Тогда взял ее за левую ладошку, и она покорно пошла следом.

В кабинете обработал ранки и перевязал. Не руку тут надо было лечить. Дал ей транквилизатор, отвлек разговором. Она отвечала односложно. Отвечала хотя бы, и то хорошо. Потом разговорилась, но о причинах своего поступка ни звука. Словно забыла о нем…

Когда отводил в спальню, она казалась нормальной девочкой — маленькой, незаметной первоклашкой. Такой же, что ходила полгода назад в магазин покупать папу…

История с Иринкой меня доконала. Понял, что мириться с существующей воспитательной системой не хочу, а изменить ее не могу. Не знаю как…

Отчаянная идея возникла. Бредовая идея. Вернуть детей в семьи…

Нашел адреса в личных делах. И после работы помчался.

Иринкина мама оказалась толстой и самоуверенной. Она снисходительно улыбнулась, увидев меня.

— Детдом закрывают, — огорошил я ее. — Срочно заберите девочку!

— Как это «закрывают»? Почему?

— Он же для сирот. А ни одного сироты нет. Решили детей отдать родителям.

— Кто решил?

— Исполком.

— Да вы что? Серьезно?

— Заберите девочку!

— Да куда же я ее… Семья… Муж…

— Заберите…

— Безобразие! Тут что-то не так! Я разберусь!..

Она глядела на меня с подозрением. Человек со стопроцентным нюхом. Никому и никогда ее не объегорить…

Сережину маму-кассиршу я сразу узнал. Так она и должна выглядеть. Крашеная-перекрашеная. Прокуренная. Испитая…

Себе она, видимо, казалась красивой. Держалась кокетливо, с вызовом.

— Врач из детдома, — представился я. — Приехал сказать,

чтобы забрали Сережу. Завтра же!..

— Ну чего вы так торопитесь! Объясните толком…

— Детдома отменяют… Детей раздают родителям…

— Ну и ну! Докатились!..

Она картинно откинула голову и захохотала.

— Петька! — закричала кому-то вглубь квартиры. — Детдома закрывают! Не справились даже с этим! На-ча-альники!..

Какое-то бормотание донеслось в ответ. Дама захохотала еще громче…

Я поспешно удалился. Бежал по лестнице, а сверху неслось:

— Доктор!.. Эй!.. Куда же вы?..

…Ленкина мама оказалась рыхлой женщиной, завитой «по-овечьему», с красными глазами. Лицо бледное, щеки отвисли, в ушах золотые сережки в форме листиков.

— Я доктор из детдома. Заберите дочку…

— А что случилось?

— Хорошая ведь девчонка… Может, композитором будет…

Женщина вдруг заплакала. Захлюпала носом…

— Как же так… Думала, ей в детдоме лучше будет.

— Она вас любит. Воспоминания бережет…

— Да ей и вспомнить-то нечего… Казнить меня мало…

— Может, расскажете, как она жила до детдома? — Я подался вперед, намереваясь войти.

— В другой раз, доктор! У меня гости… Гость… — Она спуталась, вытерла слезы ладонью, слегка порозовела.

— Заберите дочку… Хотя… Не знаю…

Повернулся и ушел. Тошно было — хоть вой. И какого чуда я ожидал?..

…Они приехали на другой день, вечером. Все трое с одной электрички — Иринкина, Сережина и Ленкина мамы.

Пришли ко мне в кабинет. Нарядно одетые и вроде бы смущенные. Хотя кто их там разберет…

— Скажите, а директора можно увидеть? — спросила Иринкина мама.

— Его нет сейчас. Есть дежурный воспитатель.

— Поговорим с дежурным…

— Да-да, поговорим…

Иринкина и Сережина мамы удалились.

— А у Леночки здоровье как? Как у нее с желудком?.. — Задержавшаяся Ленкина мама расспрашивала про дочку.

Я взял картонную папку — Ленкино медицинское досье — и перелистал ее. Чем болела и как лечилась… Антропометрия и

лабораторные анализы… Записи хирурга, невропатолога и других…

Беспокойство мной овладевало, пока разговаривал. Что сейчас будет? Что я наделал?

Едва Ленкина мама ушла, сбежал домой. Не стал дожидаться повторных визитов…

Наутро Зинаида Никитична меня подкараулила.

— Зачем вы это сделали? — сказала укоризненно. — Глупая выходка! Знали бы, чего мне стоило утихомирить их! Особенно Иринкину мамашу. Она жалобу хотела писать.

Зинаида Никитична прошлась по кабинету. Задумалась. Присела к столу. Машинально поправила свои «золотые» очки.

— У директора и так зуб на вас. Знает он, что у вас тут вроде клуба. Разговоры да игры. А ваше дело — только медицина, только уколы да таблетки.

Она словно процитировала кого-то.

— Благодарите бога, что я дежурила!..

Зинаида Никитична встала. Я собрался выразить ей признательность. Но она понимающе улыбнулась и вышла.

Ну и чего я добился? К чему привела моя самодеятельность?

Несерьезно получилось. Когда бы не это Иринкино «не хочу жить»… Когда бы не знал Дениску, Сережу, Наташу, Лену, Димку…

Но что-то делать все-таки надо? С чего начинать?.. Если не на словах — на деле?..

А разве я уже не начал?.. Неофициальный клуб в кабинете… Действительно, такой возник. Свободное, не дидактичное, не по плану общение с детьми… Наша сказка про кукушонка…

Но что я могу предложить? Какой выбор? Чем заменить сегодняшние детдома? Странные дома для ненужных детей…

Я убедился: девчонки чаще откровенничают, чаще открывают душу. Видимо, это им нужнее, чем мальчишкам. Или просто мальчики более сдержанны от природы?..

Иринка вдруг взялась мне рассказывать о том, как воспитательница брала ее к себе домой по выходным. Я не просил об этом, но слушал, конечно, с интересом.

— Я не люблю Фаину Филоновну, которая сейчас у нас. А Светлана Петровна была просто прелесть. Никогда не ворчала. Она меня первый раз взяла домой, когда у нас воды в бане не было, чтобы помыть. У нее такое полотенце есть — большое-пребольшое. Я таких никогда не видела. И чай у нее такой

вкусный. И дочка у нее, как я. Могла бы задаваться, что у нее такая мама. Но ничего, не задается. Мы с ней играли вместе. У нее всякие куклы. Когда я уходила, она мне подарила одну. Я сказала Светлане Петровне, чтобы она меня тоже в дочки взяла. Но Светлана Петровна сказала, что у нее уже скоро должна родиться вторая дочка. А больше двух детей ее муж не хочет. Если бы я раньше ей сказала, Светлана Петровна меня бы обязательно взяла…

Эдика и Сережу избила воспитательница. На правом виске у Эдика багровые следы — сюда пришелся удар с размаху. На затылке у Сережи — шишка величиной с хорошую сливу. На юридическом языке это именуется легкими телесными повреждениями.

Ребята не возмущаются, не выражают протеста, они просто пришли показаться врачу.

— Мы костер жгли вчера вечером, — рассказывает Сережа. — Неподалеку был костер семиклассников. Нас было трое, семиклассников — двое. Пришла Алена Игоревна и стала запрещать нам жечь костер. А семиклассникам не запрещала. Мы свой потушили. Потом Орехов, который с нами был, подошел к семиклассникам и стал требовать, чтобы и они тоже потушили. Один семиклассник стал с ним драться. Другой смотрел. Мы тоже смотрели. Мы не хотели драться. И Орехову не надо было. И Алена Игоревна тоже смотрела. Потом Орехов убежал, а Алена Игоревна стала нас бить. И кричала, что мы мерзавцы, что мы должны были разнять дерущихся. А почему же она сама не разнимала?..

Я молчу. Обрабатываю телесные повреждения и отпускаю ребят. Тут же одеваюсь и иду в учебный корпус.

Разгоряченный, взволнованный, предстаю перед директором. Он меня подробно расспрашивает и обещает поговорить с Аленой Игоревной. На этом расстаемся, и я возвращаюсь в свой кабинет разочарованным. Чего я, собственно, ждал? Крови Алены Игоревны? Так директор знает, как ее наказать. Объяснений варварскому поступку? Видимо, как раз объяснения мне и не надо. Видимо, я надеялся, что директор все поймет сразу и вернет мне ясность представлений о воспитательском труде, утраченную после поступка Алены Игоревны. Вернет мне уважение к воспитателю…

Решил поговорить с ней самой. Дождался в воспитательской. Вежливо попросил зайти ко мне.

— Как вы могли? — спросил, когда остались наедине. —

Почему вы их избили?..

Алена Игоревна посмотрела на меня снисходительно (совсем как Иринкина мама, когда к ней явился). Слегка покраснела.

— Кто дал вам право лезть не в свои дела!.. — отчеканила внятно и напористо, отделяя слово от слова, увенчивая каждое восклицательным знаком. — Вы шпион и доносчик! Мне наплевать на вас!..

Она резко повернулась и вышла.

«Какая страшная девица! — подумал я ошеломленно. — Она ведь уверена, что права!.. Что ей можно бить учеников!..»

Обрабатывал в очередной раз повреждения Эдика и Сережи. Эдик простодушно рассказывал о том, как плакал, избитый воспитательницей…

Пришел к директору.

— Алена Игоревна не может быть воспитателем!

— Требуете, чтобы уволил?

— Да… Требую…

Он поглядел внимательно. Что-то прикинул. Вздохнул.

— Если она повторит… В общем, уволю… А вы?..

— Что я?

— Вы долго собираетесь у нас работать?..

Пришла моя очередь вздыхать.

— Пока не пойму, что и как надо изменить…

— Ну-ну!.. — сказал директор…

Сережа встречает в изоляторе день рождения. Я ему дарю коробку недорогих конфет и книгу. Сережа рад. С ним вместе болеют двое одноклассников, Валерка и Леня. Валерка местный, в поселке у него есть бабушка. С моего разрешения Валерка убегает к бабушке и приносит литровую банку варенья.

Ребята приглашают меня на пиршество, но я дипломатично отказываюсь. Мальчишки съедают варенье, являются в кабинет, и мы устраиваем «настольный чемпионат» — морской бой, крестики-нолики, ребусы, шарады…

Заглядывают другие ребята. Некоторые поздравляют Сережу, предлагают потаскать его за уши.

— Прежде чем таскать, нужно подарить что-то!.. — отвечает Сережа.

Сверстники называют его ушастиком. На нем застиранная рубаха, когда-то бывшая белой. Она больше на два размера, чем нужно Сереже. На ногах у него физкультурные шаровары, почти новые, и кеды без носков…

Ребята рассказывают, что молодые воспитательницы хвастаются перед ними силой. Недоумеваю, зачем это надо?.. Неужели верны мои прежние догадки? Неужели девчонки настолько закомплексованы, что им надо непрерывно самоутверждаться?.. Здесь, в детдоме, они ощутили вкус вседозволенности. Обрели иллюзию значительности, не будучи значительными на самом деле, еще не состоявшись как личности. Я переговорил с несколькими и убедился, что, кроме самомнения и чужих фраз, в них ничего нет. Никаких осознанных педагогических поисков, никакой положительной программы, пусть даже прожектерской, неосуществимой, но своей, выстраданной, пропущенной через сердце. Ах, как бы я уважал этих девушек, если бы почувствовал в них что-то свое, незаемное!.. Нет, они слепо идут за директором, нахватавшись педагогических вершков. И демонстративно презирают старых воспитателей. Это показное презрение выдает их мелочность…

Пробовал их критиковать. Говорил, что не дети для них, а они для детей. Но как об стену горох…

Ленка, смешно шевеля губами, расхваливает свою воспитательницу.

— Она такая молоденькая, такая красивенькая! Я прямо влюбилась в нее. А как одевается! Джинсы и сапоги американские, кофточка японская. Неужели и я так смогу, когда вырасту?.. На сапогах подковки. Идет — издалека слышно. А какая смелая! Рассказывала, как пристали хулиганы. Она одному подножку, другому подсечку, третьего сумкой по голове. Бац, бац, бац… Даже папа с мамой ее боятся. Как она скажет, так тому и быть. У нас в отряде Петька попробовал ее не послушаться. Она за это такое ему устроила — не рад был. Все увидела: и уши его лопухами, и ногти обгрызенные, и спину сутулую, и нос мокрый. Так ему и надо…

На следующий год она собирается девочку маленькую родить. Уйдет от нас. Так жалко, так жалко. Я, наверное, заплачу, когда она уйдет. А может, и не буду плакать. Может, снова придет молоденькая и красивенькая…

…Добился от СЭС предписания устранить все наши канализационные и прочие прорехи к определенному сроку. Если предписание не будет выполнено, детдом обещают закрыть…

Подходя к детдому, увидел: Сережа сидит на подоконнике третьего этажа, свесив ноги наружу.

— Сергей Иванович! — закричал он сверху. Видимо, это значило: «Полюбуйтесь, каков я молодец!..»

— Сережа, не надо так сидеть! — сказал я спокойно и пошел к входной двери.

— А я не сижу! — крикнул Сережа.

Я поднял голову и обомлел. Он спрыгнул с подоконника и теперь то ли стоял, то ли висел спиной ко мне. Мгновением позже я заметил, что ноги его упираются в небольшую выемку в стене.

— Забраться внутрь-то, наверное, не сможешь? — сказал я насмешливо. — Втаскивать на веревке надо?..

— Смотрите! — крикнул Сережа и с кошачьей ловкостью оказался снова на подоконнике. Затем он спрыгнул в коридор, не удостоив меня больше ни возгласом, ни взглядом. Видимо, решил, что я не способен оценить его «класс».

Облегченно вздохнув, я потянул на себя входную дверь…

Говорил уже, что, по-моему, больше всего страдают от недостатка внимания, ласки, теплоты девчонки-первоклассницы. Им больше других нужно, чтобы кто-то их просто жалел. Я пытаюсь это делать — поглажу по голове, привлеку к себе, шепну что-нибудь ласковое на ухо. Им нравится. У них стало привычкой — забегать ко мне каждый день после занятий. При этом четко соблюдают «мотивировки» — каждая обязательно на что-нибудь жалуется. Я с ними поговорю, развеселю — и тогда они шумливой стайкой летят в свою спальню.

А тут вдруг устроили игру. После уроков по одной крадутся по коридору, тихонько стучатся в дверь — словно синичка клювиком, — и убегают на цыпочках, и возбужденно шепчутся неподалеку. Мне отчетливо слышно, как они хихикают, — ждут, видно, что я буду выскакивать из кабинета после каждого стука. А я не выскакиваю, работаю с диспансерными картами и улыбаюсь. Я понимаю, что эта игра не пустое озорство, а как бы знак внимания с их стороны.

Дав им натешиться, распахиваю дверь, зову их, и они влетают с визгом и смехом и хвастают друг перед дружкой, как они ловко подкрадывались и как быстро убегали, чтобы я не поймал…

Нам сто рублей в месяц дается на лекарства. То есть по полтиннику в месяц на каждого из двухсот воспитанников. Конечно, этого недостаточно — лекарства дорогие и болеют ребята часто. Кто утверждал эти нормативы, откуда они взяты, с какого потолка, не знаю. Покупаю на свои те, что подешевле — зеленку, альбуцид, — и приношу в детдом. Но на мою зарплату не разбежишься — сто двадцать рублей при стаже пятнадцать лет. Приходится бегать в больницу и там, во взрослом отделении, выклянчивать медикаменты у знакомой медсестры. Она дает, как

человек совестливый, но при этом нарушает свои, больничные, правила. Мне ее подводить неохота, но без ее подмоги, без ее «подачек» обойтись не могу. Вот и хожу к ней, вот и подталкиваю на совершение очередного должностного проступка. Но не считаю себя виноватым. Тот виноват, кто нам так запланировал и подтолкнул к подобному поиску обходных путей.

Ленка со своими длинными прямыми волосами выглядит модно и красиво. Невольно ею любуюсь. Но вот она с моей помощью снимает сапоги, и я перестаю любоваться, начинаю ее ругать. Потому что она в резиновых сапогах на босу ногу. И ноги у нее немыслимо грязные. И грибок между пальцами.

Высказываю ей все, что думаю. Заставляю ее помыть ноги. Обрабатываю места, пораженные грибком.

И тут она сообщает сногсшибательную новость. Ее мама хочет вернуть себе родительские права и забрать Лену из детдома.

Радуюсь вместе с ней и выспрашиваю подробности. Ленкина мама сильно пила, буянила. Потом ее послали на лечение и «подшили ампулу под кожу». Ленка ее «воспитывала», когда ее выписали, — просила больше не пить. Сейчас маме осталось оформить всего одну какую-то бумагу. А потом они с Ленкой пойдут в суд — там будет решаться вопрос о возвращении женщине родительских прав…

Радуюсь вместе с Ленкой, и мне даже не верится — редко бывают подобные истории. Приглядываюсь к Ленке — нет, по ее виду нельзя усомниться в ее искренности.

Мы глядим друг на друга, улыбаемся и поем во все горло песню из нашей сказки, которую мы сочиняли вместе:

Если дома папа, мама,
Лампа светит на столе —
Это значит, самый-самый
Ты счастливый на земле…

И пока звучит песня, я вспоминаю свою авантюрную поездку по родителям. Неужели мой визит сыграл все-таки какую-то роль в решении Ленкиной мамы?..

Зинаида Никитична сердитая, хмурая. Посматривает на меня с неудовольствием. Чего, мол, копаешься, осматривай ребят поскорей. Сегодня, видимо, ей не до разговоров.

Я так и спрашиваю «в лоб», когда ее ребята уходят в баню.

— Не до разговоров вам сегодня, Зинаида Никитична?..

Она встряхивается, будто муха укусила.

— Заметили, что злая? Правильно. Поговорила с директором по душам и с его гвардией. Надоел их апломб. Ни гласности у нас, ни демократии. Так и сказала… Всё втихаря, рука об руку с подхалимами. А мы, которые не приближены, обо всем узнаем в последнюю очередь. Да и то не от директора, а от той «сороки», что «на хвосте приносит». В демократию-то он хоть пытается играть, потому что иначе ему не прожить сегодня, но его игры шиты белыми нитками. А уж гласности у нас никогда, видимо, не будет. Виноваты, между прочим, и мы. Привыкли молчать. Я вот выступила, а теперь маюсь. Боюсь последствий. Хотя какие могут быть последствия? Нет, лучше промолчать в другой раз, не соваться. Так решила…

— Потому и злитесь, что так решили?

— А вам-то прямо все надо знать!.. — с досадой сказала и ушла…

Димка — человек сердитый. Вернее, не так. Ему нравится быть сердитым и умным в моем кабинете. Там, за моей дверью, он озорует и учителей изводит не меньше, чем другие восьмиклассники. А здесь…

— Вы, взрослые, требуете только от нас, но не от себя! — разглагольствует Димка. — Вы все врете нам и делаете так, как вам хочется. А мы должны быть на поводке, как домашние зверюшки, — ни своего мнения, ни своей воли. Почему-то ни один взрослый не считает себя плохим. Пусть он пьет, курит, крадет, обманывает, все равно он хороший. Он уверен, что он хороший, что с него надо брать пример. А мы, если не по-вашему делаем, — сразу плохие. Если делаем так, как считаем правильным, — опять плохие. Если говорим честно, что думаем — плохие. А почему мы должны к вам приспосабливаться? Потому что вы старше? Кто старше — тот глупее. Только так надо считать. Раньше знаний было мало, старики хранили их и передавали молодым. Знания были в старых головах, как в консервных банках. А теперь знания меняются, как молнии во время грозы. Нужны только самые новые знания: чем они новее, тем верней. Следующая молния отвергает предыдущую. Ваши знания устарели, прокисли, никому не нужны, кроме вас. Это знания прошедших лет, они заняли вашу голову, взяли ее в плен и не дают вам увидеть ничего нового. Они, конечно, достаточны для вашей жизни — но ведь только для вашей. Не выдавайте их за всеобщую мудрость, не учите нас «вашему», помогите нам найти «наше» — и мы будем хорошо к вам относиться!..

Димка не ждет от меня какой-либо реакции. Он не хочет

спорить. Ему не нужны мое одобрение или неодобрение. Мне кажется, ему нравится как раз то, что я выслушиваю все его выпады и восклицания спокойно, не прерываю, не одергиваю.

Наших ребят ни за что не отправишь лечиться перед выходными.

— Ты болеешь, — говорю я. — Тебе надо лечиться.

— Ага! Только в больницу не пойду!

— Не хочешь лечиться?

— С понедельника — пожалуйста!..

Сколько ни уговаривай, с «понедельничной» позиции сдвинуть их невозможно. Начинаешь расспрашивать о причинах упрямства — и все причины сводятся к посещению родичей.

— У меня тетя приезжает из Молдавии — как же я не поеду!..

— Меня мама будет ждать, а я вдруг не появлюсь!..

И так далее, и тому подобное.

Они отчаянно цепляются за свои визиты. Всем готовы пожертвовать, и здоровьем тоже, лишь бы не пропустить очередной поездки домой.

Мне почудилась какая-то обреченность, надрывность в этом их цеплянии. Подумалось, что именно так утопающий хватается за соломинку. Вдруг по-новому их увидел, когда пришла эта мысль. Они бывают нахальные, грубые, жадные. Но они… утопающие. С того началась жизнь, что их кинули в омут и отвернулись. Они захлебываются, дергаются бестолково, страх застилает глаза. Детдом — рука, протянутая им. Эта рука держит их на плаву. А берегом, желанным и спасительным, для них может быть только семья…

Шел по улице, думал о наших ребятах и вдруг понял мгновенно, а вернее, сильно почувствовал, как вредна частая смена детдомов, которая для всех для них вроде бы обязательна. Но кто это установил? Кто узаконил?..

Смотришь их личные дела — уже до школы успели повоспитываться по двум-трем адресам. А в школьные годы их тасуют, словно карты в колоде. Причем обнаружить обоснования для перевода, понять логическую необходимость его зачастую совершенно невозможно.

Почему бы, например, не быть ребенку в одном детдоме до выпускного бала, до выхода в самостоятельную жизнь? Разве это плохо? Разве это как-то отрицательно влияет на ребенка?.. Наоборот, калейдоскоп детдомов лишает маленького человека чувства «гнезда», превращает его в перекати-поле. В детстве нужны неподвижность, оседлость. Нужны для того, чтобы в

сердце по крупице сконцентрировалось, проявилось, обрисовалось чувство принадлежности, причастности к Отчизне, чувство любви и благодарности. Это очень медленный и нежный процесс. Когда ребенок живет в семье, этот процесс происходит как бы невзначай, самопроизвольно. Когда ребенок проводит все детские годы в одном детдоме, этот процесс тоже возможен. Когда же его перекидывают из одной точки в другую и лишают ощущения родного места, тогда, в конечном итоге, Отчизна получает кого угодно, только не заботливого сына…

— Что такое счастье? — спросила у меня Наташа.

Я подумал и, конечно же, спел начало нашей любимой песни кукушонка.

— Это хорошо, а что еще лучше? — спросила Наташа.

— Не знаю.

— Самое большое счастье — вообще не родиться. Быть рябинкой или ромашкой. Стоять под солнцем, под дождем. Играть с ветром. И чтобы кругом был дремучий-дремучий лес. Чтобы людей вообще не было…

Слезы вдруг послышались в ее последних словах. Я испугался. Думал, сейчас будет истерика. Но тут в коридоре зазвенел бодрый Димкин голос, и Наташа оглянулась на дверь, отвлеклась, готовая убежать, исчезнуть…

— Как по-вашему, я хороший человек? — сменяя Наташу, спрашивает Димка.

— Нормальный.

— А что значит нормальный?

— Значит, ты помесь ангела с чертом. Как и все другие.

— А комсомолец я хороший?

— Не знаю. У себя спроси.

— Плохой, конечно. Я просто не знаю, не могу сказать, зачем нужен комсомол.

— Если тебе не нужен, мог бы не вступать.

— Это сейчас так. А когда вступал, заставляли всех подряд. Я и пионером плохим был. Выбрали зубрилку командиром. Никто ее не уважал, кроме учителей. На первый только сбор пришел. Протоколы там всякие, голосования. Зачем?

— Встряхнись, Димка!

— Попаду в интересную жизнь — расшевелюсь…

Мне стало страшно после этого разговора. Скольких людей губит формализм! Но на Димкином примере видно, что они еще не окончательно потеряны.

Сделал Лену своим «дублером». Кто с какой просьбой или жалобой приходит, сразу попадает в руки нашей «бригады». Я выслушиваю, ставлю диагноз, делаю назначения. А Лена тут же мои назначения выполняет. Если кто-то из ребят удивляется этому, я шутливо говорю:

— А вы разве не знали? Перед вами не Лена, а главный заместитель вашего врача!..

Ребята подставляют ей свои царапины или носы, и Лена смазывает их йодом или закапывает капли.

Ей это нравится. Она краснеет от удовольствия, когда я ее поторапливаю:

— Давай, хозяюшка, давай веселей! Ты же все тут знаешь! Как бы я без тебя!..

Она старается, хмурит бровки и делает вид серьезный, даже сердитый. Деловито покрикивает, если в кабинете много народа.

А когда все уходят, я рассказываю Ленке о правилах наложения повязок и о действии разных лекарств.

Привез из Дома санитарного просвещения большой пакет плакатов, памяток, буклетов. Дал два самых красивых Ленке, чтобы повесила у себя в спальной. И вдруг следом за Ленкой явилась толпа возбужденных девчонок и все потребовали «даров». Я вытащил все, что привез, и попросил Ленку распределить. Она брала плакат за плакатом, разглядывала, читала надписи. Девчонки тянули руки, получали и прижимали к себе бумаги, выспрашивали, где я их достал. У них были лица голодающих, которым дали поесть.

— А разве девочки тоже должны обтираться водой? — удивилась одна, разглядывая рисунок. — Я думала, это только мальчикам нужно!..

Они умчались и минут через пятнадцать пригласили меня. Их спальня украсилась разноцветными пятнами, и по контрасту с типографским великолепием особенно жалко выглядели стены, которым нужен был ремонт…

Позвонил в редакцию районной газеты. Спросил, что с тем письмом о детдоме, которое я послал.

— Ваше письмо мы передали в производственный отдел, — ответил женский голос. — Ваш детдом областного подчинения. Надо выяснить конкретно, в какой мере за него отвечает район и в какой мере — область. Кроме того, надо было вам какие-то предложения дать конкретные по устранению недостатков…

Сказано это было деловито, и я понял, что моя заметка никого не взволновала.

Положил трубку и отказался от надежды на помощь прессы… Санэпидемстанция тоже ничем помочь не в силах. Надавали лишь грозных предписаний. Но все сроки «для устранения неполадок» прошли. И никаких речей о закрытии детдома. А ведь пообещали сгоряча…

Олю за нарушение дисциплины выгнали из отряда и перевели в спальню к первоклассницам. Она отказывается там спать — приходит на ночь в изолятор. Я делаю вид, что не знаю об этом.

Раньше она почти не бывала у меня в кабинете. Сейчас появляется часто вместе с Леной и Наташей. Молчит. Слушает, как мы разговариваем. И вдруг ее прорывает. Остается одна в кабинете, когда прозвучал сигнал на обед и все убежали. Говорит, говорит…

— Самые верные в мире собаки. Мама с папой могут отказаться от дочки, а собаки никогда не откажутся от друзей. Собаки не предают.

Вы рассказывали, как учились в медицинском институте, Сергей Иванович, а я пойду в ветеринарный. Я все узнала. Чтобы заниматься служебным собаководством, обязательно ветеринарный надо кончить. Я всю жизнь буду с собаками. Я их любить буду. И они меня. А потом — не сразу — я стану начальником и буду все делать, чтобы служебным собакам жилось лучше…

Сережа и Лена помогают мне вклеивать в карточки

результаты плановых анализов.

— Я сейчас про Сталина читаю, — говорит Сережа. — Очень страшно. Он был преступником. Как ему разрешили стольких уничтожить!

— Было страшное время, — говорю я. — Он всех обманул. А ему верили.

— Я и то понимаю, кто честный, а кто враг.

— Сегодня друг, а завтра враг, — вступает Ленка. — Разве так не бывает?

— Понимаю, почему нас так много! — восклицает Сережа. — Всех лучших людей Сталин уничтожил. То есть наших дедов. Если бы наши, — он запинается на секунду, — родители от этих лучших произошли, мы бы тут не были.

— Бы, бы, бы… — ворчит Ленка. — Будешь петь с нами?

— Вы и сами с усами!.. — говорит Сережа насмешливо.

Мы работаем и напеваем тихонько наши песни…

— Вы можете погулять со мной? — спрашивает Женя из третьего класса.

— Когда?

— Вот сейчас. После обеда.

— Зови друзей. Свожу вас к Неве.

— Нет. Со мной одним. Со мной одним никто не гулял…

Мы вышли к Неве, спустились по обрывистому берегу. Солнце грело так ласково. Река дробила его свет, и каждая волна, каждый всплеск несли на себе маленькое солнышко.

Слева был подъем, покрытый редкими еще травинками и листиками. Так их было мало, что каждая травинка и каждый лист выглядели шедеврами.

— Я хочу кораблики пускать! — Женя стал поднимать прутики-соломинки и бросать их в воду.

— Давай пойдем в путешествие!.. — Я показал рукой вперед. Песчаная полоска тянулась почти до горизонта и далеко впереди сворачивала вправо. Маленькие березки карабкались по обрыву. Некоторые, устав, клонились к воде.

— Давай!.. — Женя протянул мне руку, и мы пустились в путь. Цепочка следов-корабликов тянулась за нами.

Когда мы вышли за поселок, стали попадаться бревна. Они лежали на мелководье, поблескивая влажными боками. Жене обязательно хотелось пройти по каждому бревну, и я, если хватало длины руки, поддерживал его. Потом вдруг встретили длинную цепочку бревен, соединенных друг с другом. Она с мелководья уходила на глубину и, сделав полукруг, возвращалась к берегу.

— Пошли?.. — спросил Женя, повернув ко мне счастливое лицо.

— Пошли!..

Женя подал мне руку и первым ступил на зыбкую тропинку. Мы медленно двигались по бревнам. Солнечные зайчики слепили, волны бежали справа и слева от нас. Под ногами была глубина. Голова слегка закружилась, и я старательно ставил ноги, чтобы не покачнуться, не свалиться. Когда берег снова придвинулся, я не смог удержаться — вздохнул облегченно.

Мы побродили по лесу, а потом вернулись к поселку — вышли к Дому культуры. Тут мы увидели маленькую речушку. Сейчас, по весне, она была переполнена водой и силой — раздвинула, растащила бетонные кольца, положенные там, где ее пересекала дорога.

Мы попрыгали по этим кольцам. Интересно было глядеть в бешено несущуюся воду. Она завораживала. Какие-то силуэты скользили по ней — извивались, переплетались. Что это было? Игра света? Тени зимы?..

И вдруг под стремительной поверхностью, в желтоватой мгле я увидел скрюченную лапу. Не поверил себе, но Женя подтвердил — тоже видит. Я опустил руку в воду, схватил, потянул вверх. Показалась вторая лапа. И вот под водой возникло видение курицы — безголовой птицы, которая, растопырив крылья, висела в нереальной полутьме. Вода перебирала перышки, и казалось, что курица шевелится.

— Отпустить? — спросил я у Жени.

— Отпусти!.. — кивнул тот.

Я разжал руку, и курица встрепенулась, понеслась куда-то суматошно, мелькнула белым бесформенным пятном и исчезла в бетонных кольцах, внутри которых ревела и пенилась вода…

Долго потом Женя вспоминал нашу прогулку.

Прибыла комиссия из Министерства просвещения. Очередная проверка.

Важная дама-инспектор ходила повсюду в сопровождении свиты. В свой черед пришли ко мне. Дама стала спрашивать о диспансеризации, об углубленных осмотрах детей. И… ни к чему не смогла придраться. Попросила отчет за прошлый год. Я вытащил «Журнал здоровья», в который у меня сведена вся необходимая отчетная информация. Объяснил даме суть своего новшества: только один отчетный журнал и никаких других бумаг. Зато в этом журнале все, что нужно…

Дама ничего не поняла и сказала, что должны быть формы документов, утвержденные министерством. Я сказал, что

министерство требует много лишнего. Дама сказала, что министерству виднее, какие цифры лишние, а какие нет. Я сказал, что виднее всегда на местах, а не где-то там, в министерской дали.

После этого она разозлилась, что было заметно по ее глазам. Но вслух свою злость не показала — свиты постеснялась. Она спросила, где у нас шины. Я продемонстрировал шины Крамера на полке шкафчика. Дама заявила, что по инструкции министерства шины должны находиться на видном месте.

Меня смешили эти ее бесконечные «по мнению министерства», «по указанию министерства», «министерство считает»… Не сдержав улыбку, заявил, что, по моему мнению, шины здесь вообще не нужны, учитывая близость больницы и то, что «скорая» может быть у нас через пять минут после любого ЧП. Это ее еще больше разозлило. Так что при внешней вежливости накал нашей беседы возрастал стремительно.

Она пошла в изолятор, и тут судьба подбросила ей «подарок». В изоляторной посуде, предназначенной для больных, не хватало кружек и ложек. Тарелки и кастрюли были на месте, а вот кружек и ложек не было — девчонки унесли их на кухню.

В глазах у дамы появилось торжество. Я сказал про девчонок-помощниц, которые перестарались, проявив излишнее усердие. Но дама не слушала. Наступила ее «звездная минута», и она обрушила на меня потоки отшлифованной канцелярской демагогии. Когда она сказала о том, что «надо про детей думать», я не выдержал и снова улыбнулся. Дама после этого замолчала. Должно быть, сочла меня безнадежным. Выговор я, видимо, все-таки заработал.

По закону парных неприятных случаев пришла ко мне в тот же день Валеркина бабушка. Толстая, краснолицая, она нависла надо мной, как скала.

— Почему вы положили Валеру в больницу, не спросив разрешения у меня?

— А почему я должен спрашивать у вас?

— Я ему бабушка!

— Вы отдали его в детдом.

— Это вас воспитательница науськала на меня?

Я промолчал.

— Подождите, вы у меня еще поплачете! От меня не один врач плакал!

Я промолчал.

— Все равно его выпишут! Пойду и заберу!..

Бабушка ушла. Я занялся ребятами, которые ждали помощи.

Через час позвонил в больницу — спросил, отпустили Валеру или нет.

— Ну что вы! — ответила заведующая. — У него температура держится… Бабушка?.. Была, ругалась. Мы ее пристыдили…

Ленка прибежала и закричала.

— Сергей Иванович, дайте мне адрес!

— В лесу ты, что ли? Какой адрес?

— Ваш!

— Давал ведь уже.

— Потеряла бумажку!

— Ну, сбавь тон-то!

— С мальчишками дралась! Дураки — во!.. — Ленка повертела пальцем у виска. — Такие гадости говорят!..

— Когда тебя ждать в гости?

— Когда-нибудь!.. Прежде к маме надо съездить в субботу. А потом уже к вам.

— А ты пропусти один выходной.

— Да вы что! Чокнулись?

— Иди-ка успокойся! Когда захочешь, тогда и приедешь. Всегда буду рад…

Я написал на рецептурном бланке свой адрес. Ленка взяла его и ушла.

Только на другой день до меня дошел дичайший формализм комиссии из министерства. Они приехали, свысока поучили нас, как жить и работать. А когда мы попытались поднять болевые темы, те, о которых я писал в районную газету, нас вежливо и непреклонно оборвали, не пожелав даже выслушать до конца. Зачем нужны, спрашивается, подобные инспекции?..

— Ну что, были «репрессии»? — спрашиваю у Зинаиды Никитичны. Напоминаю наш разговор о том, как она выступила против директора.

— Не было никаких, — Зинаида Никитична говорит торжествуя. — Но не это меня излечило от страха. Меня ребята вылечили, восьмиклассники. Я тут недавно дежурила, и получился у нас очень острый разговор в их спальной. Они ничего не принимают на веру, стремятся самостоятельно все находить, вырабатывать в себе. Они будут борцами. Они не испугаются говорить правду, как мы боимся по привычке. Как я боялась…

— Димка небось больше всех выступал?

— А откуда вы знаете?

— Он умница. Но хитрый. И озорной…

— Алеша, тебе куртку стирали хоть раз? — Я показываю на школьную форму, заношенную и покрытую на груди белыми пятнами.

— Не-а! Но зато ее гладят каждую неделю! — отвечает первоклассник Алеша. — Стирают рубашки, трусы и майки…

Он плотный, чернобровый. Когда говорит, не смотрит прямо — глаза все время стреляют вправо-влево.

— Расскажи про папу с мамой. Пили?..

— Не-а! Только папа водку. Я тоже один раз…

— Папа угостил?

— Папа хороший. Меня от мамы защищал.

— Но ведь мама не пила?

— Мама психовала. А один раз я картошку с ней чистил. Она тогда не психовала.

— А еще что хорошее помнишь?

— Бабушка мне мороженое купила.

— Она где живет?

— Вместе с папой и мамой. Она тоже водку пила. Но не каждый день. И тоже от мамы меня защищала.

— Ты боялся, когда мама психовала?

— У нее глаза такие… И кричала. Будто ей больно.

— Била тебя?

— Что вы! Никогда не била!

— От чего же тебя защищали?

— Не знаю. Мы с папой убегали. И пили пиво.

— А с бабушкой?

— С бабушкой вино пили. Сладкое…

Алеше девять лет. В первом классе учится второй год. Иногда в разговоре вдруг начинает изображать младенца — сюсюкает, коверкает слова, старательно заменяет «р» на «л», словно забывая ненадолго, как она звучит, эта «рычащая» буква…

Сережа почти не заходит. От других ребят слышу, что он плохо ведет себя на уроках, не делает заданий, грубит учителям. Девчонки сказали, что он стал курить.

Приглядываюсь к нему во время визитов. Ничего внешне в нем не изменилось. Правда, молчаливее стал. И в глазах иногда мелькает что-то. Будто серая дымка появляется на секунду-другую. Что она означает? О чем говорит?..

Пытаюсь его вызвать на откровенность. «Как дела?», «Как жизнь?», «Что не ладится?» Но откровенные разговоры, видимо, ушли в прошлое. Он отделывается общими словами. Потом выпрашивает что-нибудь — поливитамины, аскорбиновую

кислоту или глюкозу — и исчезает.

Что с ним происходит? Знаю, что он дерется чуть ли не каждый день. Знаю, что для него нет теперь авторитетов.

Может быть, он озлобился из-за чего-нибудь? Может быть, переходный возраст? Скорее всего, и то и другое.

Хочу ему помочь. Рассказываю о той гормональной буре, что сейчас в нем бушует. Пытаюсь научить его азам аутогенной тренировки. Не знаю, слышит ли он меня? Хочет ли меня услышать?

Мне объявили выговор. Формулировка мягкая и расплывчатая. «За недостатки в организации питания…» «На ушко» посоветовали впредь не раздражать инспекторов из министерства.

Меня выговор не огорчил. Задела бесполезность комиссии. Много человек потратили много часов на то, чтобы приехать в детдом, с важным видом его обойти, пропустить мимо ушей наши сетования и удалиться, считая, что сделали полезное дело…

Димка глядит исподлобья, туча тучей.

— Что случилось? Вид у тебя смурной.

— Какой самый лучший способ самоубийства? Вы же медик, должны знать.

— Ты… шутишь?

— Ничего я не шучу! Каждый гад меня может обозвать! И возразить нечего!

— А понятнее можно?

— Иду сейчас по поселку и натыкаюсь на пьянчугу. Грязный, щетинистый, глазки мутные. Из кармана кусок сахара вынул — весь в желтых крошках — и мне протягивает. А сам бормочет: «Приютский!.. Сиротка!.. Несчастненький!..»

Димка кривляется, передразнивая пьяного.

— Если уж он меня попрекнул, слизняк, пьянь, значит, он чувствует себя выше. Значит, я в самом деле такой, как он сказал…

Димка прикусывает нижнюю губу, морщится, вот-вот заплачет. Не знаю, как его утешать. Дать пустырника выпить, что ли?

С облегчением слышу сигнал на обед…

Такое бывает только в детдоме. Прибежали девчонки-первоклассницы, принесли находку, попросили ее «вылечить». Они нашли на улице резинового надувного Чипполино. Большая, красиво раскрашенная игрушка была вся в проколах и порезах.

Какой-то семейный ребенок натешился и выбросил. А наши разве мимо пробегут, если увидят брошенную на земле игрушку? В спальнях у этих девчонок есть шикарные куклы, которым, я уверен, могли бы позавидовать бывшие владельцы Чипполино. Но все-таки им надо подобрать то, что под ногами, из-за «комплекса обделенности». Шикарные куклы им выданы, то есть не совсем свои. А эта игрушка подарена судьбой, она безраздельно своя, не казенная.

Я думаю, как же вылечить Чипполино. И нахожу простой рецепт. На каждый порез, на каждый прокол вместе с девчонками наклеиваю полосочки лейкопластыря. Множество белых черточек появляется на физиономии, на теле, на руках и ногах озорного «лучишки». Надуваем игрушку. Она округляется, будто оживает. Девочки, ликуя, уходят с Чипполино. А я убираю лейкопластырь в медицинский шкафчик. И жалею, что все так быстро кончилось. Мне понравилась эта «реанимация»…

Мой кабинет стал для некоторых ребят школой сопереживания. Они здесь как в театре. Пришел, например, Валера — проткнул руку, когда открывал перочинным ножом банку сгущенки. И зрители ахают, охают, восклицают, комментируют каждое мое движение, пока обрабатываю рану и накладываю повязку. И Валера «на миру» держится геройски, бравирует:

— Мне так весело было, когда это случилось! Гляжу на руку и смеюсь!..

Или Димка пришел с клещом, впившимся в шею. Зрителям снова повод поохать, посочувствовать. Смотрят, раскрыв рты, и недоумевают: почему я сразу не удаляю клеща, а для чего-то ищу бензин. Поджечь я его, что ли, решил? Так ведь обгорит шея у Димки!..

Порой мне кажется, что милосердны они только здесь, в кабинете. Хотя это, конечно, преувеличение. Но зная про их бесконечные драки, их грубые наскоки друг на друга, обрабатывая их, поцарапанных, пораненных и даже покусанных (Алешку-первоклассника дважды за день укусили), невольно думаешь, что иного места для милосердия, кроме кабинета медицинского, они не знают. Тянет же их все-таки к доброте, к жалости. Приходят, стоят, вздыхают хором. Почему же для них жалость — понятие вроде бы пространственное, внешнее, а не душевное? Здесь можно другого пожалеть, а за дверью — ни за что…

Ленка молча разглядывает меня и тяжко вздыхает. Я тоже

себя осматриваю. Вроде все в порядке. Что же она так уставилась?

— Вы разве глупый, Сергей Иванович? — говорит Ленка, изучив меня.

— Всякий бываю. Но вообще-то не жалуюсь.

— А наша воспиталка вас глупым назвала. Я ей рассказала, как вам помогаю лечить, как лекарства раскладываю, перевязочный материал готовлю. Думала, она похвалит. А она губки сморщила: только глупый человек может тебя, Лена, к лекарствам подпустить. А сама даже не знает, как бинтовать надо: к себе или от себя…

— Значит, не будешь больше мне помогать?

— Ну да! Сколько хотите! Только она ведь снова будет вас называть!

— А разве ты с ней согласна? По-твоему, я разве глупый?

— Не-е-ет!..

Ленка тянет не слишком уверенно. Я улыбаюсь.

— Ну и будь моей помощницей. Поняла?..

— Я-то поняла. А вот она…

Ленка замолкает озабоченно.

Ко мне привязался Женя, с которым мы ходили на прогулку, — миниатюрный, словно игрушечный, мальчик из третьего класса. У него огромные, очень умные глаза, длинные пушистые ресницы. Мне кажется иногда, что за его хрупкой оболочкой скрывается многое повидавший и переживший человек.

Он приходит ко мне, прижимается плечом к моему плечу и стоит молча. А я пишу свою бесконечную писанину в медицинских картах и боюсь шелохнуться, чтобы не показалось ему, что я его оттолкнул. Иногда задаю какой-нибудь вопрос, и он отвечает немногословно. Когда появляются другие посетители, он тихонько отстраняется и садится на стул рядом со мной. О родителях я решил у него не спрашивать. Но вскоре почувствовал, что привязываюсь к Жене, жалею его, не могу понять, как от него можно было отказаться.

— Ты помнишь маму? — спросил его, готовый тут же сменить разговор.

— Не помню. Старший брат рассказывал. Нас у нее было двенадцать. Девять мальчиков и три девочки. Шесть мальчиков только до года дожили и померли — кормила плохо. Остальные в разных детдомах. За детей дают деньги — пособия. Вы знаете?..

Я киваю головой.

— Она нигде не работала. Жила на эти пособия. Для того и заводила нас, чтобы деньги получить…

Женя замолкает. И я тоже молчу: делаю вид, что занят своей работой. Но сам так напряжен, что от случайного скрипа вздрагиваю.

— Лешка, ты, оказывается, трус! — говорю я.

Бледный Леша забился в угол кабинета. Ему надо сделать укол — у него тяжелая ангина. Но вот поди-ка вымани его из угла!

— Не люблю трусов! — говорю с презрением.

— Я не трус! — обижается он. — Я маму знаете как защищал!

— Как?

— Один сосед маму обзывал по-всякому. А я к нему, к соседу, через форточку забрался и разбил его телевизор.

— И сосед тебя не поймал?

— Что я, дурак! Я без него! Он потом кричал, что это я. Но ведь не видел!

— А маме ты рассказал?

— Рассказал.

— И что она?

— Смеялась очень.

— И все?

— Просила больше не лазать…

Леша выдвинулся из угла на середину кабинета. Я подошел к нему со шприцом.

— Да делайте, если надо!.. — Леша сказал это небрежным тоном, но голос предательски дрогнул.

— Теперь вижу, что не трус! — похвалил я.

И сделал укол…

Почему все, кто угодно, «виноваты» в перекошенных судьбах детей — милиция, педагоги, врачи, — и только их родители ни в чем не виноваты? Я слышал, как оправдывалась одна мамаша, и не мог сдержать невольного чувства гадливости.

— Да милиция у меня украла ребенка! Воспользовались, что меня не было дома! Воры! Их бы самих судить надо за это, милицию! Шпионили, совали носы, доносы писали! Гады! И врачи не лучше. «Ребенок ослабленный», «у ребенка рахит»… Откуда ему взяться, рахиту, если ребенок все время на свежем воздухе! Ни черта не понимают, коновалы! Только воображают… а учителя — те вообще дармоеды! Сами калечат ребенка, а на меня валят! Какой же он недоразвитый! Щеки — во! Как помидоры! У недоразвитых таких бы щек не было! Бегает, прыгает — не хуже других! Им лишь бы на кого-то свалить! А разве это правильно? Они учителя, пусть они и отвечают за ребенка!..

Неплохо одетая, завитая и подкрашенная, она выглядела «как все». Никакого смущения, никаких угрызений совести вроде бы не испытывала. Возможно, собственная жизнь даже нравилась ей, устраивала ее.

Глядя на нее, я подумал, что гуманность может быть глупой, неоправданной. Должно ли общество быть гуманным к таким, как эта?

— Ребятам завидовала, — говорит Зинаида Никитична, — что жить им в обновленной стране. А теперь не завидую. Увидела: и я успею подышать чистым воздухом. Смотрю по телевизору на педагогов-новаторов. За них радуюсь. Смотрите, как непривычно все. Один превратил уроки в игру, в театр. Другой устроил так, что ребята учатся стоя. Нам кажется: как же так, устанут. Но медики подтверждают: ребятам стоя лучше, они бодрее себя чувствуют… А третий сократил уроки до тридцати пяти минут. И ребятам стало легче, они оживились, результативность повысилась… Может, и мы подумаем, как нашу жизнь организовать… Только совершенно по-новому… Совершенно по-другому… Боже ты мой! Как странно, как непривычно — жить без оглядки, свободно, творчески!..

Сережа приходит взлохмаченный.

— Ты что, забываешь причесываться?

— Просто мне не нравится.

У него свободный урок, он сидит у меня в кабинете, и мы говорим о жизни…

— Какой самый радостный день у тебя был? Можешь сказать?

— В этом детдоме? Или в Сиверском? Или в Ивангороде?

— Да в любом.

— Помню нам машинки выдали. Большие самосвалы. Только нашему классу. А остальным маленькие машинки. Другие нам завидовали. Поиграть просили…

— А в этом детдоме?

— А в этом когда бабушка приезжала. Она мне письмо от мамы дала…

— А мама тебя взять не обещает?

— Обещает. Когда восьмой кончу.

— А ты не думал о том, как сделать новую жизнь в детдоме?

— Нет, не думал. А зачем? Дайте мне витамины! Или шприц брызгаться!..

Женя стал разговорчивей. Ему, как и всем детдомовцам, очень не хватает обычной бытовой информации, которую

семейные дети получают мимоходом.

Женя постепенно, слово за словом, дорассказывал короткую историю своей жизни.

— Мама всех нас бросила. Меня и брата она в магазине оставила. Завела в отдел, а сама убежала. Брат сейчас в восьмом классе, вы, наверное, знаете. Он говорит, как только ему восемнадцать будет, заберет меня. Вместе жить станем. Вот бы еще папа был! С папой, наверное, хорошо, правда?..

Женя замолкает, стоит, прижавшись к моему боку…

Педагоги давят на детей, наседают ради выполнения своей программы. Порой мне кажется, что педагогические задачи решаются даже в ущерб медицинским. Ведь у нас многие дети ослабленны, многие невротики, а эта школьная принудиловка рождает в детях стойкое отвращение к разным предметам и к учебе вообще, гасит искры таланта. Ребята инстинктивно протестуют — прогуливают, пытаются спрятаться в изолятор.

По-моему, детдом не должен быть только местом призрения брошенных детей, не должен быть обычным учреждением, каковым является сегодня. Любой детдом должен быть школой санаторного типа — с медицински обоснованным режимом дня, с повышенным вниманием к вопросам здоровья, с кабинетами физиотерапии и лечебной физкультуры, с врачами — узкими специалистами, которые или вошли бы в штат, или на какой-то другой основе могли наблюдать детдомовцев.

Или пускай подобный — медицинский — уклон будет у детдомов первой ступени, главная задача которых — провести реабилитацию ребенка после неудачной семейной жизни, возродить его телесно и духовно.

А затем наступает время лицея (так я его назову)… План его мне не ясен до конца. Я вижу в нем равенство детей и взрослых… Я вижу педагогов, которых не делят на учителей и воспитателей…

У меня в кабинете Ленка. Она наливает воду из графина в пластмассовый стаканчик, чтобы запить таблетку «от головы».

Тут влетает лихой третьеклассник, заводила среди своих ребят. Он выхватывает стаканчик из-под Ленкиной руки и выплескивает воду себе в рот. При этом поглядывает эдаким удальцом, которому все позволено.

— Что там было? — спрашивает небрежно, то ли к Ленке адресуясь, то ли ко мне.

— Сильнейший яд! — говорю я с серьезным видом. — Хотели крыс травить!..

Зачем я это сказал, сам не знаю. Видимо, из-за желания «осадить нахала». Но после моих слов происходят страшные вещи. Третьеклассник меняется в лице, бледнеет на глазах, скрючивается, стонет. Вижу, что это не игра, не притворство. Ему действительно плохо — начинается неудержимая рвота. Он буквально заливает пол рвотными массами.

Я испугался, но стараюсь этого не показывать. Уверенным, твердым голосом объясняю парню, что в стаканчике была вода. Обыкновенная. Ленка подтверждает.

И… рвотные позывы прекращаются. Лихой заводила сидит на кушетке обессиленно, мокрые волосы прилипли ко лбу. Некоторое время он еще ощущает, что болит желудок. Затем боль исчезает.

Ленка принимает свою таблетку и уходит. Я опасливо поглядываю на третьеклассника и в сотый раз даю себе клятву никогда необдуманно не швыряться словами…

Наташа услышала, что я разговариваю с Женькой, и захотела рассказать о себе.

— Я с братиком жила, он теперь в Ивангороде. А папа все время пил. И кричал на мамочку. Приходит и сразу кричит: «Давай жрать!..» И обзывается по-всякому. А мамочка молчит. Она на двух работах работала. Днем на одной, а вечером на другой. Придет в десять вечера, поест и падает без сил. А мы стараемся ее утешить — рассказываем, как мыли полы, учили уроки. Иногда она сядет на кровати и плачет. И мы вместе с ней. А когда папа с теткой-пьяницей связался, мама совсем заболела. Эта тетка появится и орет, как дура, что квартиру нашу надо делить, что папа не хочет с нами, а мы, когда вырастем, все равно будем ему алименты платить. Разве это правильно, что нам такому папе платить надо? Разве мы ему должны что-то? Ведь он для нас ничего хорошего не сделал. А когда мамочка умерла, вообще нас бросил…

У Наташи толстые губы, челка покрывает весь лоб. Вчера она очень серьезно спросила:

— Сергей Иванович, я красивая или нет?..

Вижу, что Зинаида Никитична в хорошем настроении. Прошу:

— Вы обещали про себя рассказать.

— Да, помню…

Она задумывается и грустнеет на глазах.

— В молодости была глупой. Большую любовь проворонила. С одним моряком танцевала, провожал он меня. Потом уехал и стал письма писать. Признался в любви. Я ответила

благосклонно. Обещала ждать. И ждала целый год. А через год поступила в институт. И послали нас в колхоз. Пропади она пропадом, та поездка… Приглянулась я шоферу колхозному. Кудрявый, смелый, веселый. Пел хорошо, играл на гитаре. Короче, мы расписались и уехали в город.

Она вздыхает. Я хочу прервать ее, но не успеваю.

— Мама да братья невзлюбили мужа. Стали придираться. А он оказался слабым. Решил водкой обиду залить. Дочка родилась. Муж пил все больше. Ну и развелись…

— А моряк?

— Узнал, что я замуж вышла, и перестал писать. Так и потеряла из виду… Прожила жизнь одна. Доченьку растила…

Сережа пришел, отвлек меня от первоклашек и потребовал, чтобы мы снова сыграли в кабинете сказку про кукушонка. Вместе с Сережей пришли два восьмиклассника.

— Они не верят, что мы сами сочинили! — сказал Сережа. — Давайте мы покажем!..

Я согласился. Срочно послали одну из первоклашек за Ленкой. Она явилась, и незадолго до обеда состоялся спектакль. Мне показалось, что наши «партии» звучали задушевнее, чем прежде. Наверное, потому так было, что мы изменились и сейчас, когда пели, вспоминали лучшие времена…

— Это же готовый мультфильм! — сказал один из восьмиклассников. — И директор не согласился это поставить? Ну и ну!

— Как ты верно сказал про мультфильм! — удивился я. — Я думал о театре музыкальной сказки. Про мультик не подумал. Давайте вместе поедем на киностудию?

— Да нам-то зачем! — сказали восьмиклассники хором и ушли.

— Меня мама скоро заберет! — напомнила Ленка. — Поезжайте без меня!..

А Сережа промолчал, глядя в сторону. И по его молчанию я понял, что он тоже не поедет со мной…

Я съездил на киностудию. Съездил один, без ребят. Результат поездки никакой — меня не пропустили дальше вахтера. Так и не узнал, можно ли превратить нашу «Сказку про кукушонка» в мультфильм.

Провожу день с Женькиным отрядом. Хочется посмотреть, как ему живется…

Вот их будят утром и они встают нехотя. Делают лениво зарядку. Плетутся умываться. Зубы не чистит почти никто…

Вот завтракают — шум, гам, неразбериха в столовой…

Вот учатся — а за окнами весеннее солнышко и зеленая листва… После уроков слоняются — два часа ничегонеделания до обеда. Женька и многие другие торчат у меня в кабинете — рисуют, болтают, играют в «крестики-нолики», пробуют силу на ручных динамометрах…

Вот обед. Снова шум, гам, неразбериха. После обеда — прогулка с воспитателем, хождение по поселку и окрестностям. После прогулки в учебном корпусе начинается самоподготовка. Она длится до тех пор, пока все не приготовят уроки…

Вот вечером в спальном корпусе отрядные «мероприятия» — игры, чтение, рассказы. Проходят они, судя по тому, что я видел, без особого вдохновения…

Вот пора спать ложиться, кончился день.

И все время в толпе, все время на людях. Даже в «бездельное» время — и то под сотней глаз. Ничего своего…

Женька рассказывает:

— Я парашют хочу сделать, Сергей Иванович! Только вы никому не говорите! Я все уже придумал. Закрою глаза и вижу, какой он будет — белый, как птица. Я с ним заберусь на эту башню, которая рядом с нами, и оттуда прыгну. За лето он у меня будет готов…

Женька блаженно щурится. Ему приятно думать о своем парашюте.

А я представляю, как он лезет на водонапорную башню со своим изделием из простыни или чего-то подобного, и содрогаюсь в душе.

— Ты, когда привезешь парашют, покажи его сначала воспитателю или мне! — прошу у Женьки.

— Хорошо! — соглашается он…

Зинаида Никитична прибежала красная.

— Дайте валерьянки, Сергей Иванович! Или чего-то посильнее! Вы вообще-то взрослых лечите?.. У меня нервы стали совсем ни к черту! Застала восьмиклассников: парня и девушку. Он ей платье расстегнул, залез за пазуху. А она хоть бы что! Хихикает!.. Сказала, чтобы он к директору шел. Так он на меня с кулаками. Не удержалась, по щеке шлепнула, чтобы привести в чувство… Ничего я, видно, не стою как воспитатель. Ничего не понимаю. Не отличаюсь ничем от директорской гвардии… Чуть что — и кулак наготове…

А как тут надо было? Как на этот секс реагировать? Пошутить?.. Не заметить?.. Дикари мы дикари! Сами

невоспитанны, а других беремся воспитать…

Она принимает успокоительную таблетку. Садится за стол. Подпирает голову руками.

— Сергей Иванович, а вы Бабу Ягу не боитесь? — вдруг спросил Женька.

— Нет. Что это ты про нее вспомнил?

— Я ее очень боюсь! До школы я был в другом детдоме. Там нас воспитательница все время пугала Бабой Ягой. А однажды она переоделась и пришла как Баба Яга. Лицо вымазала, волосы растрепала. Противная-противная. Я так испугался, что под кровать залез. А ночью, когда в туалет захотел, даже дрожал от страха…

— Вы, наверно, сильно озорничали? Не просто же так она вас пугала?..

— Баловались. Но ведь не пугали ее…

Первоклассницы прибежали и закричали:

— Хотите мы вам погадаем, Сергей Иванович?

— Давайте!.. — согласился я…

И вот они стали гадать. Нарисовали на бумажке домик, под ним — рюмку, а еще ниже — мешок.

— Дым есть? — спросили у меня.

— Есть!

— Рюмка полная?

— Полная…

Та, что спрашивала, при этом моем ответе вздохнула.

— Мешок полный?

— Полный… — Я решил на все вопросы отвечать утвердительно.

Девчонки переглянулись, заулыбались друг дружке.

— Ну, говори! — велели рисовальщице.

— Дым есть — значит, в доме тепло! — сказала та.

— А рюмка полная что значит?..

Первоклассницы замолкли, потупились. Потом пошептались.

— Ты лучше напиши! — посоветовали подружке.

И та сбоку от рюмки написала расшифровку: «Вы пьете!..»

— Ну а мешок полный? — спросил я.

— Значит, в доме много еды!..

— И все? — спросил я.

— Все! — радостно сказали они.

Я их поблагодарил, и они убежали — воробьишки, которым ничего больше не нужно: только знать бы, тепло ли в доме, пьет ли хозяин и есть ли еда…

Сидим в кабинете с Ленкой, молчим. Я делаю записи в медицинских картах. Ленка что-то рисует, вздыхает изредка.

— Сочинить бы новую сказку! — говорю я мечтательно. — Или придумать бы новый детдом! В котором все было бы хорошо…

— Как это? — не понимает Ленка.

Я начинаю выкладывать идеи про лицей. Увлекаюсь. И Ленка слушает увлеченно.

Беру бумагу. Записываю торопливо. Перечеркиваю. Ленка спорит, высмеивает меня…

Сережка забежал, острижен коротко, уши торчат, курносый. Попросил витаминов и стал рассказывать.

— Знаете, какой шум мы вчера устроили? Залезли на крыши сараев побегать по ним. И вдруг бабка пришла. Подозрительная какая-то. Оглядывается. Мешок в руке… Мы залегли и наблюдаем. А она между сараями шныр, шныр. Одну бутылку подняла, другую — и в мешок. Проверила все закоулки, села на березовый чурбан и стала бутылки вынимать — пересчитывать. Лохматая, нос красный. Я слез потихоньку, подобрал камень и снова забрался на крышу. Встал на самом краю, прицелился да как бахну по бутылкам. Старуха завизжала, браниться начала. Я спрыгнул с сарая и побежал. Она за мной. До самой Невы за мной гналась…

Думаете, я просто так ее водил? Пока мы бегали, Димка мешок с бутылками стащил. Он лежал на крыше, когда я побежал. Представляете, как старуха вопила?..

— Вы, значит, своровали бутылки?

— А она что, не воровала? Все время оглядывалась.

— Она собирала.

— Она пьяница!

— А зачем вам бутылки?

— Сдадим. Конфет купим…

Сережино возбуждение погасло. Он смотрел недовольно: ведь пришел посмешить меня, а я…

— Рассказать, что мы с Ленкой придумали?..

Читаю записи про лицей. Сережа смотрит удивленно.

— Хочу с вами. Жить веселее, когда что-то можешь изменить…

Директорский кабинет роскошен. Потолок и стены затянуты чем-то вроде красного бархата. За креслом эффектная драпировка. Самое помпезное помещение в детском доме…

— Сергей Иванович, — говорит директор, — до меня дошло,

что ребята к вам в кабинет приходят просто так, поболтать, как бы поразвлечься. Этого, по-моему, быть не должно. Медицинский кабинет — место, где появляются только по делу. Только по делу, а не ради пустых разговоров…

Я жду, когда он остановится, когда предложит высказаться мне. Жду, не упомянет ли мою авантюрную поездку к непутевым родителям. Не объяснит ли, как наказал учительницу, избившую мальчишек. Знаю, что ей досталось, но не от него…

Но он ничего не спрашивает у меня, и я уношу свое мнение невысказанным.

На разных полюсах мы с ним. Океан отчуждения между нами…

Время наступило свежее, ветровое. Время душевной бессонницы и вечного беспокойства. Время каждому проявить себя. Решить, для чего ты рожден. Неужели только для того, чтобы получать зарплату? Спроси у совести, чем и как можешь себя проявить. Никакие инструкции этого не подскажут. И если надо открыть душу для ребенка, хотя этого в «обязанностях» нет, открой, пока не заржавела. Никакой администратор не научит быть человеком — только совесть… Реши, что все вокруг касается тебя, а не только твоего начальника — и глаза твои обновятся, и сердце твое тоже станет зрячим.

Так я понимаю…

Как случилось, что Лена и Сережа привязались ко мне? Почему я их заметил, выделил?..

Мы бредем с ними по берегу Невы, я рассказываю сказки, только что вычитанные в одной книжке.

— Подумаешь!.. — говорит Ленка ревниво. — Я, если хотите, прямо тут, на берегу, найду вам живые сказки. Да вот первая!..

Лена показывает на камень. Он почти весь под водой, зеленой шерстью оброс. На камне лежит прямая длинная веточка. Видно, занесло ее течением на камень, развернуло поперек, и вот она покачивается в такт небольшим речным волнам.

— Рыболов, — говорю я.

— Правильно… Сто лет он смотрел, как стоят на берегу люди, машут длинными палками и выхватывают из воды рыб. Захотелось ему самому попробовать. Выловил вот такую удочку. И ждет, что за добыча будет. И невдомек старому, что нужны еще и леска, и крючок, и вкусный червячок.

— Молодец! — говорю я Лене. — А ты, Сережа, сказку найдешь?

— Пожалуйста!.. — Сережа указывает на клок ярко-зеленой

травы, который высовывается из воды в нескольких шагах от берега.

— Видите, вокруг нее водоросли? И она тоже была коричневой и под водой жила. И глядела из-под воды на желтый шар, который сверху дарил свет и тепло. Глядела на веселых детей, как они прыгали, плескались, визжали. Ей было неинтересно под водой. И однажды она решилась: встряхнулась, потянулась и начала расти — туда, вверх, к теплу и свету. Другие водоросли возмущались, говорили, что она сошла с ума, советовали образумиться. Но она все росла и росла. И вдруг яркий свет ударил по ней. Она почувствовала, что меняется, сгорает, что все ее клеточки открываются и впитывают ароматный воздух. Коричневая окраска схлынула, будто отмытая грязь. А изнутри показалась яркая-яркая зеленая краска…

— Отлично! — от души говорю я.

— Я еще могу! Вот смотрите!.. — Сережа указывает на еловое бревно, наполовину вросшее в песок. На нем очень много сучков.

— Жила-была прекрасная ель. И вдруг ее срубили. Положили на плот, и буксир потянул плот по реке. «Не хочу!» — подумала гордая ель, дождалась волны от встречного теплохода и соскользнула в воду. Она приплыла к берегу, зарылась в песок и тут стала жить. Поначалу она кричала ветрам и волнам, что свободна и никто ей не указ. Потом один ее бок стал загнивать, другой — сохнуть и трескаться. В трещинах поселились букашки, которые не слушали, что она бормочет. А если бы и слушали, ничего бы не поняли… А другие ели превратились в прекрасную белую бумагу. Однажды пришел на берег сказочник, увидел трухлявый ствол и придумал сказку о судьбе красавицы ели…

— Теперь я! — кричит Лена. — Вот, глядите на камень!..

— Камень и камень… Большой… Только самая подошва в воде… Похож на склоненного человека. Будто человек встал на колени и нагнулся попить…

— Он сильный. И никто ему не нужен. Никого не замечает. Все время думает о чем-то своем. А волны подбегают — легкие, звонкие, светлые, — обнимают его, просят их полюбить. Глядите, нахлынула справа и слева, обняла. А он не видит и не слышит. И волны отворачиваются, убегают. А другим волнам кажется: уж они-то сумеют его разбудить, уж их-то он полюбит обязательно…

Так мы и идем дальше по берегу…

Зинаида Никитична спросила озабоченно:

— Про Димку не знаете?

Я покачал головой.

— А зря. Он вчера напился как свинья. По-другому не

скажешь. Я как раз дежурила. А тут подарочек: Димка пьяный. Откуда только деньги взял? Представьте: лежит на постели в верхней одежде, в ботинках и плачет крокодильими слезами.

— Так и не узнали, почему напился?

— От одиночества. От ненужности своей. Скоро выпуск, а идти-то куда? Кто накормит-напоит? Кто даст приют?.. Заплачешь…

— Другие не плачут.

— Он тоньше. А боятся все. Нежеланные они… Случайные…

— Директору доложили?

— Что я, дура! Он бы сразу мне выговор: мол, недосмотрела.

— Как же Димке помочь?

— А никак! Зря и вам-то рассказала. Черт за язык дернул.

— Может, он сочувствия ждет?

— Может, и ждет. Но нельзя его жалеть. Сломаться может…

Зинаида Никитична ушла. Я подумал, пометался по кабинету и… побежал к Димке в спальную. Позвал его на помощь. Потом сбегал за Ленкой и Сережей…

Лицей — идеальный детский дом. Или скажем скромнее: лицей — школа, где получают разностороннее, гармоничное образование, где овладевают искусством быть людьми.

Дети живут в нем все время, к родным уезжают лишь на каникулы. В общую школу не ходят, учатся тут же, внутри лицея.

В лицее равноправие взрослых и детей. Дети разделяются на отряды по специальностям. Возраст лицеистов — с четвертого по десятый класс. То есть в лицей попадают с десяти-одиннадцати лет.

В каждом отряде существует высший орган власти — совет из трех человек. Совет выбирается отрядом сроком на месяц — один человек из младших, один — от старших членов отряда, один — как уважаемый и деловой. Одни и те же люди могут избираться не больше, чем на два срока подряд. Затем избирается новый состав. После перерыва в один срок снова могут быть избраны те, что были в совете раньше.

Решения совета — закон для членов отряда. Но можно требовать, чтобы совет публично обосновал то или иное решение.

На общем лицейском сходе, раз в полгода, избирается контрольно-конфликтный совет (ККС) из трех справедливых и уважаемых лицеистов любого возраста. ККС координирует планы отрядных советов, разрабатывает общие лицейские планы досуга на неделю вперед. Он может проверять любые документы любого из взрослых должностных лиц (накладные, сметы, отчеты) и проверяет их. Также ККС может проверять дела любого из

отрядов.

Главное учебное место — кабинет (класс) и читальный зал. Тот из ребят, кто выбрал специализацию, получает право свободного посещения уроков. Он разрабатывает для себя программу со своим воспитателем по специальности.

Каждый лицеист по предложению воспитателя должен раз в месяц отчитаться перед ним, воспитателем, и членом отрядного совета. Тот, кто успешно занимается индивидуальной учебной работой (и три раза подтверждает это на своих отчетах), получает право отчитываться раз в полгода.

О программе обучения. Свой предмет, свою специальность каждый изучает детально. Плюс факультативы по другим специальностям. Факультативы ведут выбранные для этого на сходе отряда воспитанники соответствующих специализаций. Общекультурную программу развития, мифологию, языки, информатику ведут взрослые педагоги.

Основные отрядные специальности: историки, литераторы и люди искусства, менеджеры, спортсмены, педагоги, медики и биологи, математики и физики, химики.

Всего в каждом лицее двести человек. Следовательно, один специализированный отряд включает от десяти до двадцати воспитанников. Но может в него входить и три-четыре человека — сколько наберется…

О чистоте и порядке. Ежедневно каждый отряд выделяет одного нового человека в бригаду по наведению чистоты. После уроков, когда свободное время, она наводит порядок, убирает. Мелкая уборка — дело каждого лицеиста и каждой спальной. От участия в бригаде освобождаются только больные.

Помимо этого, для исполнения более сложных дел могут набираться из всех отрядов бригады умельцев.

Досуг. Лицеисты оборудуют себе места для спортивных игр, бассейн, видеозал, компьютерный зал (все на свои заработанные средства).

Каждый день недели — день какого-то отряда. Например, понедельник — день истории. Отряд историков готовит вечер на этот день — театрализованные представления, суды над историческими лицами, конкурсы, программы своего творчества на исторические темы…

Финансы. Помимо государственных дотаций, которые минимальны, обязательна организация подсобного хозяйства и своего производства. Этим занимаются менеджеры. Ими выявляются потребности местного рынка, в пределах района, и организуется производство того, что нужно. Каждый лицеист работает на производстве час-полтора в день.

Спорт. О своем стадионе и бассейне уже говорилось. Отряд спортсменов ведет секционную работу, организует утреннюю зарядку по спальням, дни здоровья, спартакиады.

Отряд литераторов ведет факультативы по литературе и искусству, выпускает рукописные газеты и журналы, помогает лицеистам осмысливать собственную жизнь.

Историки заняты не только историей страны и мира, но также разысканиями о бывших лицеистах, созданием их биографий.

Педагоги возглавляют бригады, вместе со взрослыми разрабатывают планы занятий, участвуют в общекультурной программе развития, могут принимать отчеты у тех, кто занимается индивидуально.

Биологи и медики ищут, как оздоровить лицеистов. Сад, лес, река, общение с животными в их поле зрения. Они проводят аутогенную тренировку, организуют дни медицины, лечат заболевших вместе со взрослым медиком.

Математики и физики помимо теоретических занятий участвуют в научном обеспечении работы менеджеров, придумывают для менеджеров деловые игры. Работают для медиков над математическим моделированием систем организма. Исследуют для литераторов математические теории общества и теории конфликтных ситуаций. Занимаются компьютерным обеспечением деятельности каждого из отрядов — составлением разнообразных программ на машинных языках. Разрабатывают новые компьютерные игры…

Химики помимо того, что само собой разумеется — изучения всех разделов химии органической, неорганической, биологической, занимаются разработкой концепций безотходных производств, ищут способы нейтрализации воздействия химических веществ на природу, готовят химические фокусы и «чудеса», фейерверки для развлекательных вечеров.

Каждый отряд кончает день «огоньком». Лицеисты рассказывают, что сделали за день хорошего, доброго. Кто хочет, тот встает и говорит. Кто не хочет, молчит.

Любой лицеист — добродей, практик добра (прад). Обязательная традиция — душевное стремление делать что-то хорошее и для лицея, и для населенного пункта, который рядом, оставлять о себе добрую память.

Поощрения. Достойные отмечаются в стенгазетах, в лицейской «Книге чести».

Наказания. Высшая форма неодобрения — записка, которую любой может послать любому. То есть попросту опустить в специальный почтовый ящик, висящий в холле спального

корпуса. Дежурный член ККС вынимает вечером записки из ящика и раздает отрядным воспитателям. Воспитатели прочитывают записки вслух на «огоньке»…

Теперь о взрослых в лицее. Во главе их триумвират: директор по учебе, директор по хозяйству, директор по кадрам и быту. Эти три директора выбираются из воспитателей раз в полгода на общем сходе взрослых и лицеистов. При перевыборах они отчитываются за свою деятельность.

Существует также совет воспитателей. В него входят директор по учебе и двое членов совета, выбранные воспитателями. Совет воспитателей исполняет те же функции, что детский ККС, то есть может проверять любые документы и любые действия, координирует воспитательские планы разных отрядов. Раз в полгода совет воспитателей подлежит переизбранию.

Все взрослые на перевыборах теряют свои «звания», все считаются «кандидатами». Лицеисты выбирают из кандидатов воспитателей. При переизбрании ведется открытый разговор о воспитателях и кандидатах, любая критика высказывается в глаза.

Кто три срока проходил в «кандидатах» и не был избран воспитателем, должен сам уйти из лицея.

В каждом отряде — трое взрослых воспитателей. Работают по шесть часов, по скользящему графику. Воспитатели являются также учителями. Они проводят все необходимые уроки в своем отряде, они да еще лицеисты из педагогического отряда.

Каждый, кто хочет работать в лицее, должен представить свою творческую программу и пройти тестирование. Творческую программу принимаемого обсуждает общий сход лицеистов, результаты тестирования — совет воспитателей…

Позвал Димку на помощь, Ленку да Сережу, и мы, споря, горячась, набросали на бумаге начисто все, что могли сказать о лицее — об идеальном детском доме.

Пока мы кричали друг на друга, возникла рядом Зинаида Никитична, посмотрела на Димку, как он, и, успокоенная, включилась в наше обсуждение…

Мы долго сидели. На улице уже стемнело, отряд Зинаиды Никитичны галдел под окнами — гулял на свободе…

Заглянул директор, повертел головой, недоумевая. На него никто не среагировал, и он исчез, нахмуренный. Узнал бы он, над чем мы корпели!..

Ребята словно воспарили. Они увидели выход из тупика, из беспросветности, поняли, как должно быть по-настоящему.

— Вот бы воспитательницей в такой детдом! — сказала Ленка.

— А я директором буду! — сказал Сережа. — Я сделаю такой лицей! Неужели меня ребята не выберут!..

— Головы расшибете… — сказал Димка. — Хотя попробовать можно…

Расходиться не хотелось, было прекрасное чувство общности. Зинаида Никитична глядела молодыми глазами, белые вьющиеся волосы растрепались, как у девчонки.

— Ведь это реально! Это может быть! — сказала она. — Это вам не «Сказка про кукушонка»!..

Наташа смотрит в пространство, ерошит челку, закрывающую лоб.

— Я бы хотела тут остаться и никуда не уезжать. А в пионерский лагерь мне страшно ехать. Боюсь туда ехать!.. Как жить с семейными? Они все такие злые. Глядят на нас, как на муравьев. И дразнятся! Все время дразнятся! Зачем они дразнятся, Сергей Иванович?

— А ты не обращай внимания.

— Правда?.. Не обращать?..

Наташа смотрит доверчиво. «Ну как же тебя не дразнить, вот такую беззащитную!..» — думаю я.

Сережа тоже уезжает в лагерь. Держит в руках медкарту, смотрит на меня, склонив голову набок. Пахнет от него, к сожалению, табаком.

— Что ты хочешь спросить, Сережа?

— Онанизм очень вреден?.. — Он говорит излишне громко, что выдает его напряженность. К тому же слегка краснеет.

— Вреден психически. Если на нем зациклиться, — говорю я.

— Вы не мне, вы всем расскажите! А то есть у нас один… И другие тоже имеются…

— Нервные потому что! — говорю я. — Возьми-ка вот валерьянку с собой!..

Я ему даю пузырек и, когда он уходит, вписываю в план работы занятие с воспитателями и разговор с ребятами об онанизме…

Женька все один да один. Мечтатель, да и только. Другие разбиваются на пары, группы, а этот прилепился ко мне и по полдня сидит в кабинете, светя огромными глазищами. Я его на улицу посылаю, прошу поиграть, побегать, а у него один ответ:

— Хочу с вами!..

Взял его с собой в поход — прошли четыре километра по лесу, вышли на огромную поляну: там, на опушке, была могила

неизвестного солдата, мы украсили ее полевыми цветами. Потом по лесу, через густые заросли ландышей, пробрались к Неве. И двинулись по берегу к поселку. Поход получился трудный. В некоторых местах у воды мешанина стволов — сквозь них протискивались, продирались, проползали. В некоторых местах берег был круто обрывистым и мелководья практически не было, мы ступали по корням, нависшим над водой, и корни раскачивались, пружинили. Далее брели по мелководью, и река дарила нам сюрпризы — нашли пластмассовый красный мячик, нашли коричневую расческу на дне. Женька обрадовался находкам…

Для отрядной воспитательницы сорвали пять ландышей, больше договорились не брать, чтобы не разорять природу…

И снова он сидит у меня в кабинете. И снова отсылаю его поиграть-побегать. А он отнекивается:

— Не с кем играть! Ребята секретничают. А я не люблю секретничать!..

Тут же убеждаюсь: человек он предельно открытый. Влетают ребята в кабинет, спрашивают у него:

— Чего жуешь?

— Конфету, — правдиво отвечает Женька.

— Откуда взял?

— Сергей Иванович принес.

— Еще есть?

— Есть…

Женька вынимает кулек из кармана куртки и отдает ребятам…

Осматриваю новеньких — тех, кому в следующем году быть в первом классе. Все малыши красиво одетые, чистенькие, тихие…

Вот привезла девочку директор дошкольного детского дома. При первом взгляде на женщину понимаешь: именно таким должен быть директор детдома — уютным, домашним, излучающим доброту.

Девочку в первый год жизни бросила мать и «скрылась в неизвестном направлении». Несколько дней девочка пролежала в заколоченном сельском доме, пока прохожий случайно не услышал ее писк…

А мальчика доставила немногословная женщина-воспитатель. Отец ему с пяти лет «наливал по стопочке». И все-таки не сумел погубить. Мальчик умный, охотно отвечает на вопросы, улыбается. Он даже сочиняет свои песни, вопреки всему, наперекор судьбе, — редкое исключение среди множества загубленных водкой ребят…

Они стекаются к нам из Новгорода, из Архангельска, из Харькова. Сироты, которые могли бы составить гордость любой семьи. Любой нормальной семьи…

Восьмиклассник сразу после экзаменов убил щенка. Говорят, он это сделал «просто так». Взял камень и…

А мне все хочется найти ему хоть какое-то оправдание. Может быть, экзаменационные стрессы накопились, наслоились и вызвали в нем такой взрыв? Может быть, он злился и тосковал оттого, что кончилась определенность жизни детдомовской и начиналась неопределенность жизни иной, взрослой?..

Детдом забурлил. Малыши хотели избить восьмиклассника и отважно обсуждали, как это сделать. Директорские педагоги и он сам хранили молчание — для них восьмой класс уже как бы не существовал. Старые воспитатели стыдили парня, и тот слушал, не опуская глаз, но уши пылали…

…Всего их было четверо — четверо мягких и теплых щенят, и жили они со своей матерью в сарае возле спального корпуса. «Четыре черненьких чумазеньких чертенка…»

Прошел слух, что троих оставшихся восьмиклассники тоже решили убить. Малыши всполошились, решили этого не допустить и стали прятать щенков.

Такова предыстория появления «черненьких чумазеньких» в моем кабинете. Их принесли девчонки, попросили оставить на день-другой, и я согласился. Щенки были деловитыми и сразу разбрелись по углам. Один устроился под столом и тихонько поскуливал, тыкаясь носом в мои тапочки…

Хлопот у меня особенных не было. Занимался своими делами, а щенки — своими. Ребята прибегали, кормили своих питомцев, прибирали за ними.

Хорошо, что медсестра была в лагере. Она из директорских и с ребятами строга…

Через два дня щенки уехали на летний отдых. Как их ребята увезли в лагерь, открыто или нелегально, я не стал уточнять.

Ребята разъехались — кто к родным, кто в пионерские лагеря. Сижу в пустом, непривычно тихом кабинете, пишу справки для восьмиклассников — наших выпускников. Дверь в коридор открыта.

И вдруг слышу: на лестнице разговор на повышенных тонах.

— Да не поеду я домой! — голос восьмиклассницы.

— Но за тобой же мать приехала! — голос воспитательницы.

— Ну и что! Приехала и уедет!

— Как ты можешь так говорить!

— Не хочу я домой!

— Но здесь-то ты уже отучилась!

— В ПТУ поступлю! Тогда и уйду отсюда! А домой не собираюсь!..

Голоса стихли, удалились. Что же она видела у мамы, эта бедолага, если так, наотрез, к ней не хочет!.. Как бы хорошо они себя чувствовали, если бы знали, что не выставят их за дверь, едва отучатся. Пусть бы выпускники жили в детдоме до тех пор, пока не обзаведутся семьями. Пусть бы из них формировался воспитательский резерв. Внештатные воспитатели — разве плохо! Пусть бы что-то вроде общежития было при каждом детдоме — для них, для выпускников. Ведь не чужие — здесь выросли. Разве не дикость отсекать их от себя, едва кончат последний класс? Разве не уродливое подтверждение того, что их держат тут по долгу службы? И с малышами они могли бы возиться, и самых озорных сдерживать. И пример бы их больше значил, чем любые педагогические нотации. Конечно, если бы это был положительный пример…

Сейчас, как мне кажется, их боятся оставлять. Боятся, что они, по образцу незадачливых родителей, начнут пить-гулять. И от страха как раз подталкивают некоторых к «питью-гулянью», чем в коллективе эти некоторые заниматься бы не стали…

Мы с ребятами, кстати, тоже не подумали о выпускниках нашего идеального детдома — нашего лицея. Значит, надо еще думать. И обязательно предусмотреть то, о чем я выше написал…

Восьмиклассники оставили надписи на фасаде: «Здесь жили и мучелись…» И дальше — клички крупными буквами. Димкина кличка — Сократ — написана карандашом, без нажима, буквы меньше, чем у других.

Значит, было у них ощущение мученичества?.. Конечно, оторвали от семьи, заставили жить в казенном доме…

Интересно, почему Димка не исправил ошибку в их настенной надписи?..

Была суббота. Я шел по Невскому со своими сыновьями. Остановились попить у автомата.

И вдруг из толпы — одно, другое, третье знакомые лица.

— Сергей Иванович!..

— Сергей Иванович!..

— Сергей Иванович!..

Наши… Видимо, на экскурсию приехали. Тут и Женька, и Наташа, и другие мои пациенты-собеседники. С ними воспитательница — Алена Игоревна…

Меня поразило, как ребята кинулись от нее ко мне. Как осветились их лица… Как они выкрикивали громко мое имя…

— Мы только что с теплохода, — сказал я. — Катались по рекам и каналам. А вы куда?

— А мы в музее были! — затараторили ребята. — Мороженое ели!.. Наверное, в кино пойдем!..

Мы обменивались впечатлениями, смотрели друг на друга и улыбались. Мы были нужны друг другу.

Выходил из леса, поднабрав колосовиков. Отправился после работы — давно обещал маме. Устал, вспотел. Ветер шумел, как река, и не приносил прохлады. Хотелось искупаться в настоящей реке.

Впереди опушка засветилась. Ночь была близко, но яркий, теплый день не думал меркнуть. Правда, деревья вроде бы стали сдвигаться теснее. Вроде бы кроны их начали сливаться в единое упруго-ароматное облако. Вроде бы и напряжение в «электрической системе» дня чуть понизилось…

Загляделся, и на тебе — запнулся. И тут же вдобавок попался под ноги окопчик, заросший черничником.

Прыгнул через окопчик, но вышло неловко, — грибки посыпались в траву.

Пришлось наклоняться. Ох как не хотела этого спина! Невольно помедлил секунду-другую. Рассыпанные дары леса были красивы. Они принадлежали этому миру, от которого я их отделил. Что-то вроде угрызения совести шевельнулось…

Но подобрать грибы не пришлось. Слух резанул дикий визг. Я распрямился, оглянулся. Леший, что ли, не к ночи будь помянут?..

Визг сменился лаем… И снова визг… И снова лай… Собака!.. Что-то с ней неладно!..

Бросился вперед, и ветки ожили, стали хлестать, царапать. Опушка приближалась медленно, хотя светилась, казалось, недалеко. Собака затихла. Зато стали слышны людские голоса. Возбужденные голоса двух или трех парней…

Страшно мне стало не сразу.

— Вы собаку слышали? — спросил, переводя дыхание, морщась от неприятного запаха.

Парни сидели возле костра, который слабо дымился. Наши семиклассники: Генка, Зайка, Ник. И Петька — его позавчера доставили из детприемника.

У подростков не лица — блаженно-одеревенелые маски.

— Собаку?.. Слышали!.. — сказал Генка.

В левой руке у него железная кружка, в правой — бутылка

водки. Остальные держали свои кружки и смотрели на бутылку. Даже у Петьки был пластмассовый стаканчик — маленькое белое пятнышко. Петька держал его в опущенной руке…

— Где она?

— Вот! — Генка мотнул головой на костер.

Я перевел взгляд и еле сдержал рвотный позыв. Черная масса, которую принял за угли, была сгоревшим собачьим трупом. Понятен стал неприятный запах.

— А че ему надо? — спросил Ник.

— Так это же доктор! — сказал Петька. — Наш доктор!

— Что же вы? — сказал я растерянно. — Зачем сожгли?

— Сказать ему? — вопросил Генка. Остальные, то бишь Зайка и Ник, механически покивали головами. — Мы мстить хотим… Жестокость и сила… Вот что нам нужно…

— Кому? За что? — Я волновался, почти кричал.

— Зайке надо убить одного гада… Вот, готовится… Над Ником издевались много… Теперь его очередь… А меня продавали…

— Вот что, ребята! Хватит! Пошли домой!.. — Я выкрикнул и замер. Почувствовал угрозу, исходящую от парней. Сейчас мне с ними не справиться.

Петька тоже, видно, испугался. Вскочил, побледнел, подошел ко мне. Глянул умоляюще.

— Уходите! — сказал громким шепотом. — Не говорите ничего!..

— Нет, погоди! — то ли ему, то ли мне сказал Зайка.

Он поставил на землю кружку и шарил в траве руками. Нашел, зажал что-то и медленно поднялся.

Глаза у него стали как пуговицы — ни проблеска разума. В руке он держал камень — небольшой булыжник овальных очертаний.

— Дядя не верит… Научим… Заставим…

Он с трудом выговорил эти «армейские» угрозы. Неуверенно поднял руку с камнем. И никак не мог сфокусировать на мне свои пуговичные «гляделки».

Тут еще ему Петька помешал. Бросился и затараторил, умильно заглядывая снизу:

— На, выпей, Зайка! Ты же устал, сам говорил! У тебя же глотка пересохла!..

Петька сунул ему под нос беленький свой пластмассовый стаканчик, и Зайка уставился на непривычную емкость с тупым удивлением.

Другой рукой Петька за своей спиной делал отгребающие движения — уходите! уходите!..

Я его послушался — ушел. Страшно было.

Камень, пущенный наугад, ударился в дерево далеко позади. Звук был негромкий и короткий.

Генка что-то кричал. Ник хохотал визгливо…

В детдоме узнал, что парни приехали из лагеря с завхозом. На два дня…

Вспомнил встречу на Невском. Как ребята бросились ко мне…

Идиллия кончилась. Новая начиналась история. Нужно было думать про Генку, Зайку, Ника.

Эта книга учит понимать мир ребенка. Автор ее — не новичок в литературе. Врач по профессии, он с 1974 года печатается в различных изданиях, лауреат Всесоюзного литературного конкурса имени Н. Островского. Его книги — «Я лечу детей», «Азбука природы», «Записки детского врача» — были тепло встречены читателями.

Наблюдательность, умение общаться с детьми, страстная позиция человека, заинтересованного в судьбе душевно травмированных, психически искалеченных детей, оказавшихся сиротами при живых родителях, отличают эту книгу, в которую вошли две повести — о становлении отцовского чувства и о воспитанниках детского дома.

75 коп.

Сергей Иванов

ГДЕ ВАШ ДОМ, ДЕТИ?..